

Сатпрем

Мое пылающее сердце

Сатпрем

Мое пылающее сердце

"Мое пылающее сердце" -- это интервью, которое Сатпрем дал в 1980 г. одному французскому журналисту.

Фредерик де Товарницки -- французский журналист, известный своими глубокими интервью с великими философами и учеными нашего времени.

Он посетил Сатпрема в Индии, где их беседа записывалась на пленку с 29 апреля по 5 мая 1980 года и позднее была передана по французскому радио.

* День Первый. МОРСКАЯ ЧАЙКА И КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА *

Путешествие

Товарницки: В сказаниях часто можно услышать нечто вроде: "День подходил к концу. Некто брел по дороге, когда вдруг повстречал старца. Затем наступило утро...". И в конце истории делается некоторое заключение.

Так что, Сатпрем, я хотел бы попросить Вас вести повествование то как сказание, то как некие размышления, которые позволили бы мне задавать вопросы типа "В чем значение гиперсознания, материи? Как все происходит?..."

Ведь Ваше духовное путешествие...

Сатпрем: Хорошо, прежде всего... То, что интересует меня в первую очередь, это Мать. Что она делала. Что было сделано.

Товарницки: Да, но прежде чем Вы повстречали ее...

Да, был полный курс.

Товарницки: До этой встречи было несколько стадий?

Да.

Товарницки: Прежде всего, был тот вопрос. И все путешествие постепенно предстает все более и более полным ответом на тот первый вопрос, пока... Но до встречи с Матерью были концлагеря, джунгли, до роги Индии, Тантризм... Сатпрем, какими были стадии, вехи этого приключения, этого путешествия?

О, моей первой стадией был берег моря: ребенок, всматривающийся вдаль.

Таково начало и, возможно, конец всего.

Но я много чего повидал. Я прошел через массу переживаний, начиная с детства в Бретани и заканчивая концлагерями и затем Индией... Да, на самом деле, сначала был Египет.

Из Египта я отправился в Индию, и именно там я открыл Шри Ауробиндо и Мать -- их взгляд.

Затем я отправился на поиски приключений во французскую Гвиану, бродил по джунглям, потом была Бразилия, Африка. Затем назад в Индию, потому что тот взгляд поразил меня. Мать была там.

Я снова отправился в дорогу. Я стал саньясином [монахом], странствовал по Цейлону, Индии, Гималаям. Наконец я вернулся -- теперь на девятнадцать лет -- в Пондишери, к Матери,

ради того исследования тела, клеток, следующего вида: того, что ГРЯДЕТ, того, чем мы являемся в процессе становления, того, чем на самом деле является каждый из нас, возможно, вообще не осознавая это.

Товарищ: Вы начали свои поиски до встречи со Шри Ауробиндо и Матерью. Если не возражаете, давайте начнем с этих поисков, которые длились более десяти лет. Как все начиналось, еще до встречи со Шри Ауробиндо.

Хорошо, но именно он предопределил мои поиски.

Товарищ: О, прямо с самого начала?

Да. Именно он придал смысл моим поискам.

Но поискам чего? Что на самом деле ищет человек?

Товарищ: Ну, в духовном путешествии можно говорить о "поисках", не так ли?

Да, поиски, но... Это же абстрактные слова, видите ли. Поиски чего? Что на самом деле ищет человек?

Где начинается этот вопрос?

В чьей-то голове он возникает в пятнадцать или двадцать лет, но он там уже гораздо раньше.

Детство в Бретани

Когда ребенок открывает свои глаза, он всегда уподобляется первому человеческому существу в мире. И он спрашивает себя "Что?" (без слов, конечно же; он сам ЯВЛЯЕТ этот вопрос). Человек БЫЛ вопросом. Мы думаем, что должны дать ментальные, интеллектуальные ответы на этот вопрос. Но даже если мы дадим все ответы, это не решит ничего. Ведь это вопрос СУЩЕСТВА.

Насколько я могу себя вспомнить, я помню себя ребенком на берегу моря, вглядывающимся... Вглядывающимся во что? Не знаю, но вглядывающимся. Его взгляд -- это уже вопрос. И вся наша жизнь сделана из той самой вещи, которая была с самого начала, когда мы смотрели на волны на берегу. Это та же... острая тоска, сильное желание, стремление К чему-то. И грядет момент, когда это желание будет удовлетворено, исполнено.

Товарищ: Это в Бретани Вы сидели на берегу моря?

О, да! Именно там я провел свое детство. Я жил морем. И, на самом деле, я чувствовал себя комфортно, лишь когда был в лодке. Когда я был в море, то чувствовал, что все исчезает; что остаются только волны, ветер и больше нет никакого "меня" -- чувство распростертости повсюду, потери самого себя в расширении света. И это было очень приятно. Но когда я приставал к берегу, то внезапно возникало чувство возвращения в тюрьму. Конечно же, я не имел понятия, почему; я просто чувствовал себя ужасно. С возвращением на сушу все начинало казаться ужасным.

Товарищ: Вы были моряком?

Да, я был кем-то вроде... я как бы был юнгой! Я отплывал в море. Я был мореходом.

У меня была маленькая лодочка, и я отплывал так далеко, насколько мог -- насколько опрометчиво я мог поступить. И я чувствовал себя очень хорошо только пока была необъятность, пространство и "никого". Потом, как только я подплывал к берегу, все начинало раздражать.

И как раз тогда... вот когда, возможно, возник вопрос: с одной стороны, то состояние я не мог объяснить, такое ощущение счастья в море с ветром, небом и пространством; и как только я возвращался, чувствовал себя несчастным. Вот, возможно, как все начиналось.

Для меня было состояние полноты и состояние жажды -- которое обычно сопровождалось чувством все нарастающего огорчительного отсутствия. Не огорчительного -- гнетущего.

Товарницки: Как-то Вы говорили, что несколько задыхались, когда на ходились на суше.

Я все время задыхался на земле! Я провел, не знаю, двадцать лет своей жизни, задыхаясь. До тех пор, пока -

Товарницки: -- Почему?

Потому что я находил, что мир задыхается. Семья, друзья, школа - все это казалось мне таким маленьким, таким узким. Вы не можете свободно дышать; все раздражает. И единственной полнотой, которую я знал, была физическая полнота -- не знаю уж как насчет "полноты", должно быть какое-то другое слово, но в тот момент уже не было больше ни "я", ни каких-либо слов. Я чувствовал непринужденность, находясь в открытом море, но стоило мне возвратиться на сушу, как все становилось ужасным.

Беда только в том, что невозможно проводить все свое время, сидя в лодке!

Товарницки: Вас можно так понять, что Вы не слишком обременяли себя, отказавшись мириться с принуждениями повседневной жизни, с которыми каждый должен сталкиваться: учителя, школа, дисциплина...

Я находил все это абсолютно непереносимым.

Я находил это абсолютно ЛОЖНЫМ. Хорошо, я могу снова дать ту же оценку: это "ложно", потому что все хорошее и истинное должно переноситься легко.

Всякие поиски -- мы употребляем абстрактные слова, но что же такое, в конце концов, истина? Это когда чувствуешь себя хорошо и можешь легко дышать. Это не имеет ничего общего с метафизикой, знаете ли.

Ну, хорошо, единственная жизнь, которую я знал -- которую, я полагаю, ведет любой молодой человек на Западе -- душила меня. Все воспитание, которое они вкачивают в вас -- латинские склонения, греческие глаголы, школьный пансион. Они совали меня из одного пансиона в другой, потому что я был невыносимым. Я был им как кость в горле! Поэтому меня поместили сначала в один пансион, затем во второй, потом в третий, и все казалось мне... ужасным. Я не мог терпеть даже свою семью.

Оглядываясь на это, можно было бы сказать "кризис роста". Люди дают всевозможные так называемые психологические объяснения. Но есть только одна вещь: ПОТРЕБНОСТЬ... ребенок чувствует ПОТРЕБНОСТЬ в чем-то, что он безуспешно пытается заполнить той или иной вещью, затем другой. Но это никогда не заполняется. И в моем случае то, что было утрачено, было утрачено мучительным образом. Почему, не знаю. Но это факт.

Товарницки: В то же время Вы не знали, что было утрачено.

Не имел ни малейшего представления.

Товарницки: Было ли это началом вопроса?

Это был сам вопрос.

Жаль, что люди не совсем знают, как отследить происхождение их вопроса, первое его появление. Поэтому они задают всевозможные ложные вопросы. Они дают всевозможные ложные ответы, чтобы попытаться как-то заполнить ту... пустыню, ту потребность, то отсутствие.

Товарницки: Но они начинают осознавать это лишь гораздо позднее, не так ли?

Да... Они также удовлетворяются самым малым.

Вот что составляет разницу между людьми; это не вопрос какого-то разумения, того или иного качества. Разница заключается в "интенсивности" нужды и интенсивности потребности.

Вот что различает человеческие существа.

(короткое молчание)

Некоторые люди поистине как младенцы. Их потребности крайне материальные, и если вокруг них достаточно шума, друзей и книг, они вполне удовлетворены. Да, это младенцы. Таких много.

Другие больше вопрошают, можно сказать, или им труднее дышать.

И, к великому сожалению, те люди, для кого этот вопрос действительно подобен нужде дышать свободно, не имеют многого, чтобы удовлетворить ее, заполнить эту дыру -- потому что, на самом деле, это дыра. Это дыра, нечто, чего... катастрофически не хватает.

Товарники: Люди чувствует себя жалкими, несчастными?

Да, все больше и больше. Действительно, это чудо нашего двадцатого столетия; в истории никогда не было более чудесного времени! Поскольку мы на самом деле начинаем подходить к настоящему вопросу и к необходимости настоящего ответа. Всего лишь двадцать пять лет назад люди были полны политических, экономических, метафизических иллюзий -- они бредили всей этой чепухой и шумно ее провозглашали, как если бы все со временем стало бы на свое место.

Да, теперь чудесно; у нас больше нет иллюзии, что все идет к лучшему. Мы подходим к настоящему вопросу. И, значит, к настоящему ответу, поскольку это одно и то же. Сам "вопрос" уже является ответом. Задать вопрос нужным образом -- нет сотни способов задавать его: вы спрашиваете своим сердцем, своим дыханием -- задать его нужным образом, то есть, воплотить его, БЫТЬ им нужным образом -- значит, уже получить ответ.

Это уже ответ.

Товарники: Можно ли хотя бы выразить этот вопрос?

Думаю, что... выразить его -- это как раз то, что неправильно.

Товарники: Для большинства людей это "В чем смысл жизни? Зачем я живу?..."

Да, это всегда -

Товарники: "Как мне следует жить?"

Да, сразу же начинаешь искать ментальный ответ. Но то, что нам на самом деле нужно -- это ответ другого порядка, нечто не имеющее ничего общего с моральностью, философией, религией и всем этим. Каждый из этих человеческих подходов пытается дать ответ или принести удовлетворение; и в ходе развития человека каждый подход может дать ему что-то. Но это не нечто, что может в самом деле Вас наполнить. Не это.

Товарники: Возможно, нам не нужно вдаваться в детали, но иногда место играет свою роль -- Ваше бретонское происхождение, например. Сатпрем -- бретонец. Может быть, именно в Бретани, когда он был еще ребенком, в нем возник то самый первый вопрос, не получивший какого-либо ответа. Сегодня мы в голубых горах на юге Индии. Если я скажу "Сатпрем, Вы -- бретонец", будет ли это что-то для Вас значить?

О, конечно! Море отзывается во мне глубоким эхом -- как место, где для меня началось все. Я так часто чувствую это, и во всем, что я обрел на сегодня, в возрасте пятидесяти семи лет, я нахожу следы того, чем я жил, дышал, когда мне было шесть-семь лет от роду. И я жил этим там, в Бретани.

Товарники: Где именно?

На море -- о, Вы имеете в виду географически? Так уж необходимы эти детали?

Все, что я могу сказать, это то, что это было не так далеко от Беле-Айла.

Так что, да, мое происхождение означает для меня нечто физическое... Но, на самом деле, для меня сама истина -- физическая, просто вот так. Я могу чувствовать ее лишь тогда, когда она пульсирует в моем теле.

Для меня состояние истины является тем состоянием, в котором ТЕЛО находится в гармонии, чувствует себя неограниченным. Ощущение свободы безо всяких границ. Тогда ты

знаешь: это истинно. Все прочее -- просто текущие мысли; вряд ли они вообще интересны. То, что требуется, это жить ТЕМ постоянно, постоянно быть в состоянии истины, то есть, в состоянии гармонии, полноты. И люди не будут удовлетворены до тех пор, пока состояние истины не станет столь же простым, как воздух, которым мы дышим.

Я действительно удивляюсь, как... Весь этот западный образ жизни, в особенности, дает мне такое ощущение ГРАНДИОЗНОЙ искусственности. Я говорю не просто о машинерии, а об образе жизни людей: книги, мысли, немного эстетики; другими словами, как они более или менее заполняют свою жизнь. Все это, даже самое лучшее, кажется мне столь искусственным. Я повторяю: даже самое лучшее -- когда они рассматривают великолепные картины или слушают прекрасную музыку (хотя музыка может разрушать границы). Но все это мимолетно, видите ли. Это не глубокое, полное дыхание человеческих существ. Они живут как автоматы 23 часа 50 минут в сутки, и, возможно, всего лишь в течение 10 минут что-то происходит -- и то иногда.

Да, в ту минуту, когда я чувствовал утрату истины, как это и было -- то есть, когда я возвращался на сушу и сталкивался с конфликтами, людьми -- в ту минуту, когда я чувствовал утрату истины, нечто во мне АБСОЛЮТНО укоренялось в необходимости переживать то дыхание полным образом. Не просто в течение минуты или часа, пока я был в море -- переживать это ПОСТОЯННО.

И почему я не мог переживать это на суше?

Так что вот что вело меня этим образом в течение ряда лет, что заставляло меня искать по всем направлениям, искать любое... да, не лекарство, а выход.

Товарниcki: Иными словами, море явилось Вашим первым предметным уроком?

О, в самом деле!

Товарниcki: Когда Вы были ребенком?

Да, да -- море, пространство.

Религиозное воспитание: стены

Товарниcki: Я хотел бы спросить вот что: читали ли Вы что-нибудь в то время? И что читали? Несомненно, это была Библия! Конечно же, была бретонская религиозная атмосфера! Наверняка были воскресные службы, священник! Можно поговорить об этом?

Да, конечно же.

Товарниcki: Прекрасно. Каким же был этот ребенок Сатпрем? Что он читал? Или же он был неучем (смех). Действительно, возможно, это был не "ребенок Сатпрем"...

Да, вероятно, это был Сатпрем.

Товарниcki: Замечательно. Каким же был этот ребенок Сатпрем? Ходил ли он в церковь? Получил ли он религиозное воспитание?

О, я не мог выносить это... Да, конечно, я имел религиозное воспитание. Мой отец был очень религиозным человеком -- благодаря ему я получил отвращение к религии раз и навсегда.

Я чувствовал себя как в тюрьме.

Товарниcki: Даже в церкви?

Скорее из-за позиции моего отца -- и, следовательно, в церкви. Я чувствовал, что они пытались нахлобучить нечто на меня. И всю свою жизнь,, начиная с раннего возраста, я никогда не мог переносить ощущение ограничения чем-то.

Это была реакция.. в самих моих хромосомах (не знаю, где, но...). Чувствовать себя заключенным было невыносимо. Я не мог переносить религиозное влияние моего отца, моей семьи (они послали меня в иезуитскую школу), и я возненавидел религию. Я ненавидел все, что

заточает тебя.

Церковь означает здание. А по мне, идти в какое-то здание и сидеть там означало первую ложь. Я чувствовал жизнь, когда не было границ, понимаете ли; тогда во мне устанавливался определенный ритм, в котором я чувствовал себя непринужденно. Так что те стены -- с равным успехом это мог быть храм, мечеть или что угодно еще, но для меня это было одно и то же!

Для меня все, что заключает тебя в пределы четырех стен, было первым шагом на пути к лжи или удушью. Это все.

Концлагеря

Товарники: А затем были концлагеря.

О, да... Это была жестокая милость, дарованная мне. Как раз потому что я имел такую потребность в... истине -- "истине", да, не знаю, какое слово использовать. Или, скажем, потребность БЫТЬ. Да, потребность быть.

Я думаю, что из-за этой потребности мне и была дарована милость -жестоко -- прикоснуться к настоящему ответу!

Товарники: Благодаря концлагерям твое сердце с чем-то соприкоснулось?

О, в некотором смысле они чудесно мне помогли -- они вдребезги разбили во мне все человеческие ценности. Все было изорвано в клочья, опустошено. И не только тем, что я видел, но и тем, что прошло через меня. Мне было всего лишь... двадцать, только двадцать, когда я попал в концлагерь.

Товарники: Как это произошло, Сатпрем? Вы были арестованы гестапо из-за того, что были участником Французского Сопротивления?

Я был арестован гестапо.

Да, без предупреждения. Нас предали. В наши ряды затесался человек из немецкой контрразведки, а мы не знали об этом. И когда узнали, меня послали предупредить некоторых наших товарищей или агентов. Но тот человек, которого я предупредил, тоже оказался предателем! Я пришел и сказал ему: "Будь осторожен, нас предали", а этот человек также был предателем! Поэтому, как только я вышел из его дома, он тут же позвонил в гестапо. Не успел я отойти и на 500 футов от его дома, чтобы взять такси, как машина из Криминальной Полиции резко затормозила передо мной. Вышли два человека, пистолеты в руках, и арестовали меня на месте.

Да, это очень похоже на кино. Но...

Товарники: Куда они Вас отправили?

Они посадили меня в тюрьму. И тогда это началось.

Это не те вещи... Это не те вещи, о которых следует рассказывать.

Во всяком случае, все это разбило... разбило меня, чудесно меня ОЧИСТИЛО -- страшно, но чудесно. Ведь сколько же лет могло мне потребоваться, чтобы избавиться от всех этих социальных, семейных, интеллектуальных, культурных одеяний -- всего того, что нагромоздилось на меня за двадцать лет?

Да, все то, что нагромоздилось на меня, было разбито вдребезги, включая меня (то, что я думал, что было мною).

От меня ничего не оставалось.

Но в этом все дело: я думал, что это был я.

Я думал, что это была масса музыки, поэзии, того и этого. И все это внезапно было разрушено. Оставался лишь некий человеческий осадок, внезапно столкнувшийся лицом к лицу со смертью, страхом, ужасающей человеческой убогостью, и спросивший себя "Но что... что это такое?". Вы понимаете, в тот момент уже не было барьеров между тем человеком, который

издевается, и тем, который втоптан в грязь. Больше не было "человека из гестапо" и "жертвы гестапо", человека из СС и заключенного -- просто некий ужас, в который все погружены. Больше нет "других", понимаете. Вы... полностью затоплены ужасом. Ужас -- это не нечто внешнее; это нечто, внутри чего Вы пребываете.

Так что все, чем я мог быть, все, чем, как я думал, я был, было так радикально разрушено, что я был внезапно брошен в... да, в единственно оставшуюся вещь: собственную плоть.

Да, совершенно внезапно я ощутил фантастическую радость. Совершенно внезапно я оказался превыше всего, почти "смеясь". Как если бы я вдруг вышел из этого опустошения и перешел в место, которое было... "королевским". Я больше не был узником, я больше не был растоптанным, я больше не был... я был выше, взирая на все это с... почти со смехом.

И внезапно я как бы почувствовал себя снова в море, в своей лодке, как король.

Товарники: Как-то Вы написали "Я спросил себя, что же остается в человеке, когда ничего уже не осталось?"

Да.

Товарники: Это та глубина, с которой Вы соприкоснулись?

Да! И как раз тогда, когда ничего уже не осталось, да, внезапно появляется "нечто", что буквально взрывается великолепием.

Когда я начал задавать себе вопросы, где-то в возрасте четырнадцати лет, я обычно говорил себя: "Давай посмотрим: убери своего отца, убери свою мать, убери друзей, убери книги, убери музыку -- что останется от тебя? Где в этом теле ты, что не твой отец, твоя мать, пансионат, друзья и т.д. ? Где же ТЫ?".

Этот вопрос я задавал себе очень часто, когда стремился разобраться в вещах.

Что есть ТЫ?

Я спрашивал это, когда был на земле. В море не было вопросов. Но на земле, да: где же "ты"?

И тогда... в возрасте пятнадцати-семнадцати лет я грезил о некой "приключенческой жизни", где вы подобны некоему неизвестному химическому элементу: вы производите реакции внутри самого себя. Вы смешиваете всевозможные химические реактивы, чтобы открыть собственное строение.

И я представлял, что моя жизнь должна быть подобна химическому эксперименту, в котором приятель, предположительно "я", был бы вынужден ВЫКРИКНУТЬ свою истину, ИСПУСТИТЬ свою истину, ЗАЗВУЧАТЬ своим настоящим "звуком".

Товарники: Исследовать себя?

Да, найти, что там есть. Это был мой вопрос... Мой единственный вопрос.

И, возможно, именно из-за той интенсивности, с которой я спрашивал, я вскоре получил отклик.

В двадцать лет -- двадцать лет и пятнадцать дней -- я начал получать ответ. Сбрасывая все, что было нацеплено на меня. И осталось лишь это: что-остается-когда-ничего-не-осталось.

Товарники: Были ли вы поражены каким-то особенным случаем, связанным с СС или с охранниками лагеря, который указывал бы, что даже в наихудшие моменты жизни могут иногда работать и другие силы, не только ужас?

Вы имеете в виду в жизни или...

Товарники: Я имею в виду какой-нибудь случай в концлагере, который мог бы показать, что "зло" вовсе не всемогуще.

Не знаю.

(молчание)

Товарницки: Хорошо, я имею в виду, что посреди этого ужаса конца герей, этой лагерной машины могло бы нечто произойти... Вспомним, например, о том, что произошло на краю ауровильских каньонов (*). Вас могли бы поразить некоторые события, которые показали бы Вам, что иногда Молох уязвим! Такое случается. Сокровенное распознавание того факта, что охранники в конечном итоге были всего лишь соломенными чучелами? Сохранились ли у вас воспоминания, показывающие, что сама та безжалостная сила имела свои слабости?

О, сила была слишком неограниченной!... Она была почти безграничной! В кошмаре нет слабости. Вы должны просто выйти из кошмара.

В самом деле, я не могу сказать. У меня нет особенных воспоминаний о светлых пятнах во всем этом, кроме того, как находясь в гуще этой страшной ничтожности, я внезапно погружался в невыразимую радость... (не могу объяснить; не знаю, какое слово использовать, потому что это не "радость"). Внезапно я погружался в нечто необычно чистое и сильное -

(*) Когда на Сатпрема напала группа убийц, но он "чудесным образом" избежал смерти.

СИЛЬНОЕ, знаете ли. СИЛЬНОЕ -- ничто не могло меня больше коснуться.

Товарницки: Возможно, чувство искренности?

О, нет!... Искренность... Точно, не искренность!

Сила -- сила, вы понимаете. Нечто, что внезапно делало меня неуязвимым. И ничто не могло навредить мне.

Это был мой первый контакт с... (как я сейчас понимаю!) первый контакт с истиной, с тем одним, что ЕСТЬ -- что ЕСТЬ, на самом деле, человеческое существо, потому что когда вы касаетесь того ядра БЫТИЯ, вы касаетесь того, что находится повсюду. Будь это другой человек, растение или животное, вы находитесь в соприкосновении с самим бытием мира. И само бытие мира есть нечто полное, мощное и... "царственное".

Только эту вещь я ощущал в концлагерях. Кроме этого я не вижу других моментов милости. Может быть, кроме одного (уверен, что это было сделано намеренно)... Как-то во время бомбардировки нас впихнули в тоннель. Там было несколько гражданских, и кто-то из них оставил для нас сверток с маргарином или чем-то подобным. И я знал, что это было сделано умышленно. В ту минуту я подумал: "Хорошо... да, это хоть что-то."

Вот и все.

А так и не было никакой другой милости.

Товарницки: И, конечно, лишь значительно позднее Вы смогли понять значение той силы!

Тогда я начал соприкасаться с некоторым способом дыхания.

Я имею в виду, что когда я был ребенком, то мог чувствовать те необъятные и светлые вещи, и тогда мне дышалось легко. Но теперь я почувствовал это как силу. Теперь это больше походило на силу. Оно выражалось как сила, и мне потребовалось долгое время, чтобы понять, что это было.

И впоследствии Вами завладевает одна и та же мысль -- только одна мысль: может ли то, что приходило однажды, быть ВСЕ ВРЕМЯ.

Вашей единственной мыслью становится найти тайну механизма той минуты, когда внезапно она становилась такой абсолютной и непобедимой. Вы хотите понять это -- не просто понять; вы должны СОПРИКОСНУТЬСЯ с эти снова.

Первая поездка в Индию: взгляд Шри Ауробиндо

Товарнишки: Вы вышли из лагеря. И вопрос все еще оставался?

Ну, не знаю. Период после лагерей был для меня, возможно, еще ужаснее, чем сам лагерный период.

Я прожил несколько очень трудных лет, гадая, выживу или нет. Потому что, видите ли, в ту минуту, в те минуты -- или недели и месяцы, не знаю -- когда я чувствовал, что сила, ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ меня, оставила меня, когда я вышел из лагерей. Когда я вышел, она ушла. Я снова оказался в повседневной жизни, но был полностью опустошен. Поэтому как вам теперь подняться?

Долгое, долгое время у меня были приступы отвращения, разрушительные побуждения.

Товарнишки: Отвращения?

Хуже, чем отвращение; как разбитая жизнь. Что искать в ней? Что Запад мог мне предложить?

Я завербовался в "Ecole Coloniale", потому что полагал, что приключение можно найти в колониях, в первую очередь из-за того, что они так далеки. Но там я имел дело со школьными программами и учениками... Это как если бы я прилетел с другой планеты и высадился среди всех этих людей, которые казались столь уверенными в своей жизни... для кого жизнь была такой естественной! Но для меня ничто больше не было естественным.

Помню, что однажды что-то глубоко меня поразило.

Это случилось тогда, когда меня в первый раз везли в полицейском фургоне из тюрьмы во Фрезне [Fresnes] в rue des Saussaies (*), где нас допрашивали. Полицейский фургон ехал по определенному маршруту. Он проходил очень близко от того места, где я обычно жил, в Латинском Квартале. Вниз по улице... затем Бульвар Распай... как раз там. Внезапно, находясь в движущемся фургоне, я увидел через решетку ту улицу -- ту самую улицу, где я обычно гулял. Я увидел домохозяек, спешащих к булочнику со своими корзинками, и внезапно все это показалось мне таким СТРАШНЫМ, вы знаете, то, место, где я жил... те женщины, идущие со своими корзинками за хлебом... Все это казалось... ничто больше не имело реальности! Это было страшно.

Я не могу объяснить.

(*) Штаб-квартира гестапо в оккупированном Париже.

Это один из наиболее сильных моментов в моей жизни.

Было так, как если бы реальность мира, каким я его знал, была бы разрушена.

Товарнишки: Вещи утратили для Вас свою реальность?

Это было... это было на стороне мертвых! Не знаю... на другой стороне.

Я был на другой стороне.

С той минуты жизнь не могла больше быть естественной, что люди понимают под "естественным". Уже нельзя было просто так идти с корзинкой за хлебом.

Я был именно в этом состоянии, когда вышел из концлагерей. Я был поистине на другой планете, и это было... невыносимо.

Товарнишки: Вы завербовались в "Ecole Coloniale"?

Да.

Товарнишки: В каком городе?

В Париже.

Товарнишки: В Париже?

Я все еще находился в том противоречии: я был полу-бретонцем, полу-парижанином. Другими словами, одной ногой я был в открытом море, а другой -- в тюрьме. Точно так!

Но и здесь милость постучалась в мою дверь.

У меня был кузен, которого только что назначили губернатором Пондишери, во французской Индии, и он предложил мне: "Не хочешь поехать со мною в Индию?". Это было мое спасение, потому что я действительно не знал, что бы я делал в Париже. Это было мое спасение. Он взял меня с собой... И я увидел Шри Ауробиндо.

И в тот день, когда я увидел Шри Ауробиндо, внезапно... да, я наполнился той самой вещью, которую я имел... ощущью переживал как ребенок, и с этой вещью я столкнулся в концлагерях.

И это было КАК РАЗ ЗДЕСЬ. Оно смотрело на меня и наполняло меня -прямо передо мной.

Это было передо мной, живое. Это было прямо здесь, во взгляде.

Товарищ: Попытайтесь вспомнить. Расскажите мне о той встрече.

Как встречаешься в Индии с человеком подобным Шри Ауробиндо?

Со Шри Ауробиндо было несколько по-особому. Он никогда никого не принимал. Но три-четыре раза в год его ученикам и всем желающим дозволялось проходить перед ним, чтобы увидеть его (в Индии это называется "даршан").

Так что в тот день я пошел вместе с толпой и предстал перед ним, думая, что он был великий мыслитель, вы понимаете, и это все. Шри Ауробиндо был "мыслителем", "философом". По прибытии в Индию я немного о нем прочитал, только ознакомился, и думал, что он великий мыслитель.

А я встретил не мыслителя; это был взгляд -- я встретил существо.

Товарищ: А где он был?

Он сидел в большом кресле, а рядом с ним была Мать. И шла как бы процессия -- действительно, вы представляли перед ним, чтобы он взглянул на вас. Не посмотреть на него, а чтобы его взгляд открыл... ту дверь в нас, дверь, которая наполняет.

Товарищ: Вы уже знали о его работе?

Нет. Но по прибытии в Индию, непосредственно перед встречей с ним, я прочел "Очерки о Гите"; я прочел ряд книг... И сразу же я почувствовал: это не похоже ни на что из того, что я читал ранее, что смог понять прежде: это нечто другое.

Но для меня он все еще был "мыслителем". И внезапно я оказался перед нечто, что не было "мыслителем", перед существом, не похожим на все то, что я встречал на земле. Существо, которое было СУЩЕСТВОМ, живым БЫТИЕМ. Не человеком в костюме или даже с белой шаддрой, накинутой на плечи. Нечто, что было... было воплощено во взгляде, в теле, в его атмосфере, что я переживал в открытом море, в лодке. Вся эта грандиозность была там, в существе. Все ЭТО глядело на меня.

Это как если бы я внезапно распознал свой дом. Я узнал место, где я мог бы дышать, место, откуда я пришел -- я был дома.

Товарищ: И все это произошло во мгновение ока?

Это длилось, не знаю, четыре секунды... четыре секунды. И я никогда не забывал их.

Товарищ: Как когда Свами Вивекананда в первый раз встретился с Рамакришной. Это длилось долю секунды.

Это узнавание, понимаете ли. Точно так. Это не то, что вы открываете нечто другое; вы внезапно узнаете что-то.

Это... как "да", но более глубокое, чем "да". Это как раз "ТО", вы понимаете. Нет больше чужестранца. Это я, взирающий на самого себя -это Я, внезапно. Я, настоящий я, в точности то, что остается после того, как сброшена все ложь и все ненужности. Это то-что-остается.

Вот что было в тех глазах.

Товарищ: Это была ваша первая встреча.

Да. Я никогда не забывал ее.

Поэтому я решил, что должен жить этим. Я сказал себе: если человек может воплотить это,

БЫТЬ этим, что чувствуется как "мое", что же, хорошо, тогда это то, чем я должен жить, что я должен найти.

Но я был еще... я все еще должен был постранствовать.

И все это происходило в ашраме -- ашрам был как бы другой церковью, а я не мог принять это. Стены и я... все стены были мне тюрьмой. Будь то на Востоке или Западе, нет никакой разницы. Так что не могло быть и речи о том, чтобы присоединиться к "Ашраму Шри Ауробиндо". Что-что, но только не это!

Но... тот взгляд продолжал преследовать меня. То существо, те минуты бытия постоянно преследовали меня.

Я ушел.

Этот взгляд заставил меня решиться... раз и навсегда покончить с тем псевдо-будущим, которое я нарисовал для себя в колониальной администрации. Поэтому я сказал себе: "Я покончил с этим. Не могу больше это вынести." Не могу ПРИТВОРЯТЬСЯ, что живу. Это больше невозможно.

Я подал прошение об отставке. И я ушел.

Высадка в Кайенне.

Товарники: И куда Вы отправились?

Сначала я вернулся в Париж. Оказавшись там, я не имел представления, что делать. Затем, однажды, гуляя по улице, я проходил мимо транспортного агенства, в витрине которого красовалась карта мира с пароходными линиями, выделенными красным цветом. Так что я ткнул наугад и сказал себе "эта линия". На другом конце этой линии было написано "Кайенне". Я сказал себе: "Что же, отправлюсь в Кайенне".

И я был в восторге! Я подумал: "Это наверняка должен быть ад! Так что я отправлюсь туда. Пойду в ад. До самого дна и посмотрю, что там есть."

Потому что в моем романтическом воображении Кайенне служил символом ада... (*). Я думал: "Пойду туда, в самое пекло ада, и переживу то же, что однажды пережил в концлагерях. Я просто хочу БЫТЬ ТЕМ."

Поэтому я взял билет третьего класса и поплыл в Кайенне. Просто вот так.

Товарники: Для чего?

О, не имел представления! Никакого! Просто... пойти в ад -- в ад, если возможно, или во что-либо другое -- на самое ДНО всего этого, к КОНЦУ -- к ЭТОЙ Вещи.

В то место, где эта плоть, это существо должно ПРОКРИЧАТЬ свою суть. Или же умереть.

Я не был привязан к жизни. Я был привязан к... Хорошо, если я должен умереть, пусть я умру, идя к крайнему пределу.

И вот тут я открыл нечто чудесное.

Что столь чудесное, что когда в существе возникает настоящий вопрос, на него начинают приходиться всевозможные ответы. Всякая милость (мы можем назвать ею что угодно), всякая милость приходит, чтобы помочь.

Когда я смотрю на свой полный курс -- болезненный, весьма болезненный -- в котором я прошел через такое множество вещей, я всегда, всегда вижу руку милости, помогающую мне -- помогающую здесь, там, везде и отвечающую на мой зов. Вот в чем суть! Если бы люди только знали... Они жалуются на свое существование, но это из-за того, что они неискренни.

Потому что если зов искренен, то он НЕИЗБЕЖНО влечет материальный отклик -- МАТЕРИАЛЬНЫЙ, вы понимаете.

(*) До 1945 г. Кайенне был французским центром каторжных работ.

Товарники: Это не ответ в запредельном.

Конечно, нет! Я не верю во все это.

Это ответ в материи.

Я странствовал по Гвиане, неся с собой только "Жизнь Божественную". И в своих парижских ботинках. Вот как я прибыл в джунгли.

Товарники: Книга Шри Ауробиндо?

Да, "Жизнь Божественная". Я нес ее в руке, а на ногах были парижские ботинки, и это все. Вот как я пришел в джунгли.

Товарники: Это то, что Вы назвали "встречей с прошлым Земли"?

Да.

Но все же я пережил там трудные времена.

Потому что все замечательно: вы приходите в лес в своих парижских ботинках, но, внезапно, вы оказываетесь лицом к лицу с такой стихией... В течение нескольких дней я был... (как бы выразиться?), не сказал бы "напуган", потому что в своей жизни я уже немало повидал вещей, чтобы еще раз пугаться, но... вы просто не представляете, что такое джунгли!

Было несколько дней, когда я был несколько ... физически напуган, когда я не знал... не знал, как жить дальше.

Товарники: Но, Сатпрем, Вы достигли Кайенне, правильно?

Да.

Товарники: Только не говорите мне, что сразу кинулись в джунгли!

(смех) Нет, нет! Вот как все было...

Товарники: Да, как? Как это делается?

На пароходе, в третьем классе, я повстречал одного приятеля, "охотника за минералами", который сказал мне: "В Кайенне есть Горное Управление. Так что если ты хочешь пойти в лес (потому что именно туда я направлялся, конечно же), если ты хочешь пойти в лес, то можешь сначала обратиться в Горное Управление и предложить им свои услуги в качестве старателя или кого-то, кто им требуется."

Поэтому по прибытии я отправился прямо туда -- у меня не было денег, совсем ничего, вы понимаете. Я пошел в Горное Управление и предложил: "Я хочу идти в лес и готов делать все, что угодно!".

И меня взяли -

Товарники: Они хотя бы предупредили Вас? Они не сказали "Это труд но"?

О, вовсе нет! В действительности человек должен там понять несколько вещей -- он тотчас же схвачен.

Меня посадили в гребную шлюпку с несколькими западными индейцами, и мы отплыли; вместе с другим европейцем я начал изучение джунглей.

И здесь я провел несколько трудных дней... Прямо как в концлагерях, где я был по-человечески разбит, там, в течение первых дней в лесу, это также было физическим испытанием: внезапно я был... подавлен и немного сподобился утопающему. Когда вы оказываетесь в этом... Вы не имеете представления, чем могут быть джунгли!

Товарники: Да...

Это кишачий, устрашающий, ужасный мир. Он полон змей. Тьма змей.

Поначалу это меня... Вы не можете ступить и трех шагов, чтобы не наткнуться на змею. Там в самом деле полно змей.

Но это такой... фантастический мир!

Так что, в течение нескольких дней, я чувствовал себя как бы полностью вырванным из своего тела. Я с трудом понимал, где нахожусь физически. Затем, внезапно, между мной и лесом

установилось некое понимание.

И так я прожил... я провел целый год глубоко в джунглях.

Товарищ: Практически предоставленный самому себе?

Сначала я был вместе с двумя другими людьми. Впоследствии я был предоставлен самому себе со своим другом. Да, мы...

Товарищ: Расскажите мне, что означает провести день и ночь глубоко в джунглях, в контакте с силами земли... Или отложим на следующий раз?

Может быть...

* День Второй. НЕДРА ДЬЯВОЛА *

Кайенне: джунгли

Товарищ: И затем...

Сатпрем: Да, для меня Кайенне были скорее "вызовом", чем выбором.

Товарищ: Вызовом?

Вызовом.

Товарищ: Чему?

Вероятно, потому что... Кайенне имели славу каторжной тюрьмы, проклятого места.

Для начала вы высаживаетесь на Дьявольском Острове (смех). Это было как раз для меня! Я подумал: "Превосходно, пойдём и посмотрим, что в недрах дьявола!"

И затем... на палубе третьего класса я встретил старателя, направлявшегося в Гвиану, который сказал мне: "Послушай, в Кайенне есть Горное Управление... Ты можешь попытаться наняться там. Они ищут... Довольно трудно найти людей, желающих отправиться в джунгли. Так что они будут рады взять тебя."

Поэтому я отправился в Горное Управление, и они сразу же меня взяли. Меня посадили в гребную шлюпку с несколькими западными индейцами, и я отплыл в джунгли за своим первым уроком.

И, должен сказать, это было... высадка в этих джунглях была подобна входу... в катаклизм.

В течение нескольких дней я был... как бы вне себя, был как бы вырван из самого себя, ПОДАВЛЕН миром, который был... вне всякой меры для меня. Кишащий, шипящий, свистящий мир. Гигантские деревья, болота, дождь и дождь и дождь. Я чувствовал себя потерянным -- больше, чем потерянным; это было как вход в катаклизм. Все время, с "Жизнью Божественной" под мышкой. И что же дальше?

Люди не представляют. Они проводят свою жизнь в каком-либо специфическом одеянии. И те одежды вмещают в себя определенное число чувств, идей, принципов. Есть всевозможные маленькие вещи, все кружащиеся и кружащиеся в тех одеяниях. Как бы там ни было, они проводят свою жизнь в какой-либо особенной одежде.

И внезапно эти одеяния срываются с вас.

Но как раз этого я и хотел! Со времен моего детства в Бретани я всегда чувствовал, что есть некий секрет, который должен быть найден. Нечто должно быть ВЫВОРОЧЕНО из глубин.

Когда я выглядывал на море, в поле моего зрения попадало большое дерево (как оно называлось? какое-то хвойное дерево; оно было прямо перед окном моей спальни..) Кипарис! Прямо перед окном моей спальни, на берегу моря рос большой черный кипарис. И я обычно часами смотрел в это окно.

И там была паутина... Помню, что как-то я увидел паука, висевшего среди ветвей кипариса. Я смотрел на ту паутину. И внезапно я как бы увидел себя в паутине. Я видел себя... я видел этого маленького приятеля в центре паутины, со всеми нитями -- которые были, прежде всего, всеми книгами, которые я прочитал, ведь прочел я тонны книг, и затем друзья, родственники,

семья, иезуитский пансионат, математика, химия, и все, с чем я соприкасался.

Я действительно видел себя как бы... пойманным в паутину. И я подумал: "А что случится, если я оборву все эти нити?"

Это был тот вопрос, который все возвращался и возвращался ко мне: "Если я перережу все эти нити, то, может быть, я завладею тайной?". Я чувствовал, что была тайна. Жизнь является тайной -- каждая вещь в ней. Мы должны ВЫРВАТЬ тайну у самих себя. И все является неким предлогом, чтобы ВЫРВАТЬ то, что находится там, в глубинах этой человеческой плоти.

Когда я был в море, на своей лодке, то одежды, да, сбрасывались. И я сливался с чем-то, что было чрезвычайно удовлетворяющим, светлым, необъятным, легким. Больше не было... никакого груза. И затем, грубо, я обнаружил это снова в концлагерях: внезапно одеяния были сорваны; ничего не оставалось -- ничего не оставалось, и все же там было нечто.

Затем, снова, во взгляде Шри Ауробиндо: внезапно одеяния спали. И... нечто иное было там.

Я хотел схватить ту тайну, вы понимаете.

Для меня жизнь была ТАЙНОЙ, которую нужно открыть.

И в гуще того леса та же самая вещь: внезапно все оказалось таким подавляющим, одновременно столь прекрасным и пугающим. Ведь несмотря на то, через что я прошел, я все еще оставался маленьким западным парнем из среднего сословия. Несмотря ни на что, я получил специфическое французское воспитание. И таким я и был, посреди того катаклизма.

Товарищ: Можете Вы описать то чувство в лесу?

Вы полностью подавлены.

Те гигантские деревья, столь прекрасные, столь необычные! Повсюду вьющиеся лианы. Это шипение... это постоянное шипение, те звуки, те болота -- вы не можете сделать и трех шагов, чтобы не угодить в болото. Иногда стоит мертвая тишина, и вдруг она оживает. И змеи повсюду. В начале это была основная проблема -- змеи. Это было... мне действительно было не по себе, потому что они совершенно невидимы.

И западные индейцы... это были два проводника, потешавшиеся надо мною. Они отлично поняли, что я попал в лес напрямик из Парижа, и они весело проводили время. Они устраивали мне тесты -- это их забавляло.

Товарищ: Как?

О, самым разным образом. Со змеями, особенно.

Дело в том, что вы не можете разглядеть тех змей! И они повсюду. Они совершенно сливаются с ландшафтом. Вы уже готовы поставить ногу на змею, и в следующую секунду переступаете через нее... Вы цепляетесь рукой за ветку, и как раз там оказывается змея. В этом лесу поистине тьма змей. А так он почти пустой.

Так что я был в состоянии, не знаю, потерпевшего кораблекрушение, в течение ряда... в течение трех-четырех дней.

Товарищ: Где-то Вы говорите о вибрации леса.

Это кишачий, шипящий, вибрирующий мир. Это не человеческий мир! Это действительно как вторжение в иной мир. Именно поэтому вы внезапно чувствуете себя потерпевшим "кораблекрушение" -- вы должны подстроиться под это, тело должно СТАТЬ СОЗВУЧНЫМ со всем этим.

И затем как-то после двух-трех дней (однажды ночью меня даже бил озноб, так это было СИЛЬНО; этот лес был столь мощным, столь подавляющим), меня трясло, потому что я не мог.. не мог войти туда! Я все еще был в своей шкуре западного человека, вы понимаете.

Мои одеяния были сорваны. Я боролся с чем-то, что я не мог понять. Из-за этого я подхватил лихорадку.

Через день со всем было покончено. Внезапно я спросил себя: "Посмотри, почему ты так реагируешь? Ты боишься умереть?"

И поэтому (смех) я внезапно рассмеялся и сказал: "Хорошо, если я наступлю на змею, то и наступлю на змею! Если я возьмусь рукою за змею, то и возьмусь рукою за змею! МНЕ НА ЭТО НАПЛЕВАТЬ!"

И в тот момент, когда "мне на это наплевать" вышло из моего сердца, из моих "внутренностей", со всем было покончено! Установилось ЧУДЕСНОЕ сообщение со всем. Я больше не смотрел, где я шел. Я не придавал ничему значения. Я лишь концентрировался на том, чтобы ЛЮБИТЬ, быть этим лесом и предоставить себя в его руки. И это было чудесно.

Я уже больше не мог наступить на змею! Ничто не могло коснуться меня! Несчастья были невозможны! Я... я слился с лесом. Я был в его музыке, в его безумии; я был в его грубой красоте, в его молчании... Я слился со всем.

Товарищ: Но когда-то Вы сказали или написали: "Понимаешь также, что человек -- это просто песчинка во вселенной."

О, да, совершенно верно.

Да, он -- крошечная песчинка.

Прежде всего, вы растворяетесь в этом! После того, как вы сумели испустить тот крик: "Мне наплевать; мне все безразлично! Я делаю решительный шаг, я теряю себя там", тем же образом, как вы бросаетесь в море -- это стихия: вы буквально бросаетесь в лес. С того мгновения, да, исчезла даже песчинка! Осталось лишь нечто, что радостно слилось со всем этим, с жизнью деревьев, водой, дождем, звуками... Это было как чудо. И затем, иногда... да, по ночам, по ночам...

В первый раз я услышал это...

Понимаете, вы спите в гамаке, потому что не можете спать на земле -- идет дождь. Дождь идет девять месяцев в году, непрерывно. Так что по мере продвижения по лесу вы строите один лагерь за другим, используя стволы деревьев, лианы, пальмовые листья, чтобы сделать крышу, и подвешиваете гамак.

А по ночам -- ночь в лесу - это поистине что-то необычное. Все те звуки, те звуки... свистящие, стрекочущие, миллионы насекомых и лягушек вокруг вас.

Там действительно начинаешь... терять себя.

Но в ту первую ночь, когда пришли красные обезьяны, было в самом деле фантастично!

Вы еще не видели тех красных обезьян. Обычно они перемещаются только по ночам. И движутся большими группами, по самым верхушкам деревьев. Они приходят издалека и издают -- все вместе -- какой-то хриплый рев. Рев... такого я никогда не слышал в своей жизни. Я думаю, что это их способ отпугивать возможных врагов или что-то подобное этому. Так что вы слышите то грозное пред-человеческое завывание, исходящее оттуда, из глубины леса, и оно все приближается и приближается и приближается, уподобляясь грандиозному доисторическому хору... Вы гадаете, не пришли ли они за вами! Но, конечно же, их нисколько не интересуют люди. И они проходят высоко вверху... Этот животный шум как революция. Это нечто необычайно острое. Затем рев стихает, стихает, исчезает, и возвращается тишина.

Такая необычная тишина после той ревущей волны.

И внезапно вы снова начинаете осознавать маленький кусочек я в вас... и вы чувствуете себя так... как бы на заре земли человечества - таким маленьким, крошечным, хрупким. В чем смысл этого маленького дыхания в ночи, посреди великого леса? Что это?

Так что... снова спадает еще один кусочек одежды.

Вы оказываетесь лицом к лицу с нечто очень близким к корням... очень... Да, корням человечества: когда человеческое существо впервые прислушалось к ТОМУ и сказало себе: Что?

Что такое это "я", столь крошечное посреди всего этого?

(короткое молчание)

Невозможно выразить это словами, но в тот момент приходит некий способ БЫТИЯ, знаете ли, определенная ВИБРАЦИЯ бытия, крайне чистая, предельно свободная ото всяких слов -- прямо как... маленькое "я" на заре мира, вслушивающееся.

Товарищ: Это также интуитивное переживание всей эволюции, через которую можно пройти, не так ли?

Это суть человеческого вопроса.

Там вы касаетесь самого существа человека, когда все мысли ушли, когда он избавился от всей своей академической, социальной, семейной шумихи. Когда он поистине "самый первый человек в мире", наедине с тем фантастическим хором красных обезьян, той движущейся ревущей волной... Они прыгают с ветки на ветку, двигаясь издали как волна... Звуки такие, как будто бы они РАЗБИВАЛИ себе грудь, как если бы...

Вам там нет места!

Нет места для вас. Вы СОВЕРШЕННО чужой в том мире. Или же вы говорите себе: Что? Кто? Кто я во всем этом? Что есть "я"?

Просто какое-то биение я в вас, без слов, даже без вопроса -- просто "биение" посреди громадного мира.

Товарищ: И это начало ответа?

Это начало того, что ЕСТЬ. Все остальное -- это шум, суета и т.д. Но в то краткое мгновение, когда вы уподобляетесь живому вопросу, чистому дыханию перед грандиозностью мира -- это простая "пульсация бытия" обладает... непревзойденным качеством.

Вы осознаете, что... это само существо вашего бытия, определение первого человека в мире, само значение человека -- все же это просто пульсация БЫТИЯ. Ничего более.

Товарищ: Сколько Вы пробыли в лесу?

Я провел год в глубине джунглей. Целый год.

Но нет ничего непостижимого в том, что произошло.

Это было... чудесно, вы понимаете. Там я научился вещам, о которых не знал: ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ сообщение с миром, в который я бросил свое тело и душу. СОГЛАСИЕ с миром.

Товарищ: Были ли Вы когда-либо на волоске от несчастного случая?

Никогда! Я даже никогда не "думал", что может произойти несчастный случай! За исключением первых трех дней, когда я переживал то состояние катаклизма -- с меня были сброшены одеяния, и я был потерян. После этого все кончилось! Смерть была невыносима, несчастные случаи были невыносимы!

Товарищ: Вы когда-нибудь думали о том, чтобы остаться там навсегда?

Нет, вовсе нет! А произошло вот что.

Проведя десять или одиннадцать месяцев в лесу, я действительно был очень счастлив. Я знал ряд МГНОВЕНИЙ, когда чувствовал себя воздушным... столь легким я был, когда находился в гармонии с миром. Я был... я имел мгновения -- более, чем мгновения; дни, повторяющиеся дни подлинного счастья.

Затем -- не помню точные обстоятельства -- однажды я сказал себе: "Боже мой, ты становишься пленником леса! Ты его узник... ты становишься прямо как "лесной буржуа"! Ты попался!

Внезапно, это действительно меня встряхнуло.

Три дня спустя я уже сидел в лодке и плыл назад -- я бросил все. Я возвратился в Кайенне.

Со всем было покончено. Я решил: "Поеду в Бразилию".

Не знаю, что произошло, но внезапно я сказал себе: "Да ведь ты становишься пленником!".

Я надел на себя другой кусочек одежды -- одежды человека лесов. Было очень удобно ходить одними и теми же кругами, я мог бы продолжать в таком духе и сорок, и пятьдесят лет, и умер бы в лесу. И что тогда?

Мой секрет все еще ускользал от меня!

Мой секрет -- как если бы вы могли за него ухватиться, только если с вас сброшены все одежды.

Но после этого вы немедленно нацепляете новые. Вы сразу же возвращаетесь к другой привычке бытия, другой рутине, которая может быть очень приятной, более или менее красивой и обширной, но, тем не менее, это привычка. И вы оказываетесь пленником малого или большого счастья, маленького или большого приключения. Но вы -- пленник. А я не хотел быть пленником -- ЧЕГО БЫ ТАМ НИ БЫЛО и КОГО БЫ ТАМ НИ БЫЛО.

Товарники: Андре Бретон говорит об укоренении в приключении, в мистерии...

Точно! Вы делаете себе законом быть вне закона! Именно это я внезапно почувствовал: "Да ведь, я же... я укореняюсь в законе быть вне закона!"

Бразилия: миллионы за ничто

Товарники: Поэтому Вы приняли решение...

О, я не терял ни минуты! Потому что... уж если я что-то решил, то решил. Я прыгнул в лодку и возвратился в Кайенне. И упаковал свой багаж: "Прекрасно, я отправляюсь в Бразилию."

Я пробыл неделю в Кайенне -- довольно ужасная была неделя, должен сказать -- затем сел в самолет и приземлился в Белеме, на Амазонке.

Здесь я испытал всевозможные новые приключения.

В Белеме у меня был выбор. Во-первых, был соблазн взять лодку и отправиться вверх по Амазонке. Но тогда я подумал: "Так ты повторишь опыт джунглей. Ты не собираешься делать это дважды, не так ли?"

Поэтому я покинул Белем и побродил вокруг. На грузовиках и всяком мыслимом и немислимом транспорте я добрался до Бахии. Оказавшись в Бахии, я подумал: "Ну и куда же ты собираешься отправиться теперь?"

Наконец я сел в другой грузовик: "Поедем вглубь Бразилии и посмотрим, что произойдет."

Товарники: Но какие Вы имели средства для жизни? Вы работали?

Для жизни... я даже не знал, что в Бразилии говорят на португальском языке. Когда я прибыл в Белем, то думал, что люди говорят по-испански. Вот каким было мое образование (смех)! По нужде я быстро подхватил несколько португальских слов. В действительности, я очень быстро выучил португальский.

Но я должен был зарабатывать себе на жизнь! Я должен был что-то делать.

И на последние деньги, оставшиеся у меня в Бахии, я решил: "Возьму грузовик и поеду вглубь континента; увидим, что из этого получится." А я всегда мог работать своими руками, делать что-либо.

На пути (выехав из Белема, я пересек так называемую Сертао, пустынную область Бразилии), я свалился в ужасной лихорадке.

Находясь в грузовике, я просто ничего не знал; возможно, я подцепил малярию или что-то вроде этого. Но я не беспокоился, потому что полностью игнорировал болезнь; мне было наплевать. Я не верил в болезнь. Но поскольку я горел в лихорадке, то водитель грузовика бросил меня в деревне, просто положил меня где-то, да и оставил меня там. А сам уехал. Так я и остался наедине со своей лихорадкой.

Так что, это тоже было... некое другой испытание.

У меня не оставалось ни гроша. Я с трудом мог связать три слова на местном языке. И я подхватил ужасную лихорадку, причину которой не знал.

Но так получилось, что мимо деревни проходили какие-то плантаторы, и кто-то сказал им: "Там лежит гринго, он болен." И те плантаторы оказались французами! Не знаю, может ли вы себе представить, но происходит так, что мимо крошечной заброшенной деревеньке в глубине Бразилии, проходят плантаторы, которые оказываются французами, и кто-то говорит им: "Там умирает гринго. Можете вы что-нибудь сделать?"

Они положили меня в свой пикап и увезли прочь... У них была плантация какао.

Я выздоравливал очень быстро, потому что просто не верил в болезнь. Нужно просто избавиться от определенных вещей, и это все.

Товарники: Плантация какао -- это страна золотых плодов!

Да, очень мило, действительно. Это...

Товарники: Она желтая, не так ли? Помните цвета?

Они розового цвета. Первые побеги какао розовые. Они прелестны, эти самые первые побеги. Деревья какао совсем невысоки, они скорее напоминают большой кустарник, если угодно. И покрыты всеми оттенками розового.

Они растут в Матте -- так они называют лес. Там нет больших гор, просто маленькие холмы с лощинами и речушками -- маленькими вьющимися речками. Очень мило.

И сразу же один из плантаторов спросил: "Ты умеешь ездить верхом на лошади?". "Ну конечно, я умею ездить на лошади", -- заявил я. Естественно, я никогда в своей жизни не садился на лошадь, но должен был... играть свою роль, должен оказаться способным.

Они посадили меня верхом.

И все пошло чудесно. Лошадь была очень послушной, и я был готов ко всему. Они вынудили меня нестись на лошади во весь опор по Матте. Они тоже устроили мне тесты, чтобы посмотреть, как я справлюсь.

В конечном счете между нами росла некая дружба. Три-четыре недели спустя они отвели меня в сторону: "Как насчет того, чтобы выращивать какао вместе с нами? Мы выделим тебе плантацию." И верхом на лошадях мы поскакали в очень милое место. Там был маленький риачон (маленькая речка) и Матта. Там были большие холмы, леса... И два или три холма были покрыты деревьями какао. Они сказали: "Это все твое". И там был также небольшой полуразвалившийся дом -- он стоял на отшибе.

Я посмотрел на все это... и представил себя "плантатором"... плантатором -- плантатором на всю жизнь, понимаете.

Внезапно я увидел полную картину: "Что я вообще здесь делаю! Итак, я буду выращивать какао, набивать им мешки и взвешивать их в деревне. И буду следить за рыночной ценой (есть биржа какао), чтобы постараться продать свое какао на 50 крузейро дороже, чем неделей раньше."

Я увидел себя посреди этого и подумал: "Нет, это невозможно!"

На следующий день я ушел. Все было кончено. Я очень разочаровал плантаторов. И я отправился на юг, в Минас Гераес.

Я должен был зарабатывать на жизнь -- у меня не было ничего.

Минас Гераес находится к северу от Рио-де-Жанейро.

Я стал искателем, я начал искать слюду. Я должен был зарабатывать деньги. В Бразилии есть залежи слюды, там полно таких залежей. А слюда считается довольно редким минералом. Так что я начал искать слюду для одной местной компании, которая имела свое маленькое представительство в одной из тех удаленных деревушек, куда вы можете добраться лишь на

лошади или на джипе. Ехать на джипе можно двумя способами.

Там либо идет проливной дождь, либо крайне сухо. Когда идет дождь, дороги превращаются в сплошное месиво. А когда показывается солнце, эта грязь сразу же затвердевает и становится как рифленый металл. Так что у вас есть выбор: либо ехать на джипе очень медленно, либо нестись на сумасшедшей скорости, рискуя сломать себе шею. Было два способа передвижения: верхом на лошади и на джипе.

Так я искал слюду... я был в этом деле... не знаю, пять или шесть месяцев. Компания принадлежала одному американцу, американцу из Бостона. Пожилой американец, очень приятный человек, действительно, очень, очень приятный и очень состоятельный, и у него не было детей. И я ему очень понравился, потому что... я рисковал. И за что бы я ни брался, я старался, как мог. Если я уж делал что-то, то должен был делать это наилучшим образом. И я разведал немало залежей слюды.

(короткое молчание)

Так что он решил приблизить меня к своему бизнесу, принять меня как "сына".

Это было довольно заманчиво.

Он позвал меня в Рио-де-Жанейро, потому что его офис находился там. У него была яхта. Он знал, что я люблю плавать. Он сказал: "Смотри, вот твоя лодка!". Так я поплыл на яхте в залив Рио-де-Жанейро. Это было чудесно. Наконец-то я снова в лодке! И конечно же, я повстречал прелестную бразильскую девушку -- она была прекрасна. И было множество живописных островов в заливе Рио-де-Жанейро...

Рио-де-Жанейро: красный остров

Товарники: Так что Вы опять попались в ловушку, из которой должны были выбраться...

Точно!

Дело в том, что вы сразу не понимаете, что это ловушка.

Но однажды я понял это. Я поплыл на один из островов залива -- залив Рио-де-Жанейро действительно прекрасен. Тот остров был усеян красными цветами: красные огненные деревья. На острове был старинный дом, арендованный, я думаю, одним австрийцем. Это было поистине великолепное место. Сады усеяны Греческими Венерами; комнаты обставлены антикварной мебелью... О, действительно, превосходное место, как бы райский уголок. И я был с бразильской девушкой.

Но как-то вечером я взглянул на все это... Знаете, бывают в жизни такие моменты, когда ваши глаза широко открываются и остаются неподвижными, застывают; и каждая мелочь вокруг вас внезапно запечатлевается. Вы не знаете, почему или как...

Мои глаза застыли на том маленьком пляже, на той очень милой и прелестной бразильской девушке возле меня, и слюдяные залежи где-то там, и яхта ждет меня. Я сказал себе: "Но что же ты ДЕЛАЕШЬ здесь! С какой стати ты это делаешь!"

Я больше не мог вынести ни минуты... Я просто -- просто не мог. Тем же вечером мы вернулись в Рио. Я пошел к тому обаятельному пожилому американцу и сказал ему: "Я уезжаю." "Куда же?", -- спросил он. "В Африку", -- ответил я. Он подумал, что я совершенно спятил. Он действительно подумал, что я сошел с ума.

В течение тех месяцев, когда разведывал слюду, я скопил немного денег. Я пошел в Трансантлантическую Компанию и спросил: "Есть ли у вас рейсы в Африку? И куда прибывают корабли?" Мне ответили, что некоторые лайнеры, направляющиеся во Францию, делают остановку в Дакаре. "Хорошо", -- ответил я и купил билет третьего класса до... Дакара. И у меня действительно почти ничего не оставалось, хватило лишь на билет.

Не знаю почему, но я оставил все... Или, скорее, внезапно я увидел ловушку. Я увидел себя

пойманным в ловушку. Я подумал: "Что? Ты собираешься кончить свою жизнь толстым миллионером, собственником слюдяных приисков? И потом надеть маленьких бразильцев, или франко-бразильцев, которые сделают своих маленьких франко-бразильцев?" Я просто не мог вынести это.

Товарники: Большинство людей завидывало бы Вам!

Но к чему зависть? Люди имеют ту судьбу, которую выбирают... И та, судьба, которую они выбрали, вероятно, хороша для них. Возможно, это самая лучшая вещь, которая может произойти с ними.

Мой путь -- это не лучший путь, знаете ли; это просто МОЙ путь.

Африка: теряя себя

... Прибыв в Дакар, я занялся поисками комнаты в гостиницах -- гостиницы были забиты до отказа, полным-полно людей. Я взял такси в поисках гостиницы. Я наблюдал, как щелкает таксометр, унося мои последние франки. Наконец, я нашел гостиницу, скорее, лачугу, в пригороде Дакара. Комнату я должен был делить вдвоем с "кем-то". И первое, что сказал этот "кто-то", молодой человек, занимавший комнату (там были две кровати: для него и для меня), было: "Надеюсь, Вы не против делить комнату с евреем?". "Ну...", -- ответил я, -- "Отчего же? Евреи -- очень симпатичный народ. Все евреи, которых я встречал, были очень благородными людьми."

Почему он... я не мог понять его вопроса.

Я действительно был ошарашен его вопросом, знаете ли. Для меня еврей, негр, китаец -- это все человеческие существа. Я никогда не мог понять, как люди могут видеть разницу. Это было превыше меня. И тот молодой человек был так тронут моей совершенно естественной реакцией, что поинтересовался: "Что Вы собираетесь здесь делать?". "Ну", -- ответил я, -- "Я разбит и мне захотелось съездить в Африку. В Африке есть пустыня Сахара, и туда мне хотелось бы пойти. Мне действительно хочется в Зиндер." Вот что я ему поведал.

Он рассмеялся. "Послушай", -- предложил он, -- "мои средства ограничены: я продаю словари... неграм. Если хочешь, мы могли бы вместе продавать эти словари."

Предложение звучало довольно... странно.

Я не мог себя представить продавцом словарей!

Но, однако, почему бы и нет? Я зашел так далеко.

Так мы начали ходить из деревни в деревню, от грузовика к грузовику... Мы путешествовали по Судану, Гвинее, Берегу Слоновой Кости, Дахоме, Нигеру. Мы ходили... без конца продавая словари, которые в самом деле хорошо расходились, что позволяло нам платить по счету в гостиницах и путешествовать дальше.

Я прибыл в Зиндер, что было моей навязчивой идеей.

Я хотел пережить "пустыню Сахару".

Я хотел еще раз прикоснуться к стихии. Всю свою жизнь я находил, что можно дышать лишь в стихии, будь то это море, джунгли или... Пережить стихию.

Я прибыл в Зиндер. Только что начался сезон дождей. Мне сообщили: "Пути дальше нет". Так что я завяз там, прямо в сердце Африки, не способный осуществить свою мечту, погрузить тело и душу в пустыню Сахара и... немного ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ. Действительно, я так хотел "потерять себя".

Теряя себя...

Товарники: В то время Вы хотели соразмерить себя с пустыней?

Я хотел погрузиться в нее.

Я хотел погрузиться в нее и посмотреть, что произойдет... Или исчезнуть, если необходимо.

Я проживал каждую секунду своей жизни так... как если бы был готов выбросить ее в окно.

Для меня жизнь имела смысл лишь тогда, когда я мог схватить и установить в своем теле тот особый ритм, что случалось непредсказуемым образом, в бразильских Матта или Сертао... Внезапно, в течение нескольких минут устанавливался другой ритм. И это было "ТО", наконец.

Товарники: Сначала Вы переживали это в море, затем в джунглях.

Да.

Товарники: И теперь Вы ожидали получить ответ в пустыне?

Да. Вот куда я собирался войти и... возможно, потерять себя, потому что уже не мог продолжать. Мне говорили: "Невозможно двигаться дальше; дорога... тропа размыта. Это же сезон дождей. Движение закрыто."

Товарники: Так что, прощай пустыня?

Да.

Я завяз в Зиндере.

Но, тогда, оставалось нечто другое... я всегда держал при себе "Жизнь Божественную". Только эта вещь следовала за мной повсюду.

Товарники: "Жизнь Божественная", написанная...

Шри Ауробиндо. Да, вот что я искал -- "божественную" жизнь. Да, я не знал, что означает "божественная", но давайте скажем... жизнь, в которой можно было бы "дышать", НАСТОЯЩАЯ жизнь. Не костюм, мнящий себя философом, математиком или кормильцем семьи... Не просто кусок одежды, в котором вы все крутитесь и крутитесь, пока вас не положат в гроб; и тогда ваша песенка спета.

Я просто не мог так жить.

Для меня "божественной" была та жизнь, где вы могли бы дышать. Это те моменты, когда вы настраиваетесь на нечто... одновременно столь необъятное и столь "ваше". И все же в этом не было "я". Это как бы... вся земля пульсировала в вас; те моменты были... крайне "полные" и простые.

И именно это я чувствовал в тех вспышках, здесь и там, в течение своей жизни.

Вот что я искал, вот "божественная" жизнь.

Товарники: Исчезновение эго?

Можно сказать и так, но я не искал философских концепций. Я искал особый способ дыхания.

И, несмотря ни на что, был тот "взгляд", тот "Шри Ауробиндо" там... который смотрел на меня тем образом.

Я был очень, очень опечален, когда услышал, что он "умер", как они говорят. Того взгляда больше там не было. Но "Мать" все еще была там. Она была со Шри Ауробиндо. Она была его спутницей.

Я сказал себе: "В конце концов, может быть секрет там?...". Потому что я мог нарисовать картину: вы складываете одно приключение + одно приключение + одно приключение, но рано или поздно круг замыкается, и вы заканчиваете как профессиональный старатель, профессиональный плантатор, профессиональный моряк... Вы ограничиваете себя, понимаете ли. Вы замыкаете себя в чем-то. Вы просто надеваете другую одежду.

Может быть, они обладали там ... ПОСТОЯННЫМ секретом?

Товарники: Там -- это где?

У Шри Ауробиндо, в Пондишери.

Я подумал: "Как насчет того, чтобы отправиться туда и посмотреть?"

Но было и неприятие, потому что это был "ашрам". Это означало стены. Но я чувствовал: "По крайней мере, там есть один человек. Это 'Мать', спутница Шри Ауробиндо. Возможно, секрет все еще ждет меня там?"

Поэтому на все оставшиеся деньги я купил билет на самолет и отбыл... назад, в Индию... попытаться найти секрет. Но не просто мимолетный секрет -- ту Вещь, которая была бы ЭТИМ способом дыхания каждую минуту в течение всего дня. Нечто постоянное, нечто свободное ото всех одеяний -- нечто естественное!

(короткое молчание)

Никто не живет естественно.

Все в жизни искусственно. Все. В тот момент, когда вы обосновались в чем-то, эта вещь, неважно, что это, становится искусственной.

Я должен был найти... то состояние, где вы живете без искусственных приспособлений, где нечто в вас просто ПУЛЬСИРУЕТ, просто издает человеческий "звук". И поэтому вы переживаете все великолепии, чем вы являетесь.

Поэтому я вернулся в Индию.

Мне было тридцать.

И это... другое приключение. Но радикальное. Не приключение, которое совершает полный круг и делает вас узником.

Это было действительно... ЭТО Приключение. То, которое не ограничивает вас.

Товарищ: То, в котором Вы находитесь и сегодня?

О, да! Да, конечно же...

Это единственно... возможный способ дыхания.

* День Третий. КОНЕЦ ЙОГИ *

Вторая поездка в Индию:

ашрам, взгляд Матери

Товарищ: Вы теперь опять готовы странствовать по дорогам. Никто точно не знает, что происходит вокруг Вас, в Вас -- все же та же самая проблема, на самом деле. Поэтому давайте начнем наш первый разговор об Индии, куда Вы вернулись после поездки в Египет.

Сатпрем: Нет, поездка в Египет состоялась многими годами раньше, когда я в первый раз прибыл в Индию. Теперь же я направлялся прямо в Пондишери.

Я действительно находился в смятении.

Меня отпугивал ашрам... я знал это -- я прошел через множество приключений и думал: "Хорошо, теперь это...". Увидеть Мать (Мать была спутницей Шри Ауробиндо), пойти в тот ашрам -- я чувствовал, что нельзя себе позволить кое-как подойти к этому приключению. И если это приключение не удастся, то это будет означать нескончаемый круг тупиковых приключений. Нечто... нечто должно было произойти.

(короткое молчание)

Но Мать... я видел ее вместе со Шри Ауробиндо, прежде чем проделать свой полный круг. И у нее был... у нее был несколько иной взгляд, чем у Шри Ауробиндо.

Немного другой взгляд.

В действительности, то, что потрясло меня, когда я увидел Мать, был ее взгляд... Казалось, что лишь впервые кто-то взглянул на меня с любовью.

Это был взгляд, который... глубоко проникает в ваше сердце и как бы прорывает нечто там, заставляя открыться -- довольно ошеломляющее переживание, и немного... пугающее, вы знаете. Я косился на нее.

Но никто и никогда не смотрел на меня подобным образом.

Никто не показывал мне такой любви.

Я встретил... прежде всего, была моя собственная мама, которая очень любила меня. Чудесная -- замечательная -- женщина, поистине моя мать, и не просто по паспорту или

свидетельству о рождении.

Но во всех взглядах, которые только встречал, я всегда наталкивался на что-то, что пыталось "взять" или ОЖИДАЛО что-то от тебя.

Но здесь, с Матерью, все было очень странно. Было, главным образом, что-то вроде "мощи" любви. И вы чувствовали, что эта любовь не стремится взять что-либо, а просто глубоко, глубоко, глубоко погружается в вас, подобно... МЕЧУ, как бы стремясь ПРИКОСНУТЬСЯ к корням вашего существа.

Это взгляд очень потряс меня.

Это не как со Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо смотрел на вас... и вы ощущали неимоверность, бесконечность. Вы чувствовали себя так, как если бы растворялись там, переносясь сквозь века и тысячелетия, и взгляд тот был мягким, это было подобно гигантскому снежному заносу. И вы теряли себя там, это было... О, не было больше слов; все было кончено, и вы чувствовали себя так... так удобно! Вы чувствовали себя как бы дома, в той стране, которую вы всегда знали.

Но с Матерью было... было совершенно необычно -- это был меч. Но меч, наполненный любовью. Это не было путешествием в бесконечность; ее взгляд устремлялся прямо вниз, в материю, в "сердце" (для меня, по крайней мере).

Это было очень, очень ошеломительно, очаровательно, и... это был настоящий вопрос для меня. Потому что была неоспоримая истина того взгляда -- он проникал слишком глубоко. И, в действительности, я вернулся ИЗ-ЗА того взгляда. Я хотел понять. Этот меч она направляла в ваше самое сокровенное существо -- я хотел знать, куда именно он входил. Если он вообще куда-то входил! И я был готов отправиться туда. Вот что интересовало меня.

Поэтому я прибыл в Пондишери.

Мне было тридцать.

И я действительно чувствовал себя немного "не в своей тарелке". Я боялся того ашрама.

Помню, как я гулял по берегу моря. Там были катамараны, вытасенные на сушу, и я пристроился за одним из них, чтобы выкурить свою сигарету. Я подумал: "Ну, мой дорогой, это твоя последняя сигарета. Выкуришь и пойдешь в ашрам." (смех) Я не чувствовал себя непринужденно в этой... ситуации. Но все так и было.

Вечером я пошел на Плэйграунд ашрама, где собирались все ученики. И Мать тоже обычно приходила туда.

В этом ашраме они делали массу физических упражнений. Я немного понаблюдал, как ученики строятся в шеренги и колонны и делают свои упражнения. Меня охватил ужас. "Уеду отсюда первым же поездом", -- сказал я себе, -- "Прочь отсюда! Не могу это принять. Не могу оставаться здесь!"

Но... я очень упрямый. Я же бретонец. Я сказал себе: "Потерпи пару лет. Ты же не собираешься удирать при первой же трудности."

Поэтому я остался.

Но, должен сказать, я боролся ГОДАМИ -- ГОДАМИ. И только Мать могла... удержать меня там. Потому что это было так противно моей натуре -мир ашрама был так противен всему моему ощущению свободы, открытости моря, необъятности... Только Мать могла удержать меня и заставить меня понять.

Заставить понять нечто иное.

Но я боролся с ней. Действительно -- не могу назвать это никак иначе -- я боролся в течение... одного, двух, трех лет. На самом деле я боролся почти шесть лет. И я покидал ашрам. И возвращался. И снова покидал.

(короткое молчание)

Но однажды я решил: "Все. Теперь уж точно ухожу. НЕ МОГУ больше здесь оставаться. Не могу принять это." Не могу принять это из-за моей обусловленности... Можете вы представить себе Пондишери, маленький колониальный городок с эстрадной площадкой, сипаями и всем прочим? Весь этот мир был просто ужасен для меня. Это было так противно моему способу дыхания.

Поэтому однажды я решил: "Не могу оставаться здесь. Не могу больше это переносить. Я ухожу."

Я встретил саньясина. И сказал себе: "Присоединюсь-ка я к саньясину."

Товарищ: Кто такой саньясин?

Саньясин -- это вроде монаха. "Монах" -- это просто слово, вы понимаете. Это не имеет отношения ни к какой религии. Есть люди, которые сожгли все, отказались от всего -- которые проводят тотальную революцию, так сказать. То есть, они отрекаются от ВСЕГО. И бродят по дорогам как нищие.

Поэтому я подумал: "Хорошо, может быть, это окончательное... приключение?" Сжечь все, дойти до конца -- я имею в виду, до конца КОНЦА! Я должен найти, что внутри этой человеческой плоти.

Вот что это было. Вот что направляло меня. Это не имело ничего общего с философией или литературой. Это была глубокая потребность моего существа -- потребность знать, кто был тот человек, в котором я расхаживаю, столь неуклюже, на двух ногах.

Поэтому я ушел.

Я пошел на Цейлон, чтобы присоединиться к тому саньясину.

И так началось очень странное приключение, которое было очень поучительным для меня, "негативным" образом.

Цейлон: храм, божественная музыка

Поэтому я отправился на Цейлон, на юг Цейлона.

Он был в храме. Он жил там, как нищий, в храме.

Я прибыл туда. Я нацепил набедренную повязку (которая называется дхоти, она скроена из белой ткани), соединяющуюся замком вокруг моей шеи. И затем... я спал в храме, на плитах, потому что это единственное место, где вы могли спать. Я ел все то, что обычно подают саньясинам. Я делал все, чтобы не отличаться от остальных, и поэтому намазал свой лоб белой золой. И я жил там...

Жить в том храме на южной оконечности Цейлона было для меня вроде... другого катаклизма, как в джунглях, как... Внезапно я был выброшен в СТОЛЬ другой мир, так отличающийся и все же -- не могу сказать, что я нашел или чувствовал там, но внезапно я оказался посреди другого катаклизма.

У меня нет слов для этого.

То есть: это всегда, всегда подобно тому, как спадают одежды. Спадают одежды, и вы внезапно обнаруживаете себя совершенно ГОЛЫМ, брошенным во что-то другое. Среди гонгов, ритуалов; вы спите на плитах храма, просите милостыню... я был в совершенно "эксцентричном" мире, вне всякого "центра", который бы я знал. Брошенный... в нечто очень странное.

Конечно, почти сразу же я заболел, потому что пил воду из реки. В качестве милостыни нам подавали рис -- рис, напичканный разными специями (они называют это чилис), от которых жгло мой желудок. Вскоре я оказался в довольно плохой физической форме.

Но затем, в одну из первых ночей... Вы понимаете, я был настолько "вне центра". У меня не было больше центра. И в довершении всего больной, как бы в "конце" некоторой жизни. Так что, однажды ночью, в храме, я имел переживание -- возможно, самое фантастическое переживание в своей жизни. Во сне я слышал... божественную музыку. Музыка... не могу сказать. НИЧТО,

НИКАКАЯ человеческая музыка не может сравниться с ней. Это подобно "звуку", которым звучит мир -- вселенная. С гармонией величественной красоты. Не знаю, что такое "божественное", но то было "божественным". Бетховен -- я любил Бетховена (единственной вещью, которая затрагивала меня в западном мире, была музыка), но даже наиболее величественные бетховенские квартеты были ничто по сравнению с тем... РАЗМАХОМ звучания, как если бы вся ВСЕЛЕННАЯ была... звенящей, звучащей -- была музыкой.

Это было совершенно неодолимое переживание. Когда я проснулся, то сидел, не знаю, два или три часа, обхватив голову руками, повторяя: "Это невозможно! Это не возможно! Это невозможно. Что произошло?..." Я как бы стал сумасшедшим, услышав ту.. ту Красоту. Ту чудесную Красоту. Я был как сумасшедший. Я все повторял и повторял: "Это невозможно. Это невозможно. Это невозможно." Это была такая.. божественная Красота -- это было Божественное.

Не знаю, с чем я соприкоснулся той ночью. Вероятно, я настолько ПОРВАЛ со своим обычным миром, что, должно быть, вступил в контакт с некой сферой... сферой... другой сферой, вы знаете.

Саньясин

Так я последовал за тем саньясином.

Мы пошли назад, на север, через Цейлон. И мы вернулись в Индию.

И однажды он сказал: "Приготовься стать саньясином."

В то утро мы были у реки. Он сказал: "сними одежду."

Я вошел в реку.

Он сказал: "Окупись".

Я окунулся в реку.

Затем он сказал: "Зачерпни рукою немного воды."

Я набрал воды в ладонь правой руки, несколько капель.

Он сказал: "Сейчас исполним несколько ритуалов, последних ритуалов, касающихся твоей семьи: теперь у тебя нет ни матери, ни отца, ни страны; у тебя нет ничего."

Я зачерпнул воды, и она прошла сквозь пальцы, возвращаясь назад, в реку.

Все это время он распевал санскритские мантры, такие великолепные. Санскрит -- это язык, который... подобен звучащей бронзе. И те мантры обладали такой старой, древней вибрацией. Вы чувствовали себя как бы переместившимся на тысячелетия назад во времени.

Как будто бы каждый жест... тянул вслед за собой тысячелетия. Как если бы внезапно обнажилась глубина... столь грандиозная, столь просторная, прошедшая через пески времен. Как если бы жесты, которые мы делали, имели бы множество, множество, множество жизней, были сделаны задолго, задолго раньше. Все обладало такой... прекрасной... глубиной... Это было как бы... посвящение. И я не знаю, почему это было священо, но... в этом наслоилось множество веков: в тех жестах, в тех звуках... том ритуале.

Я вылил в реку те капли с моей руки.

Я был голым.

Он сказал: "Пошли".

Мы подошли к маленькому храму. Там были другие саньясины. Мы разожгли костер. Я был голым. Я сел перед огнем. И саньясины начали распевать санскритские мантры.

Он рассказал мне о жестах, о тех вещах, которые я должен был делать. Но всегда это был один и тот же жест: вы "бросили" что-то в огонь (в символической форме рисового зерна или масла). Вы бросали... все. Вы бросали даже ментальные представления. Вы выбрасывали ВСЕ возможные представления. Вы все клали в огонь. Вы клали добро, зло, печаль, радость. Все "да" и "нет" мира. Вы выбрасывали все: я не хочу радости, я не хочу печали, я не хочу добра, я не хочу

зла. Я хочу Вещь такой, какой она ЕСТЬ -- то есть, неизменной, всегда. ЭТА Вещь... она не меняется.

(короткое молчание)

А когда всеожжение было закончено, он дал мне оранжевую одежду (типа дхоти или набедренной повязки, не знаю, как назвать это), которую вы оборачиваете вокруг себя, четки из шариков рудракши, чтобы повторять мантры, и медную чашку для еды и питья. И я был ничем, кроме как тем нищим, который сжег все.

Затем я странствовал по дорогам. Я ушел. Я прошел через всевозможные вещи.

Он прошел немного со мной. Он заставлял меня менять поезд за поездом, за поездом, пересекая всю Индию; спать на железнодорожных станциях под свистки паровых машин. Он пытался... РАЗБИТЬ меня еще одним образом.

Я проводил недели в индийских поездах, в удушающей жаре, в повсеместной грязи, спал на железнодорожных платформах. И москиты и все... это был какой-то кошмар, в котором я больше не отличал ночь ото дня, не понимал, гуляю ли я или сплю.

Казалось... что уже ничего не осталось, что можно было бы разрушить.

Больше нечего было разрушать. Я был... превыше и вне... Вы не можете разрушить это.

Товарники: Но Вы все еще ждали чего-то?

Да -- узнать, КУДА все это приведет. КУДА все это ведет?

И я отправился в Гималаи.

Я еще немного попутешествовал.

Но довольно скоро нечто произошло... потому что... я действительно искал то... что ЕСТЬ, что ИСТИННО, вы знаете.

И та милость, которая всегда присутствует, дает вам ответ.

Обнаженный саньясин

Однажды, в Гималаях, я повстречал того, кого называют нанга-саньясин.

Это обнаженный саньясин.

Он не носит даже набедренной повязки; у него ничего нет. Он голый.

Он был молодым, он был статным! Он был красивым; он бродил по дорогам, распевая. Он был голым, только с кимтой. (Такой саньясин должен был разжигать огонь везде, где он останавливается; поэтому они всегда носят с собой так называемую кимту -- нечто вроде каминных щипцов). И эти щипцы бренчат в такт шагам саньясина, видите ли -- они резонируют.

Так он странствовал по дорогам и пел, обнаженный, со своей резонирующей кимтой. И он был так наполнен радостью...

Я решил пойти вместе с ним.

Тогда я сказал ему: "Послушай, я хочу избавиться от этих одежд."

Я... СТЫДИЛСЯ тех одежд саньясина! Мне казалось некой... пародией, маскировкой, облачаться "как саньясин" (в кавычках), в какую-то одежду особенного цвета!

Нужно быть СОВЕРШЕННО ОБНАЖЕННЫМ!

Товарники: Вы имеете в виду, что она была как униформа?

Да, просто другая униформа. Другой способ сказать: я являюсь этим или тем. Внезапно у меня стало расти отвращение ко всему этому...

Поэтому я сказал ему: "Хочу быть голым, как ты."

Я взглянул на свое белое тело, которое оставалось столь ужасно белым -- клеймо Запада.

Я ничего не имел против Запада! Я не отношусь к нему с пренебрежением. Ничего не имею против него. Просто у меня была "белая кожа", вы знаете, что отличало меня от других людей, кожа которых задубела под солнцем и...

Тогда он ответил: "Но ты не можешь сбросить одежды саньясина! Не можешь, это твой

закон! Ты -- саньясин и должен..."

Я стиснул его руку: "Какой закон?"

"Но ты саньясин", -- повторил он.

Я начал чувствовать... что меня душит эта метка, и подумал: "Проклятье! Я снова пленник. Я `саньясин'. Следовательно, не могу делать то или это...". Я снова почувствовал себя окруженным со всех сторон.

Я спросил его (на том языке, на котором мы могли общаться, это было что-то вроде плохого английского): "Ну хорошо, ты странствуешь по дорогам ... и странствуешь. И сколько ты собираешься так странствовать? Что затем?"

"Ну", -- ответил он, -- "затем я буду еще странствовать!"

-- "Но ПОТОМ? ПОТОМ?"

"Что же", -- подытожил он, -- "когда все будет кончено, все будет кончено. Твое тело сожгут. И все кончено! Ты свободен."

Все мое существо внезапно наполнилось невероятным возмущением.

Получается, что мы ПРОХОДИМ через все это, СТРАДАЕМ от всего этого, ЖИВЕМ во всем этом только ради того, чтобы в конце швырнуть все в огонь как старое тряпье!

Но в чем тогда смысл этой жизни?

Я уж не говорю, что повидал немало всех этих йогов, вы знаете, которые выглядели столь светлыми и безмятежными. Я видел их! Я сидел с ними! Я тоже медитировал! Я закрывал свои глаза. И я знал их... безмятежность! Я знал, как... повернуть определенный способ бытия, и тогда, да, все становится необъятным, улыбающимся, беспредельным -- нет больше проблем!

Но что ПОТОМ?

Это был мой постоянный вопрос: Что потом? Что затем?

Вы остаетесь в созерцании? Вы в состоянии... скажем, "безмятежности" или "радости" или... (не могу сказать радость; не могу сказать, что я опытный йог). Но я знаю безмерность -- ту безмерность без какой-либо ряби. Есть ощущение необъятности; там чувствуешь себя так легко, так хорошо. И там величайший свет. Но когда вы снова открываете свои глаза... то видите, что человечество не изменилось! Вы находите, что и вы не изменились, что вы все также подвержены голоду, холоду, страху, конфликтующим мыслям, поднимающимся снизу.

И тогда, ЧТО тогда?

Состоит ли смысл жизни действительно в том, чтобы... уединиться в некотором дальнем уголке Гималай, сесть там и оставаться в созерцательности до конца? Так ли это?

И что тогда?

Товарники: Вы видели, как йоги демонстрируют свое умение?

Конечно! Шарлатанов хватает! Чем больше они демонстрируют свое умение, тем с большей вероятностью они просто шарлатаны. О, да, все их трюки не составляют особого труда. Это просто... еще одно шоу. Это не имеет ничего общего с истиной.

"Истина" (мне не нравится это слово) есть нечто, чем дышишь. Это подобно запаху цветка, ветру в кронах деревьев, вы знаете. Подобно порыву ветра на море. Вот что для меня является истиной. Это нечто, что течет, чем можно дышать через поры своей кожи.

Но в конце того длительного пути -- "через поры кожи"... не остается больше пор! Вы просто поднимаетесь и поднимаетесь до некоторой точки вашего существа, как язык пламени или свечи все поднимается и поднимается и исчезает, и... нет больше проблем! Очень счастливое состояние. Но... Что потом?

Я хотел чего-то, что наполнило бы меня... в то время как я гуляю по улице или пью виски, если нужно! Пока делаю... пока живу своей жизнью, вы знаете! Нечто, что наполняло бы меня каждую секунду и не зависело бы ни от Гималай, ни от одежды монаха! Я хотел нечто, что не

зависело бы ни от чего.

И вот когда тот МЕЧ -- тот меч света, каким был взгляд Матери, потянул меня назад. Потому что то было не то, что "парит в вышине" и оставляет вас с чувством обширности и безмятежности и... блаженства. Совсем наоборот, это было нечто, что шло ВНИЗ, в вашу плоть и стремилось прикоснуться к чему то там, в глубинах вашего существа.

Так что тот взгляд привел меня назад, в Пондишери. Я сказал себе: "Ты сбежал. У тебя не хватило мужества смело встретить ТО."

И поэтому я вернулся в Пондишери.

Дороги Индии

Товарники: Можно поговорить о тех дорогах, дорогах Индии, Сатпрем?

Я спустился с Гималай. Я повернул назад, на юг.

Да, есть величайшая красота Индии: все те люди, те существа Индии, и та великая мягкость, которую вы встречаете повсюду. Куда бы вы ни пошли, вас везде приветствуют с улыбкой. В них есть нечто, что понимает. Вам не нужно объяснять -- они чувствуют. Это тоже было большим благословением Индии.

Это те люди, среди которых вы не чувствуете себя -- даже с белой кожей -- не чувствуете себя "чужестранцем". Вы не сможете пройти незамеченным, за вами сразу же увяжутся ребяташки, но вы не чувствуете себя чужестранцем. И они чувствуют, кто вы. Вы не обманите их; они чувствуют, кто вы.

Так что, да, есть та необъятная теплота Индии. И невероятное количество ... храмов Индии. Да, это могло бы ... привести к тому, что я бы определенно потерял себя, скорее здесь, чем в Гималаях.

В некоторых храмах была такая прекрасная... вибрация. Вы не знаете санскрит, но... это такой "полный", такой "плотный" язык, так... начиненный силой. Вы даже не знаете, откуда исходит тот язык. У меня такое ощущение, что он пришел... от чего-то, что было до человека. Кажется, что звуки не отражают тот язык, каким мы его знаем, с подлежащим, предлогами, сказуемым. Кажется, что звуки... обладают силой и "выражают" нечто.

И храмы имели ту ВИБРАЦИЮ, которая была для меня чрезвычайно... пленительной. Вы как бы звучите вместе с ней, танцуете вместе с ней... Было нечто чрезвычайно очаровательное.

Товарники: Храм Шивы?

Да, храм Шивы. Особенно один в Бенарасе, он так необычен. Вы чувствуете, что можете очень легко потерять себя там. Хотя, должен сказать, что я познал нечто аналогичное и в Египте.

Египет

В первый раз я отправился в Египет после войны. Я не знал ничего; я действительно был просто хорошим малым с Запада. Для меня Азия была просто географическим понятием. И я не знал абсолютно ничего, ноль, о религии, духовных традициях Востока. Я был полным мирянином (под мирянином я подразумеваю, что прочел множество вещей по этому вопросу, я был полон западной культурой). Но я поехал и пробыл три недели возле Луксора.

Именно там я был необъяснимо переведен в некое состояние восторга. Я не мог гулять по этим храмам -- хотя они казались совершенно мертвыми руинами -- я не мог гулять по ним или прикасаться к тем камням без того, чтобы не быть переполненным некой эмоцией превыше всякого понимания, мышления или чувства. Это было необъяснимо. Я не мог понять... Но это наложило на меня неизгладимый ФИЗИЧЕСКИЙ отпечаток.

Вы видите, для нас, западных людей, все как бы четко разграничено: это скала, это кресло, это джентельмен, это леди. Все как-то загоняется в точные, хорошо определенные, ограниченные конструкции. Всякая вещь определена.

Теперь, когда я снова смотрю на Запад с ... иной перспективы, у меня возникает чувство, что вся интеллектуальность -- западная интеллектуальная формация -- есть нечто чрезвычайно юридическое и воинственное. Все жестко. Все в ящике. И даже люди, даже люди "определены".

И во время первого контакта с Египтом (и даже больше в Индии) это маленькое определение было внезапно вытолкнуто в необъятное измерение, которое лежит за тем маленьким объектом, который, как я думал, я определил. Внезапно за одной глубиной вскрывалась другая, за ней -- следующая... И те глубины ВИБРИРУЮТ. Они вибрируют.

И та вибрация пробудила во мне нечто, что ... я не мог определить, поскольку у меня не было слов. Но вещи больше не были зажаты в определения; они внезапно были охвачены безмерностью, которая простирается далеко назад во времени. И эта безмерность не была абстракцией; она ощущалась как "звук", вибрация.

Как, например, те стены сохранили отпечаток веков гонгов и ритуалов, и они удерживали это в вибрирующем состоянии. Вибрирующем с чем? С зовом.

И посреди всего этого я распознал свой собственный зов.

Зов, исходящий не из этого времени. Зов, тянущийся через чреду веков. Как если бы этот крик, эта нужда была рождена не сегодня, даже не в этой жизни, даже не со времен моего детства в Бретани. Как если бы вдруг вся жизнь расширилась назад, и этот маленький сегодняшний зов того приятеля, каким я являлся, был бы всего лишь "проекцией" нечто, что уходило далеко, далеко, далеко назад в прошлое, и которое все вибрировало и вибрировало. Нечто, что призывалось и призывалось -- и было зовом со времен... с очень давних времен.

Товарники: Нечто, что уходило также далеко, далеко в будущее?

Может быть и в будущее! Возможно.

Потому что... когда вы там были, в том самом древнем измерении, это чувствовалось как "вечность".

Это не... ПРОШЛОЕ (как я его описываю, оно может показаться нечто очень, очень, очень далеким по времени); это вечное... Это ВЕЧНОЕ...

Но эта "вечность" без какой-либо проекции в будущее.

Вечность, которая ЕСТЬ... не знаю.

Церкви: Буддизм, Нигилизм и Нирвана.

Товарники: Могут ли и христиане почувствовать то же самое в соборе или церкви?

О, безусловно!

Безусловно. Конечно же, могут.

Вы видите, в действительности, ВСЕ является средством, предлогом, чтобы подвести нас к открытию ДРУГОЙ глубины нас самих.

Но люди обращают средства в цель и тюрьму.

Так что те стены... Посмотри, довольно давно, в Тибете нашлись некоторые люди, которые сказали: "ХВАТИТ ЭТИХ СВЯЩЕННИКОВ!". Церкви повсюду, всегда. Кто-то саньясин, ашрамит, католик, марксист... Мы сами держим себя в тюрьме. Все эти вещи превосходны. Религия превосходна, марксизм превосходен. Все превосходно -- при условии, что это... поможет вам достичь ТОЙ точки, где вы начинаете быть человеком. Человеком, то есть, нечто, что имеет собственную вибрацию -- которая столь стара и которая присутствует и в настоящем, которая столь вечна.

Но все, что только ни помогало бы вам достичь того другого измерения, подходит к своему концу. Становится догмой. Становится тюрьмой.

Или же становится Гуру (с большой буквы). Становится Богом (с большой буквы).

Товарники: И это начало смерти.

Точно! В тот момент, когда вы начинаете "определять" что-то, оно умирает. Оно мертво. Поэтому я ничего не имею против христианства, индуизма или марксизма -- я ничего не имею против кого-либо или чего-либо.

Но я... против -- и сильно ПРОТИВ -- всего, что заточает людей.

Синдром мы-схватили-истину, вы знаете. Она в нашем мешке, раз и навсегда, и это все.

Этой лжи я не могу перенести.

Я не мог вынести ее в Тибете, я не мог вынести ее в Пондишери, я не мог вынести ее в Париже, я не мог ее вынести даже в джунглях.

Истина есть нечто, что... "становится". Нечто извечно и навсегда в вопросе, я бы сказал, или в становлении. Это нечто, что... вы должны все больше и больше ВОПЛОЩАТЬ.

"Воплощать" -- да, для меня это имеет смысл.

Воплощать означает вести все это в собственную плоть.

И дело как раз в том, что все мои поиски в качестве саньясина заканчивались в нечто, что выводило меня из моей собственной плоти.

Вот где я оказался в конце всех тех поисков -- в конце того, что казалось ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ поиском. Да, для меня то окончательное не было окончательным. Если же это было окончательным, то я симпатизирую буддистам, нигилистам, всем тем, кто повсюду сбрасывает бомбы, ведь это тоже действенный или негативный путь достичь того же самого конца.

Все те практики есть ни что иное, как проклятая иллюзия.

Нам предлагается выбирать между тем, чтобы выбраться из всего и взорвать все.

С одной стороны, йоги, буддисты говорят вам: "Решение в Нирване -иди вверх"; с другой стороны, другие говорят вам: "Нет, давайте взорвем весь этот проклятый мир..."

Это в точности одно и то же.

Это одна и та же вещь, одна блаженная, другая дьявольская.

Два отрицания, ведущие к одному и тому же. Обе дороги кончаются... тупиками.

Или же эта Земля не имеет смысла.

Это был тот вопрос, который привел меня назад в Пондишери, к... Ней.

К Ней.

Товарищ: Сатпрем, каково гулять по дорогам Индии?

Ах, я всегда наслаждался путешествием, независимо от обстоятельств.

Мне нравится то состояние изнеможения, когда резервы тела на исходе. Тогда вы начинаете... переходить в другой ритм. Тело уже больше не прилагает усилий -- нечто иное несет вас.

Вы гуляете и гуляете, и... вы сливаетесь с великим ритмом. Когда вы выходите за пределы состояния изнуренности, за пределы определенной стадии, тогда воцаряется другое, великое состояние.

Так что на дорогах Индии, да... не могу сказать, что это было БОЛЬШЕ, чем где бы там ни было, потому что это был "марш", за исключением того, что люди были... я чувствовал, что был в той стране, где мог легче дышать. Это поистине милость Индии (или было милостью, потому что не знаю... можно ли сейчас сказать то же самое); это милость той страны. Там поистине другой воздух.

Но я достиг конца человеческого вопроса, вы понимаете, исходил всю Индию и соприкоснулся с тем, что было ее идеалом.

Я достиг конца человека.

Я не получил ответа.

Или же ответом было: выбирайся из этого мира, брось в огонь это старое тряпье.

Я не получил ответа.

И в этом действительно причина упадка и деградации Индии: вместо того, чтобы ВОПЛОЩАТЬ свою духовность, они по обыкновению использовали ее для грез, мечтаний, медитации, для какой-то духовной дремоты, которую они называют "Нирваной", но... эти люди ДРЕМЛЮТ! Они приятно и всецело дремлют -- посмотри, чем они ЯВЛЯЮТСЯ и что они ДЕЛАЮТ для земли?

Вот на что я все время наталкивался. Я подходил все к той же точке и упирался в нее.

Какой была их цель? В чем цель этого человеческого ТЕЛА, скажем, того самого тела ребенка на берегу моря, который удивленно всматривался в безбрежность и чувствовал, что было нечто, чем стоит жить!

Так что же, конец всего этого в том, чтобы закрыть глаза -- и что тогда?

Это конец?

Но ребенок, всматривавшийся в волны, каким я был, не принял бы это ни на минуту!

Это не жизнь! Это вовсе не божественная жизнь.

И все же... в самом начале истории Индии, другие поняли -- риши, жившие пять или шесть или семь тысяч лет назад. Они поняли какую-то тайну.

Ту же тайну открыли Шри Ауробиндо и Мать.

И вот что на самом деле потянуло меня назад. Исходив Индию, я вернулся НАЗАД к... тому источнику -- настоящему источнику. И к настоящему смыслу этой жизни.

Товарищ: То есть работать надо здесь, а не где-то а за пределами?

Если бы в за пределами, то для чего же мы приходим на землю?

Как тот нанга-саньясин, который говорит: "Замечательно, все кончено! Я бросаю старое тряпье в огонь и... это все. Я свободен!"

Но в чем тогда эволюционный смысл всего этого?

Мы были моллюсками, мы были лягушками, мы были рыбами, мы только что были обезьянами... Мы с трудом ТАЩИЛИСЬ, действительно, миллионы лет и страдали и... Зачем? Чтобы кончить маленькой духовной медитацией?

Это невыносимо!

Это не имеет никакого смысла.

Вся эта... проклятая история, болезненная и фантастическая история, кончается в маленькой... в такой бедной маленькой вещи?

Если первый эмбрион начал шевелиться на земле, то это должно было иметь какое-то значение для земли! Истина есть нечто, что должно иметь смысл в этом теле!

Эволюция не происходит в мозговых извилинах!

Она идет в плавниках рыбы. Она происходит в когтях. Ну, хорошо, какое-то время она происходит в ряде извилин, которые были чрезмерно вздуты, но это не... ПУТЬ, ведущий к свершению тех миллионов лет.

Это невозможно!

Эволюция должна идти во плоти. Это должно быть нечто в теле.

И вот где Мать схватила меня. Вот как она меня поймала.

Товарищ: Но я не думаю, что Вы ставите под сомнение учение самого Будды, о пути, ведущем к развенчиванию иллюзии и подводящему к центру сознания?

Посмотри, есть иллюзорный человеческий путь проживания своей жизни. Это очень ясно. Иллюзия временная, полезная. Очевидно, что существует видимость вещей, через которую нужно прорваться.

Вопрос состоит в том, чтобы избавиться от представления о... маленьких объектах,

заключенных в ящик -- мы должны выбраться из этого ящика. В этом нет сомнения. Вот чем является иллюзия и ложь.

Дело заключается в том, чтобы сразу же прорваться через все это в поистине необъятное измерение.

И это ПЕРВЫЙ шаг. Это не конец. Это только АБВГД -- начало алфавита!

Поэтому раз уж вы прорвались через эту корку -- тот маленький "ящик", в который вы заключали все вещи и все существа -- раз уж вы пронзили тот... кусок картона (это ничто иное, как кусок картона), раз уж вы прошли через это, то что вы собираетесь делать с этим телом? Что произойдет тогда?

На этот вопрос не давал ответа ни один йог, ни один иллюзионист, ни один буддист.

Товарниcki: Если это не побочный продукт буддизма?

Побочный продукт?

Товарниcki: Буддизма.

Но я...

Товарниcki: Потому что, несомненно, если вы подойдете к истоку, если вы прочтете слова самого Будды и вникните в учение основных Мастеров, то не откроется ли вам иной порядок вещей?

Да. Конечно, целый мир лежит между тем, что говорили пророки или осведомленные люди (называйте их как хотите) и что... сделали из этого их последователи и ученики... и церкви.

Что мы знаем о настоящих словах Христа? Что мы знаем о настоящих словах Будды? На самом деле мы не знаем ничего. Поэтому, когда я говорю о Будде, то ставлю под сомнение не столько самого Будду, сколько... ту церковь, которая построена вокруг него.

Товарниcki: Припоминаете ли Вы позицию Шри Ауробиндо по отношению... не к буддизму, а к самому учению Будды?

Очень трудно говорить об этом, потому что буддизм стал синонимом определенного способа бытия и жизни. Поэтому мы можем обсуждать эти вещи лишь в терминах буддизма, а не в терминах самого Будды. Это невозможно.

И это было очень полезно. Буддизм был очень полезен в эволюции человеческого сознания, чтобы помочь нам или заставить нас ПРОКОЛОТЬ определенную видимость.

Но это ПЕРВЫЙ шаг!

А какой второй шаг?

Вот что. Вот мой вопрос.... Вот где я был в конце моего путешествия. И я дошел до этого не философски! Я дошел до этого столь конкретно, сколь это может быть, потому что я все еще был тем самым ... РЕБЕНКОМ, в самом деле, вглядывающимся в безбрежность моря и... говорящим себе "Но где же мой секрет? Где ЭТОТ секрет моего существа... этого тела, в котором я нахожусь?"

Гуру

Товарниcki: Но учение Шри Ауробиндо уже несколько просветило Вас?

Да. Я читал Шри Ауробиндо... Верно, я прочел некоторые вещи Шри Ауробиндо. Но, не знаю, было так, как будто бы я читал сквозь страницы.

Как я уже рассказывал, я странствовал по миру с "Жизнью Божественной". Но... я действительно интересовался "миром" Шри Ауробиндо, его атмосферой, тем, что он представлял. И всякий раз, когда я читал страницу-другую, я смотрел даже не на слова: на заднем плане я ощущал какой-то взгляд или глубину, и мне нравилось составлять компанию с... "тем".

Так что это даже не философия -- которую я почти не знал -- в действительности притягивала меня.

С интеллектом я покончил в возрасте девятнадцати лет. Я прочел сотни и сотни книг и понял раз и навсегда, что никакого ответа не смогу найти в книгах.

Товарниcki: Так что последний "снимок" того индийского путешествия такой: Вы в качестве белокожего саньясина странствуете на глазах дружественного индийского народа?

О, да! Они более чем дружественные; они великодушные. Это настоящие великодушные. Великодушное, которое не просто выражается в улыбающихся лицах, а исходит из сердца. Это поистине милость той страны.

Там было это великое великодушное.

Но я не собирался проводить всю свою жизнь в одежде монаха, вы понимаете. Мне требовался другой смысл жизни. Мне нужно было прикоснуться к чему-то БОЛЕЕ ИСТИННОМУ, чем все это.

Товарниcki: Какие области Индии Вы посетили?

Бенгали, главным образом. И я... да, путешествовал по всей Индии. На пути в Гималаи я проходил через Бенарас, Бриндаван. В западной Индии был не особенно много. В основном на востоке и северо-востоке.

Товарниcki: В течение нескольких месяцев?

Путешествие было очень коротким. Очень сконцентрированным. Потому что я был действительно ведом непосредственно моим вопросом. Я не собирался впустую тратить хотя бы минуту своей жизни: как только завершалась одна фаза, я довольно грубо ставился перед тем ответом, который я должен был услышать или ПЕРЕЖИТЬ.

Товарниcki: Встречали ли Вы гуру или саньясина, который поразил бы Вас?

О, встречал... множество.

Товарниcki: Не припомните ли Вы какую-нибудь интересную историю в ходе того...

Гуру, что же... Лично я нахожу "систему гуру" отвратительной. Не могу выразиться иначе. И все же... это, очевидно, манера выражаться.

Потому что, на самом деле, ВСЕ является Гуру.

Каждое мгновение, каждая вещь, каждая встреча, каждый случай, каждое происшествие ЯВЛЯЕТСЯ Гуру. Все приходит для того, чтобы показать вам путь. Мы просто не осознаем это. Мы относимся к вещам обычным образом, как мы всегда принимаем их. Но если мы знаем, как смотреть на вещи, то каждая вещь ЯВЛЯЕТСЯ Гуру. Я имею в виду, что каждая вещь приходит для того, чтобы научить вас, показать вам путь. Каждая встреча, каждая личность, каждый случай, каждое событие -- это Гуру. Так почему же все это должно быть запихнуто в какую-то особенную шкуру ... шкуру, облаченную в белую одежду и... сидящую со скрещенными ногами?

Я не могу вынести -- я просто не могу вынести всех этих людей. Я вижу их насквозь. Допускаю, что некоторые из них искренни. Но посмотри, что делают из них их ученики! Вот что отвратительно.

Они делают из них божество. И это очень удобно, вы понимаете, иметь гуру: "Что же, мой гуру сделает это для меня." Это ПОЛНОСТЬЮ освобождает вас от того, чтобы прилагать какое-либо личное усилие или пройти самому через весь процесс.

Ах! "Мой гуру здесь; он сделает это за меня." Гуру-гуру-гуру. Это всегда до боли знакомая вещь: бог освобождает вас от... от становления тем, чем вы являетесь.

Мать очень хорошо об этом сказала. Она сказала: "Это ЛЕНЬ... это ЛЕНЬ заставляет людей поклоняться. То, что следует делать, это становиться."

Но чтобы становиться, требуется мужество. Нет места для дремоты, вы понимаете.

И вот чего касался меч Матери. Там вы не могли дремать. Вы НЕ МОЖЕТЕ дремать. Вы не можете переложить все на кого-то, чтобы он сделал это за вас.

И вот почему я вернулся.

И в конце своего путешествия я вернулся в тот ашрам.

Теперь я понял, что должен был преодолеть все свои... страхи относительно стен, структур, систем -- ради НЕЕ, вот что. И не надо обращать много внимания на ашрам.

Но ОНА была там.

Только ЕЕ я хотел видеть.

И вот где другая милость была дарована мне. Но я думаю, что всем нам милость отпускается в соответствии с нашим зовом. Все зависит от того, что мы призываем!

И, вероятно, она чувствовала тот зов во мне.

И с ее... улыбкой, ее иронией, ее вызовом -- всегда был вызов глубоко в глазах Матери. Она как бы всегда бросала вам вызов: "Посмотрим, сможешь ли ты. Попытайся!"

В самом деле был "вызов" (мне нравится английское слово "challenge" -- вызов).

Глубоко в тех глазах был зов.

Камешек с Ганга

Товарники: Случилось ли с Вами что-либо особенное во время того путешествия по дорогам Индии? Увидели ли Вы какой-либо особый знак?

Может быть, Вас поразил какой-то случай? Событие, которое как-то Вас затронуло? Животное, сюрприз, человеческое существо, случай, что угодно?

Не знаю. Да... кое-что поразило меня.

Во время своего путешествия я подошел к Гангу, к истоку Ганга -- не к самому истоку, а достаточно высоко вверх по Гангу. И всегда в своей жизни я любил горные породы. Мне нравились камни. Мне нравились скалы. Мне кажется, что камни живут своей собственной жизнью.

И с Ганга я подобрал камешек, который показался мне прелестным. Я оставил этот камешек у себя. А по возвращении я нашел себе приют недалеко от железнодорожной станции. У приятного человека, который -- не знаю, имел отношение к железной дороге, возможно, это был контролер или вроде этого; как бы там ни было, у него была работа, связанная с железной дорогой. Он жил рядом с путями вместе со своей женой, двумя или тремя детьми и престарелой матерью. И они дали мне приют.

И, не знаю почему, я вынул свой камешек.

И та мать посмотрела на этот камешек. Она все смотрела и смотрела на него; не знаю, почему.

Спонтанно я протянул ей камешек. И сказал: "Я подобрал его на Ганге".

После этого... престарелая женщина положила камешек перед собой на пол и приложилась к нему лбом. Это было так просто, так трогательно видеть... любовь, с которой женщина приложилась лбом к тому камешку с Ганга.

Не знаю почему, но это очень меня тронуло.

Эта СПОСОБНОСТЬ ПОКЛОНЕНИЯ, вы знаете... Эта... легкость и спонтанность, с которой они могут поклоняться. Иными словами, да, слияние с нечто более широким, чем маленькая поверхностная личность или маленький предмет, или...

Это глубоко меня тронуло.

Я узнал... нечто.

* День Четвертый. СПУСК В ТЕЛО *

Возвращение в Пондишери:

тело -- это мост

Товарнилки: Есть ли некие слова Матери...

Сатпрем: Да, конечно.

Товарнилки: ... которые дали бы читателям ту же самую "встряску"...

Да. Да, конечно.

Товарнилки: ... как человеку, который только что прибыл и еще не знает, что такое "супраментал"? Кто не знает, что означает спуск в материю? Кто лишь воспринимает знаки, намеки. Так что, Сатпрем -

Да.

Товарнилки: ... Вы прибыли в Пондишери.

Да, действительно, есть ключевая фраза Шри Ауробиндо -- есть также одна и у Матери -- которая преследовала меня долгое время. На самом деле, с того момента, как Шри Ауробиндо взглянул на меня. И я путешествовал по миру с этой фразой, не вполне понимая ее смысл или что с ней делать.

Помнится, в "Жизни Божественной" он говорил (я цитирую неточно): "Человек -- это не верх эволюции; он -- переходное существо. Если он не хочет превзойти самого себя, то он будет превзойден."

Эта фраза следовала за мной повсюду. Как если бы там он действительно коснулся сути вопроса.

Я прошел через весь фантастический курс, вы знаете, столь богатый событиями, в течение изрядного количества лет путешествую по миру, пройдя через столь многие приключения, и здесь я был в моих Гималаях, действительно столкнувшись лицом к лицу с довольно... устрашающим вопросом. Ведь я достиг конца всевозможных поисков.

На языке человечества я был поставлен ... перед двумя возможными вершинами.

Вершина, которую я воспринял и даже "соприкоснулся", была йогической, скажем так. Путь, который поднимается подобно кончику острия к вершине сознания, прорываясь через макушку, которая ограничивает нас -- и вы всплываете на некой верхушке бытия, будучи чрезвычайно... удовлетворенными. Там исчезают все проблемы. Это... безвременное. Это вечное. Это подобно великому белому молчанию за всякой вещью, в глубинах всякой вещи. Оно наполняет вас; это благо.

И на самом деле (теперь я понимаю это; я понял это позднее), как раз это я переживал, будучи ребенком, находясь в море в своей лодочке; и я чувствовал себя так хорошо в своей лодке, растворяясь в бризе, ветре, запахе морских водорослей -- это было то же самое очень полное состояние.

Но -- и вот где лежит разница -- я чувствовал это в своем теле, в своих ноздрях, в своих руках, которые держали руль и подчинялись течению, которые следовали движению ветра и направляли лодку.

Тогда как то, что происходило в Гималаях (и также везде), происходило после некоторого растворения, после того, как все замолкало, когда все было собрано вместе как острая восходящая кромка. Тогда я чувствовал это.

Но что ПОТОМ?

Вы открываете свои глаза, а жизнь как шла, так и идет.

Я действительно был очень близок к этой вершине человечества, так сказать.

Другой же вершиной был верх электроники, западных волшебников, которые производят все более эффективных монстров -- и поедаются заживо своей же системой.

Передо мной были две крайности: вершина йоги и верх электронного человека или интеллекта.

Какую выбрать?

Не совсем понятно, где лучше потонуть, но вы тоните в обоих случаях, будь то в светлой белизне или же в довольно удушающей темноте.

Тем временем жизнь... божественная жизнь все еще ускользает от нас!

И вот где фраза Шри Ауробиндо преследовала меня.

Вот где она преследовала меня.

Поэтому я спустился с Гималай и... вернулся к ней. К Ней.

Потому что некоторые ее слова очень глубоко меня поразили.

О'кэй, все прекрасно; вы говорите: "Человек -- это не вершина эволюции. Мы на пути к следующей стадии эволюции."

Но как? Какими СРЕДСТВАМИ?

И вот где одна фраза Матери глубоко меня поразила. Действительно, это был ключ для меня.

Как-то она сказала: "Это физическое тело может постепенно развиваться в ходе эволюции. Физическая субстанция развивается через каждое индивидуальное образование (иными словами, через то, что мы претерпеваем в ходе эволюции)...". И она добавила: "И однажды тело сможет протянуть МОСТ между жизнью, какой мы ее знаем, и той жизнью, которую мы могли бы назвать супраментальной, как назвал ее Шри Ауробиндо, жизнью следующего вида -- именно ФИЗИЧЕСКОЕ тело протянет этот МОСТ."

И не поднимаясь на верх сознания, на остроконечную вершину -- столь острую, что она кончается растворением, исчезновением -- действительно движешься к чему-то иному.

Или же движешься из стадии человечества, из эволюции -- изо всего!

Это в ТЕЛЕ.

И это глубоко затронуло меня, потому что я очень заинтересован в теле. Ведь в нем я живу, вы понимаете. И там я всегда и намерен жить. Во всех своих приключениях или действиях (не знаю, как назвать это) должно участвовать мое тело вместе со всем моим существом. Иначе в чем же вопрос?

Этот вкус я почувствовал раз и навсегда, бороздя морские просторы, вдыхал с запахом дрока, морских водорослей и побегов. То было НАСТОЯЩИМ смыслом для меня. И крики морских чаек... То было ПОЛНЫМ. Для меня это было уже чем-то вроде божественной жизни.

Но, конечно же, такое случается лишь в редкие минуты жизни и в условиях, которые... несколько не похожи на божественные.

Так как же найти, "воплотить" ту божественную жизнь?

И все это было после того, как я ВИДЕЛ, чем являются знаменитые йогические реализации или пытался достичь их -- потому что я касался этого... Что за шумиху они разводят вокруг этого! Они делают много шума из ничего.

(короткое молчание)

Ну, хорошо, эти йогические реализации могут быть полезными для человечества, погруженного в материю. Очень хорошо отойти немного назад, прорваться через все те слои обусловленности и всплыть в некотором молчании и во всем том... Это хорошо; здесь нечего отвергать и не над чем насмехаться. Но все это подобно тому, вы знаете, как дышать кислородом только две и десять минут в сутки! Вряд ли это решение! А если это решение, тогда эволюция есть нечто абсурдное, чья кульминация должна заключаться в отходе от эволюции!

Все эти слова весьма абстрактны, но, в действительности, для меня, все это имело самый непосредственный и физический смысл. Потому что я соприкасался с этим. Я соприкасался с тем светом, той необъятностью. И вот почему я внезапно был поставлен перед настоящим и мучительным вопросом, который снял меня с моих Гималай и привел к... к Ней, которая

сказала: "Это в теле. Физическое тело -- это МОСТ."

И это несмотря на... все то, что заставляло меня съеживаться -- те стены, тот ашрам, все то окружение, которое казалось мне столь же бессмысленным на Востоке, как и на Западе. Все, что пахнет "стенами" или "школой"... просто невыносимо для меня; это душит меня. Я чувствовал удушье.

Ну, хорошо, "Она" была там, в том ашраме. Поэтому я сказал себе: "Я должен... я прошел через джунгли. Почему бы не пройти через ашрам?". Вот как это было.

В действительности, меня ожидала еще одна милость, потому что милость присутствует всегда. Когда вы ищете, когда вы зовете, ВСЕГДА некая рука помогает вам. И, оглядываясь назад, вы сознаете, как чудесно это было: есть ведущая, такая мягкая, добрая рука, которая наблюдает и... берет вас, когда вы сами больше не знаете, что делать, или не можете это сделать. Особенно когда вы больше не можете сами делать что-либо. Вот когда приходит милость.

Товарники: На что был похож тот ашрам?

Ашрам? В то время там уже была масса людей. Возможно, тысяча человек, тысяча учеников. Конечно же, они были разбросаны по всему городу, но обычно они собирались вместе в некотором центральном здании. Там также много занимались спортом, что совсем необычно для ашрама. Все ученики носили белые одежды. Они выглядели... да, довольно легко уживались с самими собою и с виду не печалились. Каждый занимался определенной "деятельностью", то есть были разнообразные "службы", где каждый ученик понемногу работал. И они собирались вместе для медитации. Но упор (по крайней мере, официально, могу сказать), упор был сделан, главным образом, на работу, материальную деятельность, спорт. Поэтому практиковалось изрядное количество спортивных игр. Тут была и хатха-йога, как и футбол, теннис и дзюдо. Допускалась всевозможная деятельность.

Товарники: К тому времени Шри Ауробиндо уже умер.

Умер...

Товарники: Кем был Шри Ауробиндо? И кем была Мать? Какова была их связь?

Но в этом все и дело!

Ашрам сам по себе не значит ничего, вы понимаете.

Существо, кем бы оно ни было, имеет переживание -- ВОПЛОЩАЕТ переживание. Затем этот опыт спонтанно "притягивает" некоторое количество людей, которые... которые хотят разделить это переживание или понять, что это.

В этом нет ничего нового. Греки очень хорошо это знали. Перипатетики, я полагаю, имели учеников и общались и обменивались своим опытом, гуляя и разговаривая.

Вот где берет начало ашрам: некое существо имеет переживание или достигло определенной реализации, а ученики, как они называются, приходят и собираются вокруг него. Да, но беда в том, что число учеников начинает расти, и ашрам -- что постепенно и как бы незаметно стало ашрамом -- да, становится их собственностью, и Мастер становится их собственностью, и только они распоряжаются гениальным учением Мастера. Это старо как мир. Я был как раз... свидетелем такой же истории, на самом деле.

Товарники: Хотелось бы, если возможно, услышать маленькую историческую справку о роли Шри Ауробиндо в ашраме. Как и о роли Матери.

О взаимоотношениях Шри Ауробиндо и Матери в прошлом.

Хорошо. Воздействие того, кого называют Гуру (за неимением лучшего слова) или Мастером -- того, кто имеет опыт -- происходит (по крайней мере, не всегда) не через слова.

Шри Ауробиндо немного пытался объяснить в своих сочинениях то, что он делал, что искал. Довольно продолжительное время Мать передавала это посредством устной речи: были

вечера "Вопросов и Ответов" на плэйграунде ашрама.

Но, в действительности, это не было главным делом.

Главным делом было распространение переживания. Это как раз то, что Запад все никак не может понять, потому что по нему все должно быть ментальным. Они создают философии, вы понимаете, разбитые на параграфы - просто идеи. Тогда как, здесь, нет идей; есть силы. Мы позабыли, что разум -- это только высушенный переросток, пытающийся перевести живую силу, находящуюся за ним.

Да, есть живая сила. Это то, с чем вы должны вступить в контакт. Настоящая работа ученика на самом деле состоит в том, чтобы установить контакт с силой и мощностью переживания. Ведь это не нечто, ограниченное частным телом. Оно излучает, вы понимаете, подобно благоуханию цветка или радиоактивному материалу. Вы должны войти в контакт с этим и позволить ей -- этой мощи переживания -- работать внутри вас и внутри вашей собственной плоти. Вот что ученики должны стараться делать.

Товарницки: Но кто основал ашрам в Пондишери?

Ну, вы не можете сказать, что он был "основан", что Шри Ауробиндо решил как-то основать ашрам. Все происходит не так.

Просто случилось так, как я уже говорил, что ученики стали слетаться как пчелы, со всей округи, и из этого возник ашрам! И однажды было решено, что будет ашрам, из-за изрядного количества людей, которые были там.

Товарницки: А Мать?

Вот в действительности как идет жизнь в ашраме: есть Мастер и пчелы, собирающиеся вокруг него, чтобы... собирать мед. И, естественно, когда Мастер уходит, все останавливается. А если все продолжается вслед за уходом мастера, то просто... превращается в церковь.

Вы понимаете, что в тот момент, когда ушло ядро живого переживания, вы начинаете жить теориями; вы пытаетесь применить идеи Мастера наилучшим образом, на что только способны. Короче говоря, это начинает становиться... это зародыш церкви или школы. Как раз это и происходит.

Товарницки: Вернемся к ашраму, Сатпрем. Какой Мать показалась Вам?

И кто такая Мать?

Мать... Да, прежде всего, тот ее взгляд. Очень отличающийся от взгляда Шри Ауробиндо и все же все больше и больше напоминающий его взгляд. Но очень отличающийся.

Тот взгляд был вроде... да, "меча" -- меча света. Нечто, глубоко проникающее в ваше существо и стремящееся прикоснуться там к корням, и вы чувствовали... вы чувствовали, что она проникала через все слои или покрытия вашего существа, чтобы попытаться... достичь нечто в его глубинах.

Мать была силой за работой. Вот чем она была -- мощью. Тем, что в Индии называют Шакти.

Тупик оккультизма

Товарницки: Кем она была? Откуда она?

О, история Матери -- это длинная история! (смех)

Начнем с того, что она была француженкой. Она родилась в Париже, отец ее был турок, мать -- египтянка.

История Матери подобна роману -- в действительности, это самое великое приключение, о котором я когда-либо слышал.

Невозможно пересказать все истории Матери!

Товарницки: Все же стоит рассказать, хотя бы немного. Стоит того.

(смех) Ну, хорошо, ладно. Она также, на свой лад, стучалась во всевозможные двери, чтобы

найти ответ на вопрос о положении человека.

Очевидно, она родилась с ощущением, что человек -- это человеческое существо -- не является конечным продуктом, что нечто иное должно выйти из этого существа, что явится следующей "ступенью" эволюции. Она родилась в сознании этого.

И она стучалась во множество дверей. Она играла со всеми западными философиями. Она играла с западной эстетикой. Она дружила с Роденом, Монэ... (с кем еще?) Сислеем, великими импрессионистами. Она стучалась в двери музыки -- она была замечательным музыкантом. Она стучалась во множество дверей. Она также имела дар к математике.

И затем она постучалась в очень интересную и очень опасную дверь -дверь оккультных сил. Потому что, если было бы другое существо, в шаге от человеческого, то КАК оно собиралось бы... прийти в бытие? Довольно естественно ответить: может быть, оккультные силы в человеке дадут решение и откроют дверь к другому состоянию?

Очевидно, мало кто из людей способен к оккультизму. И более того -более того -- попробовав его, **ОЧЕНЬ МАЛО** кто сможет уйти от этого. Потому что...

Товарники: Это было время Штайнера, время Шурэ...

Да, это было время Шурэ. Это все еще было время Гурджиева.

И Мать встретила некто, кого звали Теон. Некто, кто был супер-Гурджиевым -- Гурджиев был мальчишкой по сравнению с Теоном. Человек, имевший массу оккультного знания.

Мы знаем лишь законы материи, вы понимаете. За ними лежат другие, это совершенно очевидно. Другие законы, очень мощные и очень действенные. И это благо, что люди ничего не знают о них, потому что они использовали бы их самым ужасным образом.

Но, в любом случае, Мать также экспериментировала с ними, чтобы увидеть, могут ли те так называемые оккультные методы действительно помочь на практике. Но на нескольких конкретных примерах она, как и Шри Ауробиндо, убедилась, что это подобно растягиванию резинового жгута: пока вы удерживаете резиновый жгут, он остается туго натянутым, и можно творить чудеса (то, что мы, люди, называем чудесами), но стоит только его отпустить -- бац, все кончено! Все возвращается на прежнее место.

Есть история об ученике или друге Шри Ауробиндо, которого укусила бешеная собака. Используя оккультное знание, он остановил распространение заболевания, благодаря чему оно держалось под контролем. Этот контроль сохранялся в течение десяти или пятнадцати лет, не помню точно. Но однажды этот человек, бывший йогом-политиком, утратил выдержку -- он потерял само-контроль. Спустя двадцать четыре часа он скончался. Иными словами, в течение десяти лет он держал... резиновый жгут своего сознания натянутым, так сказать, и болезнь сдерживалась, находилась под контролем -- это выглядело чудом для всех, кроме него. Но как только он отпустил резиновый жгут, все кончено! Все вернулось на прежнее место. Это... короткоживущие чудеса. Таким чудом можно ошарашить человека с улицы, потому что много чего можно сделать таким образом. Это может выглядеть весьма ошеломляющим и чудесным, но... это не имеет длительной силы. Это не обладает силой, которая непосредственно "исходит" от материи, вы понимаете. Это нечто, что **НАЛОЖЕНО** на материю.

Так что вы в самом деле можете наложить ту мощь, ту силу или волю на чью-то голову, вылечить его, сделать то или это, но он снова подцепит эту болезнь спустя три минуты или пятнадцать дней. И затем, в конце, мы все подхватываем смерть.

И, как если бы этого было еще не достаточно, существует значительная опасность использовать эти силы на дурные цели. Что люди сразу же начнут делать с этими силами? Они будут использовать их на то, чтобы избавиться от всего, что стоит на их пути! Или, хуже того, они станут использовать их на то, чтобы уничтожить все, что им кажется злом в этом мире. Но что они в действительности знают о зле?

Что они знают?

Разве то "зло", на самом деле, не необходимо, чтобы вести куда-то за пределы него?

Человеческие существа не знают ничего.

Чтобы управляться с этой мощью, нужно иметь великое видение.

Товарницки: Но что произошло после того, как она экспериментировала с теми оккультными силами?

Что же, она увидела, что это в самом деле был тупик. Это НЕ было решением.

Товарницки: И что произошло затем?

Ну, как всегда, милость здесь. Когда вы заканчиваете одно переживание и есть настоящий зов в вас идти дальше...

Затем она познакомилась с одним философом, который должен был провести политическую кампанию в Индии, чтобы попасть во французский парламент. И так Мать, после встречи с тем философом, попала ко Шри Ауробиндо.

Пройдя полный курс (я опускаю многие детали), после того, как все пути, один за другим, закрывались перед ней.

Она ясно видела, что эта игра с философиями не ведет никуда за пределы игры. Эстетика имеет свои пределы. Музыка имеет свои пределы. Все великие оккультные силы имеют свои пределы. Ни одно из этих не было ключом, чтобы вести к... к человечеству, которое могло бы быть действительно человеческим -- чем он едва ли является в настоящее время или пока что не является.

И вот как она пришла ко Шри Ауробиндо.

Товарницки: В ашрам в Пондишери?

Ашрам еще не был сформирован, когда она пришла. Там было всего лишь несколько учеников. Дюжина учеников или примерно столько, кто не много понимал, что происходит, но кто был там. И число учеников росло, и так было создано то, что сейчас известно как ашрам.

Но ашрам сам по себе -- это ничто! Что действительно важно, это личность, которая ЯВЛЯЕТСЯ центром и ИМЕЕТ переживание, и то, КАКОЕ переживание эта личность имеет.

А что касается меня, что я увидел в конце всего того путешествия, это некто, говорящий мне: "Именно ТЕЛО сделает МОСТ".

Это не оккультные силы. Не йогические мощности. Не философия. Вовсе не знание Упанишад. Ничего такого. Это ни наилучшее, ни наихудшее.

Это не Упанишады. Даже не Бхагават-Гита. Не какой-то текст. Ничего подобного!

Это нечто иное -- это ТЕЛО.

У тела нет какой-либо философии, вы понимаете. Оно или хорошо спит, или плохо спит; ему голодно, ему холодно -- вот чем является тело.

Итак, она говорила о секрете.

И вот почему я вернулся, чтобы увидеть, чем был "секрет тела".

Исследование Матери: спуск в тело,
другая сторона аквариума

Товарницки: Теперь Вы оказались возле Матери.

Возле Матери?

Товарницки: Или как Вам угодно называть это. Что начало проясняться для Вас через то, что она говорила. Но, как она говорит, это тайна за пределами всяких формулировок. Но тогда как же практикуется это учение? Каково...?

Но для меня чудесным было как раз то, что Мать никогда не имела учения!

Мать исследовала. Это вовсе не имеет ничего общего с учением.

В течение некоторого времени она прилагала усилия, чтобы говорить ученикам: "Не так -- вот так. Вы должны... делать это и делать то." Но как только эта стадия была пройдена, Мать стала исследователем нового вида.

Так что она не знала!

Мать не знала пути!

И что в самом деле невероятно -- и то, что захватило мою жизнь -- это то, что по некоторой непостижимой милости она сделала меня свидетелем или поверенным в ее исследования. То есть, она доверяла мне все свои сомнения, вопросы, кажущиеся неудачи -- все.

Она начала говорить со мной тем же образом, как разговаривают с ребенком, вы знаете, как бы рассказывая ему истории. Я мог задавать ей любые вопросы, которые только приходили мне на ум. Она отвечала на все мои вопросы. И медленно, медленно вводила она меня в свое исследование. Как если бы она хотела пригласить меня, человеческое дитя, принять участие в процессе того, что придет ПОСЛЕ человека -- как выходить ЗА ПРЕДЕЛЫ человека.

Но она не знала пути.

Она начала йогу в теле в возрасте восьмидесяти лет.

И, возможно, она начала ее из-за любви, потому что тот, кого она любила, Шри Ауробиндо, ушел. Он "умер", как они говорят.

Поэтому смерть была врагом.

Казалось, что смерть в конце концов поглощает Любовь -- что последнее слово всегда остается за смертью.

Так что она как бы хотела ВЫРВАТЬ Шри Ауробиндо из рук смерти, так сказать, или сорвать маску смерти, чтобы увидеть, что за ней. Это немного напоминает историю Орфея и Эвридики.

Что же было за ней?

К чему смерть?

Так она взяла меня с собой в то исследование, под тем или иным предлогом. В начале она обычно звала меня и садилась в кресло с высокой спинкой. А я садился на ковер и слушал ее. Но, что самое важное, мало-помалу она начала рассказывать мне о своем собственном опыте.

Так чем же является эта йога "в теле"?

Обычно мы думаем, что тело -- это самая простая вещь в мире; именно наше тело. Это... нечто знакомое.

Но как эта кажущаяся столь известной вещь собирается произвести нечто другое, а не скопировать ту же самую субстанцию?

Биологи скажут: "Это просто. Изменение в структуре ДНК может вызвать мутации." Но все то, что мы знаем об этих мутациях, это нечто чудовищное. "Под воздействием космических лучей может измениться последовательность аминокислот, тогда возможна мутация." Но на все это уходят тысячи и тысячи лет.

Так где же решение, если биологи говорят, что мы никогда не произведем что-либо отличное от человеческого существа?

Возможно, просто сверхчеловеческое существо в интеллектуальном смысле. Или же физиологического монстра.

Но как может возникнуть иной вид?

Биология не дает ответа. Она говорит: "Комбинация определенных молекул может, после многих тысячелетий, привести к некоторой мутации, которая породит другие мутации, которые, возможно, породят иной вид."

Хорошо, это было... во время, это был 1960 год. Тогда уже было совершенно ясно, что мир не сможет ждать тысячелетия. Проблема висела в воздухе. И ответ должен был быть найден.

И где же в "теле" был ответ, ведь биология не могла его дать (*).

Чем же на самом деле является "тело"?

Оно кажется чем-то крайне простым, но это как раз та вещь, которую мы несколько не знаем. Это единственная вещь, о которой мы не знаем ничего.

Что мы в самом деле знаем о нашем теле? Мы завернуты в кучу последовательных слоев. И мы живем, главным образом, в верхнем слое, ментальном, интеллектуальном слое. В действительности вся наша жизнь проходит в разуме. Мы никогда непосредственно не соприкасаемся с телом -- мы прикасаемся к нему ЧЕРЕЗ всевозможные идеи и привычки. Но что мы знаем о своем теле, КАК ОНО ЕСТЬ?

Значит, если мы хотим открыть то тело "как оно есть", биологию "как она есть" -- не через микроскоп, а как тело живет -- мы должны начать, очевидно, с проникновения через тот ментальный "слой". Тот первый слой, выраженный всем шумом наших идей, суждений, всего, в чем мы постоянно живем, включая все ментальные внушения, каждое... возможное внушение -

(*) По правде говоря, в сентябре 1988 г. биологи неожиданно натолкнулись на новый "факт". "В дерзком вызове, брошенном эволюционной теории", -- пишет Бостон Глоуб, -- "две группы ученых утверждают, что простейшие организмы могут перегруппировывать собственные гены под воздействием окружающей среды. Новые эксперименты показывают, что даже одноклеточные организмы могут накапливать некий опыт и благодаря этому `выбирать, какие мутации следует вызвать', -- говорит гарвардская школа исследований...". Кажется, что бактерия делает нечто, казавшееся до сих пор невысказанным", -- подтверждает д-р Джон Кейрнс, лидер гарвардской группы. "Я полагаю, что если клетки развили механизм, позволяющий им это делать, то и высшим организмам было бы весьма благоприятно перенять эту способность [в ходе эволюционного процесса]. Но это всего лишь спекуляции, а не наука." вся жизнь, в которой мы ограничены.

Тот слой является ПЕРВЫМ слоем, через который нужно прорваться, чтобы подойти ближе к телу. Сначала мы должны начать с того, чтобы утихомирить весь тот ментальный шум, который обволакивает наше тело.

Затем, если вы продолжите тот "спуск" -- "путь нисхождения", как она называла его -- то встретите ВТОРОЙ слой, являющийся эмоциональным слоем. Это все чувства, которые мы имеем, все эмоциональные реакции, которые мы имеем. Это целый кишачий мир и несколько более упорный, чем интеллектуальный слой. Но и этот слой также постоянно обуславливает наше существование. И он покрывает все тело. Подобно паутине, опутывающей тело. Как мы сможем увидеть что-то в "клеточной среде", так сказать, пока она затемнена и покрыта всеми этими слоями? Мы должны прорваться через эти слои.

И поэтому необходимо прорваться также через вторую паутину, второй слой эмоций и чувств, чтобы достичь тела.

И спуск становится все более и более трудным. То есть, мы должны успокоить в себе весь тот эмоциональный шум, все те реакции, которые мы с трудом осознаем, потому что они приходят к нам так естественно.

Затем мы наталкиваемся на ТРЕТИЙ слой. Это слой всех "ощущений". Мы подошли очень близко к телу. Все ощущения тела, его спонтанные реакции: страх, беспокойство, агрессия... Мы открыли целый кишачий мир, который не имеет ничего общего с самим телом. Это просто ПРИВЫЧКИ, которые были возвращены в тело -- привычки, возвращенные воспитанием или развитые в силу атавизма, привычки, приходящие из нашего окружения. Мы думаем, что НЕ МОЖЕМ сделать это или то; это не возможно. Мы НЕ МОЖЕМ есть это или то; мы НЕ МОЖЕМ жить при высокой температуре; мы НЕ МОЖЕМ... Тело окружено громадным слоем, состоящим

из "вы не можете, вы не можете, вы не должны", "это невозможно, это невозможно, а то возможно". Мы живем в грандиозной обусловленности.

В этот момент мы начинаем приближаться к нечто... очень (как бы выразиться?) интенсивному, острому, опасному.

Мы начинаем приближаться к корням... смерти тела.

Мы осознаем, что если хотим взаимодействовать с теми микроскопическими привычками, покрывающими нашу клеточную субстанцию -- наше тело -если мы начнем взаимодействовать с этим, что же, это вызовет протест в теле, панику, страх.

И, наконец, мы достигли дна: желание, ЗОВ смерти. Как если бы глубоко внизу сознания (почти касаясь тела; я не говорю, что в теле, потому что мы еще не в самом теле) было бы нечто ЖАЖДУЩЕЕ смерти -- нечто, для чего жизнь является как бы катастрофой. Потому что жизнь означает непрерывную борьбу, напряжение, вбирание, отвержение -- жизнь - это как бы постоянная угроза.

Таким образом, глубоко в теле мы встречаем некое желание покоя, встречаем инерцию. Как если бы вся память о прежнем эволюционном развитии была бы собрана там, наряду с чем-то, похожим на на глубокую ностальгию по минералу. Умиротворение минерала, вы знаете, до того, как была рождена жизнь, когда все еще было статичным.

Есть та потребность.

Глубоко в теле есть та потребность в покое, в инерции -- и, прежде всего, в прекращении этого постоянного кошмара... борьбы, действия, реагирования. Все те клетки находятся под грандиозным напряжением, заставляющим их бороться. Так что внизу находится желание смерти.

Имейте в виду, это исследование -- не какая-то абстракция. Это переживание через... через многие заболевания (я говорю о Матери, об исследовании Матери). В ту минуту, когда вы пытаетесь вмешиваться обычным образом, все идет набекрень. Малейшее нарушение, и вы видите всевозможные страхи, опасения, поднимающиеся в теле, отовсюду: "О, это смерть", "О, это рак", "О, это то и то заболевание". Мир, КИШАЦИЙ внушениями, глубоко внизу тела.

Поэтому вы должны прорваться через все это. Вы должны прорваться через эту иллюзию заболевания. Мы должны прорваться через... смерть.

(короткое молчание)

Но любопытно (очевидно, трудно охватить весь этот процесс), что это как если бы вы всегда сталкивались с разрушением, чтобы найти ключ, найти Силу, бо'льшую, чем сила разрушения -- чем закон разрушения, который... КАЖЕТСЯ укоренившимся в глубинах тела.

По мере того, как вы спускаетесь через сеть всех тех последовательных сетей, опутывающих тело, иногда встречаются странные вкрапления или вплавления в теле, и внезапно, через несколько секунд, тело оказывается в... мире, где всякий закон кажется разрушившимся, недействующим! Мир, где все те неумолимые вещи внезапно растворяются в нечто более сильном, чем закон смерти, более сильном, чем закон болезни, более сильном, чем -- нечто, для чего все это ИЛЛЮЗИЯ.

Например, Мать испытывала бесчисленные сердечные атаки. Да, обычно вы умираете от этого. Но как раз тогда, когда она была на пороге смерти, внезапно вмешалось нечто иное, подобно нескольким секундам... света или мощи, которая внезапно, пуф, ликвидировала кажущуюся катастрофу. И болезнь ушла! Сердечная атака была прекращена. Она больше не имела никакой реальности.

Но затем этот опыт должен был повториться еще раз, дважды, сотни раз, чтобы клетки тела начали привыкать к этому "иному закону", где растворяются все старые внушения.

Тело может лишь медленно "разучивать" другую возможность.

Но фантастично то (когда у нас хватает мужества пройти через все те слои), что мы внезапно осознаем, что все те непреклонные "законы", ограничивающие нас -- законы, установленные медицинской наукой, математикой, физикой -- все они являются грандиозной... иллюзией. Они не имеют реальности! На определенной глубине или при клеточной ЧИСТОТЕ (раз уж мы достигли истока клеточной жизни, свободного ото всех покрытий и оболочек), на дне есть нечто, что "вне" смерти, "вне" катастроф, "вне" болезни.

Другими словами, так называемая свобода, найденная на вершине сознания, может быть найдена и в теле.

Но она отыскивается короткими вдохами, как всегда, через тысячи маленьких переживаний. Потому что тело очень медленно учится своей собственной свободе. Тело не верит в свою свободу -- оно верит во все свои привычки. Оно верит во все свои заболевания; оно верит во весь медицинский распорядок: "Если я сделаю это, то произойдет то-то и то-то." Весь наш мир -- мир, в котором мы живем -- это мир законов, причин и следствий, неустанных повторений: "Если я сделаю это, то случится то и то."

Мы не осознаем, до какой степени являемся ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМИ узниками.

Мы можем осознать, что мы -- пленники идеи, чувства, ощущения, но мы не знаем, что... действительно являемся узниками ФИЗИОЛОГИЧЕСКИ.

И та свобода возможна.

Когда нам удастся пройти через все те последовательные слои обусловленности, мы достигаем свободы в глубинах тела. Мы внезапно избегаем Закон -- так называемый Закон, которым биологи ограничивают нас. Внезапно возникает нечто иное.

Товарниcki: Вы писали, что человек является узником некоего "аквариума".

Да.

Товарниcki: И что нужно разрушить этот аквариум?

Да.

Мы думаем, что запредельное человека заключается либо в растворении тела (когда мы идем в так называемый Дух), либо в совершенствовании теперешнего инструмента, ведущего к... сверх-рыбе в своем аквариуме, с увеличенными плавниками или с некоторым новым волшебным орудием.

Когда-то, в Палеозойскую эру, некая рыба очутилась в пересохшей ямке и, из необходимости, эти рыбы были ВЫНУЖДЕНЫ научиться другому способу дыхания, перейти от жаберного дыхания к легочному.

Они должны были -- потому что все более и более задохнулись -- они должны были найти иной способ дыхания. Так появились на свет амфибии. Они оставили аквариум. Они покинули СВОЙ аквариум, чтобы обнаружить, что другая сторона аквариума не является смертью; это просто другой способ дыхания.

Конец рыбы -- это еще не смерть. Это другой вид, это амфибии, дышащие другим воздухом.

Аналогично, на пути вниз, ко дну ПСЕВДО-физиологии, которую мы знаем -- что является не настоящим телом, а всего лишь ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ о теле, ПРИВЫЧКОЙ тела, аквариумом, в котором мы ограничены -- на дне всего того мы разрушаем... стеклянную стену, ограничивающую нас, и мы движемся в иной (как бы сказать?... Это не "другой мир", этот мир ничуть не более "другой", чем был "другим" мир, в котором высадились амфибии), мы попадаем в другой МАТЕРИАЛЬНЫЙ воздух, другой способ дыхания... В МАТЕРИИ.

Другой Закон.

Ясно, что закон птицы и закон рыбы -- два совершенно разных закона. Но раз уж мы разбили этот аквариум -- не иллюзорно на вершине сознания, а в самих глубинах тела -- раз уж

мы проникли через все те слои обусловленности, то мы реально, МАТЕРИАЛЬНО, ФИЗИОЛОГИЧЕСКИ появляемся в другой... ВОЗМОЖНОСТИ БЫТИЯ -- В ТЕЛЕ.

Товарницы: И мы достигаем, как говорила Мать, того, что называется "клеточным сознанием".

Да -- клеточное сознание, являющееся клеточной "мощностью" и клеточным "видением". Это совершенно новый СПОСОБ БЫТИЯ в материи. Где смерть не имеет больше никакой силы. Где случай больше не имеет никакой силы. Где другое видение.

Это целиком... новый и другой СПОСОБ БЫТИЯ, приходящий к жизни, который Мать пыталась объяснить мне день за днем, в течение девятнадцати лет.

Я слушал ее в течение девятнадцати лет.

И всякий раз те переживания были ошеломляющими для нее. Когда вы внезапно обнаруживаете себя вне аквариума или вне сети паутин, это совершенно "сбивает с толку", "бедственно" для старой физиологии, для старого способа делания вещей. Поначалу это немного напоминает сумасшествие. Много людей вокруг Матери думали, что она становится помешанной. Очень необычно вылезать из человеческой шкуры и пытаться ... освоить новый способ бытия.

Что сказала бы древняя рыба, встретив первую амфибию? Что сказала бы древняя палеозойская рептилия, встретив первого археоптерикса? Она должна была сказать: "Это невозможно. Он сумасшедший! Это галлюцинация! Это невозможно, невозможно, невозможно."

Так и весь наш мир, включая учеников вокруг Матери, постоянно говорил: "Это невозможно, это невозможно...".

И я был единственным (теперь я осознаю это), единственным, кто сказал: "Да, это возможно! Это возможно; это ЕДИНСТВЕННАЯ возможность." Потому что глубоко внизу во мне была -- это не вера, скорее определенный глубокий способ дыхания -- эта уверенность: "Ну, КОНЕЧНО ЖЕ, это возможно! Это даже ЕДИНСТВЕННАЯ возможность! Достаточно Упанишад, достаточно Вед и... Библии и марксизма и всех старых человеческих сказок -- мы должны найти НОВЫЙ СПОСОБ ДЫХАНИЯ."

И вот куда я погружался с Матерью -- погружался, да, я был там... поистине как утопающий человек, отчаянно пытающийся... найти ИНОЙ способ дыхания.

Исследование Матери:

вездусущее сознание, новая физика

Товарницы: Мать обычно говорила о скорости, о свете, о "волнах с быстротой молнии".

Я попытаюсь объяснить, в простых словах, на что может быть похоже то другое состояние. Действительно, это нечто, о чем мы не знаем ничего. Это нечто вообще чужое для человека. Возможно, дети смогли бы почувствовать или пережить это. И совсем мало взрослых знали о том другом состоянии (не осознавая это).

Ведь в жизни бывают моменты, когда внезапно вы становитесь неприкосновенными -- абсолютно ничто не может затронуть вас. Если вы находитесь на поле боя, то чувствуете, что можете пройти невредимым через град пуль. Если вы на море в разгар шторма, то смеетесь и знаете, что, как бы там ни было, вы пройдете через грандиозные волны. К вам подсылаются убийцы, но нечто в вас остается столь СОВЕРШЕННО спокойным, как если бы просто разыгрывалась комедия -- так что они не могут и тронуть вас. И, действительно, убийцы не могут и притронуться к вам.

В той или иной форме множество людей имели это переживание: внезапно вы вне "Закона". Вы вне всего того, что кажется неизбежным -- вы проскакиваете через ячейки сети. И все те, кто имел это переживание, рассказывают, что это было... не то, что хорошее

расположение духа, а как бы выстрел адреналина, и вы внезапно наполняетесь непобедимой энергией. Нечто очень простое и очень радостное. Но, главным образом, очень простое. Нечто подобное детскому простодушию, которое говорит: "Нет, нет, нет, нет. Это невозможно; это не может случиться."

Да, в том уже есть указание на другое состояние. Иными словами, те существа, которые имели переживание этого рода, проскочили через слои обусловленности, страха, всего "случится это или то", "это возможно, то невозможно" -- в течение нескольких секунд милости они проскочили через сеть, и поэтому ничто их не затронуло. Ничто не могло прикоснуться к ним.

Вот каким является это переживание.

Иными словами, прорвавшись через все те эволюционные слои, вы внезапно **ПОЯВЛЯЕТЕСЬ**, в глубинах тела, в нечто, где старые законы мира **БОЛЬШЕ НЕ** имеют силы. И вы осознаете, что их сила была ничем иным, как грандиозным коллективным внушением -- и **СТАРОЙ** привычкой. Но **ПРОСТО** привычкой.

Нет "законов"; там лишь допотопные привычки.

И все дело заключается в том, чтобы пробиться через те привычки.

Так что иногда, в человеческой жизни, бывают секунды, когда чувствуешь: "Ах, я проскочил!"

Но то состояние должно дойти до точки, когда оно спонтанно и естественно переживается телом, что означает его освобождение от всякой обусловленности. Тогда вы появляетесь в нечто фантастическом. Но реально фантастическом!... Хотя я считаю, что и первое парение птицы в воздухе тоже было фантастическим. Все же был момент, когда древняя рептилия поднялась в воздух и стала птицей.

Вы видите, что следующий шаг в эволюции не имеет ничего общего с твоением сверх-философий, сверх-Бетховенов или супраэлектронных машин. Он связан с **ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ** обретением -- потому что эволюция физиологическая -- обретением физиологически **НОВОГО СОСТОЯНИЯ В МАТЕРИИ** -- не в чистом Духе.

Но затем вы замечаете нечто совершенно необычное, связанное с телом (на самом деле, может быть, со всей жизнью), что заключается в том, что препятствие **ЯВЛЯЕТСЯ** рычагом: найти стену, узнать, где стена -- значит, быть способным прорваться через нее.

Медицина и биология "классифицировали" препятствия -- они кристаллизовали препятствия и возвели их в ранг закона -- тогда как это только средства. Они -- рычаги. Если есть стена, то это означает, что существует и другая сторона стены. Если есть невозможность, то существует и возможность. Не может быть иначе. И поэтому величайшая трудность состоит в том, чтобы найти **ГДЕ** находится стена.

Но все те препятствия -- те заболевания, которые кажутся неизлечимыми, смерть, тяжесть, любой и каждый наш закон, так дотошно классифицированы и узаконены как препятствия, то есть, как неоспоримые пределы нашего аквариума -- являются, в действительности, средствами.

Если вы **УПИРАЕТЕСЬ** в препятствие (вы должны в него упереться), если вы упираетесь в препятствие вместо того... вместо того, чтобы естественно принимать вещи; если жизнь, как вы ее знаете, **ПЕРЕСТАЕТ** быть естественной, если вы натываетесь на препятствие повсюду, то вы можете преодолеть его.

И как раз это делала Мать. Всякий раз был Закон, Невозможность -- для нее не существовало того "закона" или той "невозможности". И именно потому что она имела отвагу прорваться через все эти... грандиозные императивы, вы знаете, которые **ТЯГОТЯТ** сознание тела -- все препятствия, эти "вы не сможете сделать это", вся та кишащая смерть со своими притягательными медицинскими масками -- именно потому что она имела отвагу прорваться через все это, **НАДАВЛИВАТЬ** на все препятствия, именно поэтому она прорывалась, в

конечном итоге, лишь для того, чтобы осознать, что так называемые законы были просто нашим... способом разметки определенного аквариума, и что на другой стороне находится иная возможность бытия.

Затем глубоко внутри тела вы обнаруживаете нечто... очень похожее -- неожиданно похожее -- на то, что вы находите на вершине сознания, в величественных просторах, на вершине бытия -- но вы обнаруживаете это физиологически, в клетках.

Тело сделано из материи.

А что такое материя?

Мы думаем, что она ограничена каким-то частным телом, но это не так! Ученые знают это. Материя представляет собой континуум; нет нигде отделения. Электромагнитные волны повсюду одновременно, во всем.

И так тело Матери начало переживать поистине фантастические вещи, о которых она доверительно мне рассказывала, потому что знала, что я не считаю ее сумасшедшей. Она чувствовала, что МОГЛА беседовать со мной, тогда как другим не могла сказать и слова. Она могла, потому что знала, что после того... удушения, которое я пережил, для меня ВСЕ было возможным. Или же я ХОТЕЛ, чтобы все было возможным.

И так, в глубине того "чистого" клеточного сознания, свободного ото всех покрытий, мы начинаем прикасаться к поистине фантастическим вещам -- материально фантастическим -- которые в действительности параллельны многим открытиям современной физики.

В частности, мы осознаем, что сознание тела ни В МАЛЕЙШЕЙ СТЕПЕНИ не ограничено каким-то частным телом; оно одновременно повсюду. И только мы ограничены в иллюзорной физиологии. Когда мы вступаем в контакт с тем клеточным сознанием глубоко внутри тела, там больше нет "одного тела"; неожиданно... там весь мир.

Поэтому Мать обычно имела фантастические переживания. Что-то происходило в Нью-Йорке, Париже, Нью-Дельфи или где бы там ни было, и она была ТАМ -- она была там ФИЗИЧЕСКИ. Сознание ЕЕ ТЕЛА (это не было видением психического, переживаемым через так называемый третий глаз), именно это тело... сообщалось одновременно со всем.

Есть клеточное сознание, которое не ограничено. Материя как... даже как видят ее физики, не ограничена -- она в движении, совершенно непрерывна везде. То тело внезапно оказывается без границ! Оно ЗНАЕТ все. Оно НАХОДИТСЯ повсюду. Оно ЖИВЕТ везде. Это как бы вездесущее сознание.

Одновременно пленительно и опасно говорить об этих фантастических переживаниях, потому что на самом деле они гораздо проще, чем мы думаем.

Новое существо -- это не актер вторых ролей.

Трудно описать на земной шкале ту простоту. Но ее можно ПЕРЕЖИТЬ. И именно это Мать пыталась передать -- передать мне.

Это можно пережить.

В тот момент, вы понимаете, больше нет... больше нет ни малейшего смысла в маленьком "я", маленьком человеческом эго с его "мощностями" и фантастическими "видениями".

Клеточное сознание похоже на детское сознание. Оно очень простодушное. Это... чрезвычайно простое. Это изначальная простота мира. Поэтому это сознание проходит через все и ощущает себя везде "как дома": в былинке, в ветре, и особенно в страдании, в ужасном страдании мира. Это болезненно.

Разумеется, в этом есть фантастические стороны. Чувствовать, что мы являемся горой, рекой, лесом -- все это... высокопарно. В действительности, есть определенная простота, которая заставляет нас быть повсюду, быть частью всего, одним со всем... Почему? Потому что подобно тому, как есть только одна Материя, есть и только одно Сознание.

Но то Сознание тождества не находится в маленькой точке бытия, исчезающей в сонном блаженстве. Его можно обнаружить в тотальном физическом тождестве, в котором... не только вы участвуете во всем, но вы ЯВЛЯЕТЕСЬ всем -- вы дышите со всем. Вы в одной пульсации сердца со всем суццим.

И вы составляете ту же боль со многими болями.

Товарницки: Воспринимала ли она волны?

Она не "воспринимала" (абсурдно так говорить); она БЫЛА подобна волнам, распространяющимся со скоростью света, везде, мгновенно, так быстро, как если бы они были абсолютно неподвижны.

Здесь мы поистине вступаем в новый вид физики. И первое изменение той новой физики состоит в том, что само ощущение ВРЕМЕНИ другое. Мы живем со скоростью... которая не является той скоростью, к которой мы привыкли.

(короткое молчание)

То сознание (то есть, сознание тела), мгновенно расширяясь во всем физическом континууме, не распространяется с обычной человеческой скоростью -- там другое ощущение времени.

Так, мы понимаем, что если мы способны ЖИТЬ в том другом "времени" или с той другой скоростью, то меняется старый закон тела: "привязки" жизни ко времени больше не существует. Нам уже больше не 82 года + 1 день + 2 дня + 3дня. Другая физиология начинает... появляться -- начинает появляться новый способ БЫТИЯ.

Но... вот где мы начинаем соразмеряться не только с риском и крайним сумасшествием такой попытки -- двигаться к новому виду -- но так же и с болью такого переживания. Потому что войти в физическое тождество мира -- физиологическое тождество -- означает войти в "тотальное" убожество мира.

И со своим обычным юмором (потому что всегда был тот юмор, что бы она ни делала) Мать говорила: "Это как бы постоянно подхватываешь новую болезнь и должен найти лекарство от нее."

Она подхватывала тысячи и тысячи болезней. Она постоянно имела... черные секунды. От одной секунды к следующей было так, как если бы она стояла лицом к лицу со смертью. Не просто с собственной смертью, а смертью некоторого ученика, смертью этого человека, страданием того человека. Так что каждую секунду она должна была привносить новый кислород или тот новый Закон, чтобы погасить вспышку болезни или вспышку смерти, внезапно охватывавшую ее. Она могла бы остановиться. Она могла бы уйти совершенно незапятнанной. И... нечто иное -- какой-то другой Закон -пришел бы и стал противодействовать, преодолел препятствие того страдания. Очень трудно выразить это в словах, но было так, как если бы Мать действительно работала надо всем телом земли. Она больше не была телом, ограниченным какой-то кожей.

Возможно, мы можем понять размах этого переживания с помощью ментальной аналогии: когда мы произошли от приматов и начали немного "думать" и "общаться", то новое сознание начало ОХВАТЫВАТЬ множество вещей.

В том смысле, что понять означает БЫТЬ ВНУТРИ того, что понимаешь. Поистине подобно этому охвату.

И поэтому чем более утонченным становится человеческое существо и чем больше оно расширяет свое сознание и чем больше общается, тем больше вещей оно "вбирает" -- тем больше оно охватывает. Поэтому более утонченное существо часто больше страдает, потому что понимает массу вещей -оно охватывает массу вещей. Конечно, можно понять ментальный масштаб процесса, но то "понимание", тот особый способ охвата вещей происходит именно в

теле. То есть, тело Матери охватывало множество страданий, чтобы работать над ними -- работать над той ложью, грандиозной ложью, которой является болезнь, является страдание, является боль, является смерть. И пропуская новый... вид кислорода в свое тело, она просачивала его в тело мира, так оно и было. Несколько капель нечто иного, что... меняло судьбу и тяжесть вещей.

И вот где явление становится чрезвычайно интересным, когда можно оценить его.

Первой реакцией тела, когда ему дается некий новый кислород или какая-то новая пища -- когда тело сталкивается с иными условиями, чем те, к которым привыкло -- является паника. Мгновенный страх: все начинает кипеть и пузыриться, разваливаться, становится дезорганизованным.

Но как раз это и происходит в теле мира в последние двадцать лет! Есть ощущение, что все идет скверно, разваливается на части. Ничто не работает как обычно -- ничто более не естественно. Как если бы вся наша ментальная система полностью прогнила и не было бы больше решения ни для чего. Все истины трещат по швам. Вся ложь маскируется под истину. Есть ощущение жизни в мире, который... полностью распадается на части.

Но почему? Почему это так?

Очень может быть, что как раз новый Закон, новый воздух просачивается в старый человеческий аквариум и начинает РАЗРУШАТЬ ячейки сети. Поэтому мы кричим о помощи. Мы возмущены: "То, что происходит -- это просто ужасно!"

Но что в действительности происходит?

Просто разрушаются ячейки сети. И они разрушаются по всему миру. Не потому что уходит зло или потому что уходит истина (как мы понимаем ее). А потому что есть новый воздух, новый кислород, проникающий во все и РАССТРАИВАЮЩИЙ все -- выводящий все из ложной натуральности, из ложного добра, как и из ложного зла.

И разваливается абсолютно все, вы понимаете! Вся истина, как и вся ложь. Ничего больше не остается. Но, посмотрите, когда первый ящер или первая рептилия должна была выйти из своего тела и отрастить крылья, потому что мир становился удушающим -- что происходило? Нечто должно было быть разбито вдребезги под шкурой той рептилии. Должно было быть ужасно больно находиться в шкуре того ящера, когда он должен был отрастить крылья. Или даже внутри той рыбы, которая вынуждена была перейти от жаберного дыхания к другому способу дыхания. Это удушающе -- развиваться к чему-то "другому". Это мучительно. Все разбито, разорвано.

Разрывается все тело Земли.

Вот что происходит сейчас.

Так что если мы верим, что движемся к новым союзам, новым мировым содружествам, что мы спасем бедных и сделаем лучшее общество, то мы жестоко заблуждаемся, вы понимаете. Мы не собираемся делать лучших рыб -мы в процессе делания нового вида.

И тогда -- наконец -- возможно, мы осознаем, что тот Дух, тот Свет, та Радость -- то, что мы искали на вершинах сознания, с закрытыми глазами, в молчании и уединении -- находится в самой материи, что он ЯВЛЯЕТСЯ самой материей, и что таковой была цель тех тысячелетий страдания. Мы велись от одного катаклизма к другому, чтобы быть вынужденными постепенно раскрывать свой собственный секрет -- наш секрет В МАТЕРИИ.

Но секрет не биологов, не физиков, не старого свода законов, не старых догм. Наши физические догмы столь же неуместны, как и религиозные догмы. Мы должны появиться в чем-то ином. И мы находимся В ПРОЦЕССЕ появления в нечто ином через весь этот хаос.

Поэтому есть надежда -- не просто надежда, это даже ощутимо -- что то, о чем я грезил ребенком на берегу моря, что кажется столь... одновременно столь необъятным и частью СЕБЯ,

вы знаете... Когда я смотрел на море, это не было нечто "иное" -- та маленькая волна не была нечто иным. Я струился с ней, я... перекачивался с той маленькой волной. Я был тем запахом водорослей... Это не было нечто иное, нечто другое!

В конце всего того страдания мы можем обнаружить, в теле, то, что мы знали, будучи детьми, и что мы также знали на вершинах медитации. Тогда материя обретает свой собственный смысл.

Цель эволюции состоит не в том, чтобы избавиться от материи. Цель заключается в том, чтобы найти настоящий секрет материи. И ее настоящий секрет не имеет ничего общего с электроникой. Он должен соотноситься с Радостью в материи, с Сознанием в материи, Мощностью в материи, что позволит нам ЖИТЬ по-иному, поистине божественной жизнью на земле.

Но мы должны использовать правильные средства, ПОНЯТЬ процесс. Мы должны понять, что весь этот хаос, через который мы проходим прямо сейчас, это не банкротство цивилизации, не банкротство материи, не банкротство религии -- ничего подобного. Это банкротство старой рыбы, заставляющее ДВИГАТЬСЯ к своему расцвету.

Тогда все обретает смысл.

Товарищ: Но как быть тем, кто чувствует некое недомогание и живет в Париже, Лондоне, Буэнос-Айресе или где-то еще? Как могут они принять этот путь?

Но... вы не "принимаете" этот путь! Вы живете им, действительно, каждую секунду! И вы можете жить где угодно: в Лондоне, в Париже -- и, я думаю, гораздо более интенсивно, когда вы посреди этой ужасной вещи.

Удушье -- это средство само по себе.

Подобно старым рептилиям мы поставлены перед удушающими обстоятельствами, чтобы... чтобы человечество открыло свой рот и позвало, вскричало. Нет способа эволюционировать в нечто иное, пока нет НУЖДЫ эволюционировать в нечто иное. Это очевидно.

Товарищ: Вы думаете, что современный мир показывает, раскрывает свои собственные границы?

Они разбиваются повсюду, эти границы.

Границы ужаса как и границы добра -- все границы разбиваются на куски, разбрасываются. Безучастному наблюдателю этот мир кажется совершенно сумасшедшим. Он кажется сумасшедшим по части своего добра в той же степени, как и по части зла. Определенно, нечто ИНОЕ пытается занять свое место. И это удушье ясно ощущается всеми людьми, хоть чуточку чувствительными, живут ли они в Лондоне, Вашингтоне или где-то еще -- вы должны быть сделаны из очень рудиментарного вещества, чтобы не чувствовать это. Но то удушье является средством, потому что когда вы задыхаетесь, то должны найти СРЕДСТВА избавиться от удушья.

И каковы эти средства?

Они чрезвычайно просты, вы понимаете. Это всего лишь зов. Когда вы задыхаетесь, то просите воздуха.

В этом все и заключается.

Цель науки,

зов следующего вида

Товарищ: Когда вступаешь на этот путь, то какое впечатление создается о современном техническом мире, мире информации, связи?

Ах, для меня это выглядит как -- уж извините -- сверхрыба в своем аквариуме, замышляющая усовершенствовать свои усики и плавники и клешни и... Это кажется ... таким

детским, таким узким!

Они совершенно в стороне от цели. И как раз потому что они безнадежно идут мимо цели, что... что милость находится за работой, чтобы разрушить их несмотря на них самих. Вот что делает милость: она повергает все. Иначе, предоставленные самим себе, мы бы НЕСКОНЧАЕМО творили супер-электронные игрушки и суперплавники... пока бы в конечном итоге не перерезали собственную глотку, вы понимаете. Но нечто находится в процессе безжалостного разрушения всего того на куски.

Товарники: Вы сказали, что...

И это произойдет! Произойдет разрушение, общее разрушение их чудесной системы.

Тогда мы увидим, как человек пробуждается к... какой глаз он откроет, когда столкнется с разрушением этой грандиозной машинерии. Какой глаз он откроет, когда больше ничто не будет работать?

Я думаю, что все эти электронные и механические мощности уже дали убедительное доказательство собственного бессилия. Достаточно только вспомнить, как Америка боролась с проблемой нескольких заложников в Иране, чтобы осознать бессилие той чудовищной мощности.

Действительно, наша чудовищная мощь совершенно бессильна.

Вот что мы постепенно обнаруживаем -- шаг за шагом.

Товарники: Вы говорили, что чем больше мы разговариваем об информации, тем меньше мы информированы. Чем более совершенными и изощренными кажутся средства связи, тем меньше мы по-настоящему сообщаемся.

Действительно, настоящая цель науки заключается не в том, чтобы изобретать все эти "игрушки"; это не производство супер-реактивных самолетов. НАСТОЯЩИЙ ЕЕ ВКЛАД (если отступить назад и охватить историю с высоты птичьего полета) состоит в том, чтобы сплести по всему земному шару такую плотную и густую сеть, охватить все группы человечества, создать такое объединение, столь запутанную сеть, что вы не можете сделать ни малейшего движения в отдаленном уголке Франции, чтобы это не отразилось в Вашингтоне или Бейруте. Все повязаны вместе в один клубок. Вы не можете ничего сделать, не можете пошевелить и пальцем, чтобы это не отозвалось везде.

Вот настоящая цель науки.

Она объединила человечество в некий союз -- НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО -союз столь тесный, что либо мы сделаем что-то вместе, либо вместе погибнем.

Иными словами, наука явилась инструментом глобального осознания. То, что по обыкновению было привилегией нескольких индивидов в их отдаленных башнях, в Гималаях или египетских храмах... сейчас воспринимается и переживается человечеством в целом. Есть единый человеческий комок, и мы все должны найти... выход.

Мы должны найти решение.

В действительности, новый вид не делается единственным индивидом. Новый вид подразумевает, что все в целом движется к новому измерению. Это не просто один индивид... Эволюция не предназначается для нескольких избранных; она предназначается для человеческого целого. Если нам суждено перейти на следующую стадию, мы ВСЕ сделаем это. Мы все вместе движемся туда!

Так что целью науки не являлось снабжать нас всеми этими игрушками. Ее целью было связать нас в один человеческий клубок, чтобы мы смогли найти вместе или ПОЗВАТЬ вместе. Когда вещи становятся довольно удушающими, вы понимаете, когда сеть становится все более и более удушающей, более и более удушающей, тогда наступает момент, когда нечто внутри нас

по-настоящему ВЗЫВАЕТ -- оно кричит: "Что-то иного, что-то иного! Мне нужно нечто иное! Хватит этого! Нечто иного!"

И вот когда может произойти чудо (то, что мы называем чудом). Прямо как клетки, когда они охвачены большой, серьезной болезнью -- внезапно они начинают звать из глубин тела и, пфф, болезнь испарилась!

Что же, если тело земли, поставленное перед лицом собственной смерти, испускает этот призывный крик, то нечто может произойти и... изменить все.

Мы подошли к этой черте. Мы все больше и больше подходим к тому моменту, когда миллионы -- не просто несколько человек -- миллионы и миллионы существ испустят крик нового вида -- призывный крик.

Товарниcki: Все же смерть расправилась с Матерью. Она умерла.

Это... нечто иное.

Мошенники

Товарниcki: Вы рассказываете о собственном переживании. Есть ли у Вас друзья, возможно, последователи или ученики?....

О, нет! (смех). Нет! Господи, нет! Конечно же, нет!

Последователи чего?

Последователи, ученики -- этих слов я не мог никогда понять. Просто ЛЮБИШЬ нечто. НУЖДАЕШЬСЯ в чем-то. Так что, да, я ученик солнца, я последователь моря, я ученик открытого воздуха, я ученик того, что прекрасно. Да.

Но ученики -- нет.

Извини, я перебил тебя.

Товарниcki: Вовсе нет. Я хотел поговорить о том, что случилось после ухода Матери. Когда Вы говорите о Вашем переживании, об опыте Матери, о послании Шри Ауробиндо, то не много ли Вы ожидаете от тех, кто слушает Вас? Не слишком ли сурово Вы о них судите?

Сурово? О, нет! Если есть нечто, чем я не могу быть... быть суровым? Какой в этом смысл?

Я достаточно натерпелся, когда был ребенком.

Быть суровым -- значит, не понимать. Чем больше понимаешь, тем больше любишь -- тем больше любишь.

Где слабость? Где неспособность? Где неверное действие, ошибка? Этих вещей я не понимаю. Я не понимаю их.

Единственная вещь, которую... с которой я действительно могу быть достаточно суров, которую я в самом деле не могу переварить, это мошенничество, подделка. Это я не приемлю.

Товарниcki: Думаю, что мне следует поставить вопрос по-другому. Я имею в виду: Сатпрем означает "Тот, Кто По-Настоящему Любит."

Да.

Товарниcki: Это имя дала Вам Мать.

Да.

Товарниcki: Но как можно всегда по-настоящему любить?

Я почти склонен сказать, что это вопрос "степени нагрева".

Что означает любить?

Что означает понимать?

Это означает быть ВНУТРИ... вещей, существ; это означает восприятие того, чем они являются. Это значит чувствовать, через ту или иную маску, сердце, которое находится там -- доброе сердце. Человеческие существа имеют доброе сердце. Они не знают этого, в самом деле.

Не знаю, но из ста людей, которых я могу встретить, у девяноста девяти доброе сердце; они

забыли ребенка, которым были, но они остались тем ребенком в своем сердце -- ребенком, смотрящим на солнце и улыбающимся Бог весть чему. Можно коснуться этого за всеми масками. Вот что я чувствую, с чем соприкасаюсь, что я люблю. Я люблю, потому что "живу" с тем.

Хотя иногда, некоторые так называемые человеческие существа разнаряживают сами себя, облачаются в идею, свет, духовность, то и это, тогда как там просто мерзкая, себялюбивая ДРЯНЬ, нечто, что хочет брать - нечто грабительское.

Тогда я суров.

Те существа -- действительно те, кто предал свое человечество.

Тогда я не побоюсь применить меч.

Тогда я безжалостен.

Мошенники, вы знаете.

И эти мошенники находятся, главным образом (не среди негодяев или изгоев, не среди грешников и увязших в пороке), главным образом, среди тех существ, которые схватили истину, которые оделись во все белое и... показывают великую духовность, тогда как за спиной держат когти и хотят лишь брать.

Это... отвратительно.

Подделки под Дух, вы знаете -- мошенники.

Товарники: Вы думаете о растущем числе фальшивых гуру...

Да, некоторые из них такие.

Я думал об ашраме.

Но, опять же, даже в этом случае, никогда не знаешь, потому что через этих фальшивых гуру и лживых духовников, через все это жульничество, да, кто-то, возможно, ухватит нечто. Как говорила Мать, иногда цель достигается быстрее через дьявольское, чем через божеское.

Если вы искренни -- несмотря на ложных гуру -- сам ложный гуру приведет вас в контакт точно с тем, что вам нужно. Тогда вы выходите за пределы этой лжи.

Так что даже тех мошенников трудно схватить за руку, потому что если они все еще вокруг вас, то, может быть, это служит какой-то цели? Каждый встречает нужного ему противника.

Поэтому я на самом деле не знаю, в какой... точке, каком месте, на какой линии следует начинать порицать. Я не уверен, что есть что-то, что вообще нужно осуждать.

Нельзя делать общих правил, вы понимаете. Если я встречаю жулика, я срываю с него маску... безжалостно.

Товарники: Такое случилось?

Да, случилось. Если я жив сегодня, это не мой промах!

Но что вы можете сказать... Это все негативные вещи. Они индивидуальны.

Эти вещи нельзя брать за образец. Нужно лишь иметь достаточно неподдельной любви в своем сердце, чтобы распознать ложь, где бы ее не встретил. И подлинная любовь обладает настоящей мощью. Если ей нужно разрушить, она разрушает. Но это индивидуальный закон; это нельзя брать за какой-то образец.

Как Вы уже верно упоминали, в настоящее время Индия производит впечатление грандиозной лжи -- чудовищной лжи. И самое чудовищное то, что это облачено в духовность.

Старые идолы должны быть разрушены.

Мы снова должны обрести ту истину, которой ЯВЛЯЕМСЯ глубоко внутри. Но этой истины, которой мы являемся в глубинах, можно достичь, лишь разрушив ложь внутри самого себя.

Верно, на взгляд Индия очень испорчена, но, возможно, что это из-за того, что ее идолы слишком старые и закоренелые, и она должна переоткрыть то, чем на самом деле является.

В Индии тоже все трещит по швам, как и во всем мире, чтобы обрести... то, что есть на

самом деле.

* День Пятый. СВОБОДНАЯ МАТЕРИЯ *

Риши Вед

Товарницки: Как выражена сегодня традиционная индийская духовность

-- Буддизм, Индуизм?

Сатпрем: Что же, это всегда одна и та же вещь. Все они практикуют медитации. Все они отходят от видимости или деятельности, и они пытаются вступить в контакт с иной глубиной сознания. И это все. Это старая история. Она насчитывает... тысячелетия.

Но где решение?

Где Индия сегодня, со всеми ее духовными мощностями?

Это одна из наиболее испорченных стран мира. Вместо того, чтобы ПРЕТВОРИТЬ истину, тем способом, каким это делали древние риши, вместо того, чтобы вести эту истину вниз, в тело, они предпочитают отрезать себя в милых маленьких медитациях. Так что жизнь продолжает свой необузданный круговорот, в то время как эгоистические интересы и машинерия взяли верх над индийской материей -- потому что они пренебрегли материей. И теперь они должны переоткрыть могучую истину за этим панцирем лжи.

Товарницки: Можем ли мы сказать, что за пределами Буддизма -

Да.

Товарницки: -- источник, из которого черпали Шри Ауробиндо, Мать и

Вы сами находитесь очень близко к учению Вед, к ришам?

Ах, может быть только один [источник] (по крайней мере тот, о котором мы знаем)!

Риши знали "то". Они знали истину в глубинах материи, то, что они назвали "солнцем во тьме".

Атом -- это солнце -- солнце, покрытое великой тьмой.

Риши знали это.

Но если бы риши пять, шесть, семь тысяч лет назад поистине бы открыли и воплотили тайну, что же, тогда эволюция, человеческая эволюция никогда бы не произошла! Тайна не могла быть раскрыта немногими ришами на их горных вершинах. Она должна быть открыта -- выиграна -- человечеством в целом.

Опять же, эволюция не является делом немногих избранных. Есть предвестники -- риши были предвестниками.

В начале опыта, цивилизации или цикла всегда есть те, кто предшествует, кто проследивает кривую всего века, траекторию -- кто предвидит курс и говорит: "Вот что произойдет. Это цель". И после этого весь курс действительно должен быть пройден, видите ли, так что он больше не является переживанием маленькой группы индивидов, а становится опытом всей расы.

В прошлом это было переживание избранной цивилизации. Теперь это даже не вопрос цивилизации. Именно один ЕДИНСТВЕННЫЙ человеческий узел должен претерпеть это переживание.

Товарницки: Риши были Ведическими жрецами, жившими до Будды...

Да, риши были... воинами, главным образом. Они жили приблизительно семь тысяч лет назад, насколько нам это известно. Это было задолго до Христианства. Буддизм появился за пять веков до возникновения Христианства. Это было и задолго до Упанишад, которые были уже довольно искаженной формой Вед -- Упанишад относятся к началу интеллектуального цикла.

Веды имели тайну. Они туманно говорили о ней. Они дали некоторые образные намеки.

(короткий перерыв)

Трудно оценить ту невероятную революцию, которую представляет открытие Шри

Ауробиндо и Матери.

Вы видите, все обесценено в нашем мире. Вещи стали столь раздутыми -- всевозможные маленькие вещи так раздуты -- что, кажется, что уже ничто не имеет смысла. Наш маленький мир чрезвычайно обесценен. Это наиболее грандиозная девальвация всего.

Но, поистине, открытие Шри Ауробиндо и Матери -- это... не было ничего более важного со времен появления ПЕРВОЗДАННОЙ ЖИВОЙ МАТЕРИИ.

Это изменение в Законе первозданной живой материи. Я не уверен, что люди смогут полностью оценить, что это означает.

Лучше вернуться к тому процессу нисхождения в тело.

Я хотел бы, чтобы люди действительно ухватили ПРАКТИЧЕСКУЮ тайну, "почему это ВОЗМОЖНО", когда вся биология говорит нам "это невозможно".

Вот что говорят биологи: "Последовательность аминокислот раз и навсегда определяет, будете ли вы человеческим существом, мышью или жирафом. Если аминокислоты закручены этим образом, то неизбежно будет мышь; если они закручиваются немного иначе, то это уже будет человеческий протеин или протеин жирафа". Отсюда нет выхода. Только если вмешается случай, какая-то случайная радиация, которая произведет мутантов.

Так что, вообразите, если одно человеческое существо на самом деле найдет "проход", как риши Вед называли его, выход из этой предсказуемости -- и не в Нирвану, вы понимаете -- выход в материю, которая будет... действительно тем, чем является. Потому что мы не знаем, чем на самом деле является материя.

В действительности, если мы рассмотрим человеческое мышление со времен его возникновения -- насколько далеко мы можем заглянуть -- то осознаем, что произошла чудовищная (как бы выразиться?) деградация или "упадок" изначальной истины или первоначального открытия, сделанного ришами Вед (дойдем только до них, потому что раньше могли быть другие).

Товарники: Четыре тысячи лет назад?

По крайней мере. По меньшей мере, четыре тысячи лет назад. Скорее даже пять, шесть или семь тысяч лет. Потому что долгое-преддлгое время, как они говорили, мантры, которые они распевали, повторялись устно -- и как долго это длилось! У нас нет представления.

Поистине, если вы возьмете некоторые тексты Риг Вед, действительно являющиеся самыми древними текстами, известными человечеству, то обнаружите, что эти люди знали тайну, и тайну материи.

Я не знаю, у меня есть некоторые тексты Риг Вед, и они... полны света.

Они говорят (в Риг Веде): "То, что бессмертно в смертных... установлено внутренне в качестве энергии, вырабатывающей наши божественные мощности." И это: "Давайте победим даже здесь, давайте выиграем эту битву-гонку сотни лидеров". И, опять же, из Атхарва Вед: "Я сын земли, почва моя мать". И это: "Позволь воспеть красоту твою, О Земля, красоту селений и лесов, красоту войн и битв".

Люди, произносившие такие слова, определенно не были маленькими созерцательными существами.

И они высказывали даже более необычные вещи, если мы понимаем их символизм. "Скала" (то, что они называли скалой или горой) является у них символом материи, первозданной земной формации.

Вот что они говорят (опять же в Риг Веде): "Наши отцы с помощью слов [или мантр, то есть, вибрации звука, вибрации сознания] разбили сильные и неподатливые места; они разметали горную скалу своим криком. Они проделали в нас путь к Великим Небесам [другими словами, в материи -- не высоко вверху, на медитативных высотах, а В материи]. Они открыли

солнце, пребывающее во тьме... Они нашли сокровище небес, спрятанное в тайной пещере, подобно птенцу внутри бесконечной скалы".

И они снова говорят: "Содержимое беременного холма [все еще материи, символ материи] подошло ко всевышнему рождению. Тогда они поистине пробудились и увидели все за собой и вокруг себя, тогда они, поистине, схватили экстаз, которым наслаждаются на небесах". И наконец: "Они открыли кладезь меда, сокрытый скалой".

Так что это были люди, осведомленные о тайне в материи.

Ничего подобного нет ни в Упанишадах, ни в том, что сформировало теперешние индийские традиции, ведь.. нам не следует забывать, что Упанишады -- которые пришли спустя две тысячи лет и стали базисом и Евангелием всей Индии -- говорят: "Оставь этот мир иллюзии... Брахман это реальность; этот мир есть ложь."

Вот что говорит Нираламба Упанишада.

Так что вы можете видеть упадок, деградацию. Вместо того, чтобы говорить о "битве-гонке сотни лидеров", что пропагандировали риши, они закрыли глаза, скрестили ноги -- и искали спасения на небесах. На самом деле я не знаю так уж много о том, что говорили другие мистики, но большинство из них принимало восходящий путь -- вверх и вверх и вверх, и они ушли. Небеса находятся "где-то не здесь", за пределами смерти. Это целая история, целая ДЕГРАДАЦИЯ или утрата человеческой тайны.

И это то, что Шри Ауробиндо и Мать открыли снова.

Именно поэтому я и говорю, что не было более фантастического открытия со времен появления ПЕРВОЙ ЖИВОЙ МАТЕРИИ на земле. Поскольку оно включает в себя ИЗМЕНЕНИЕ самого закона той первой живой материи.

Что означает, что вся наша биология РУШИТСЯ перед этим открытием.

Разум клеток.

В самом деле, я хотел бы попытаться рассказать, КАК это возможно, простыми словами.

Фантастическим открытием было то, что сначала открыл Шри Ауробиндо, а затем Мать, потому что Мать продолжала следовать тем путем и переоткрыла то, что Шри Ауробиндо уже открыл. Они открыли то, что назвали "разумом клеток".

И это фантастическое открытие.

Позвольте мне попытаться описать этот процесс!

Мы все живем довольно далеко от тела, в малой части нашего существа, которую мы УЖАСАЮЩЕ обрабатывали -- и очень полезно обрабатывали, также -- которая является интеллектуальным разумом. Вы не можете сделать ни одной вещи без того, чтобы она немедленно не была "похищена" мышлением и не уложена на соответствующую полочку. Это в самом деле первый из тех слоев, о которых я раньше упоминал, которые покрывают нас -- которые СКРЫВАЮТ от нас реальность материи.

Ведь что же, в самом деле, знают биологи о реальности материи? Они смотрят на нее через микроскоп, но что может поведать им микроскоп? Могут ли они "пережить" клетку через микроскоп? Все, что они делают, это составляют каталог характеристик; они делают образ клетки -- но чем? Что смотрит через микроскоп? Это их РАЗУМ взирает через микроскоп и делает образ, проекцию собственного ментального представления о клетке.

Так что, сначала интеллектуальный разум должен успокоиться.

Тогда мы открываем второй ментальный слой, являющийся эмоциональным разумом -- все страсти, эмоции и все такое -- который составляет довольно значительное покрытие.

И он находится еще глубже. Потому что по мере того, как очищается один слой, следующий автоматически попадает в поле зрения. Для нашего обычного сознания все это является некоторой неразличимой смесью. Страсти принимаются на службу интеллектуальным

видимостям; интеллект обычно покрыт всевозможными желаниями; это полная каша. Люди говорят о своих "мыслях", своих "чувствах", ничто во всем этом ни четко разграничено, ни чисто -- это грандиозная смесь.

И так, проходя через интеллектуальный слой, упираешься в "чистый" эмоциональный разум: все чувства и эмоции, все то, что затуманивает и окрашивает наше восприятие тела -- все наши настроения вмещиваются и ОКРАШИВАЮТ реальность того, чем мы могли бы быть. Поэтому надо пройти и через этот слой. Иными словами, все эти чувства должны быть успокоены; те эмоции должны быть нейтрализованы или "очищены". И это настоящая битва. Это, в самом деле, как выразались риши, "битва-гонка сотни лидеров", потому что вы устраняете одно, и сразу же за ним появляется другое.

Затем, еще глубже, когда успокоен тот слой эмоционального разума, мы обнаруживаем сенсорный разум [sensory mind]. И все это имеет свой особый язык; это малейшая вибрация, но, тем не менее, она выражает себя на особом языке. Здесь мы наталкиваемся на все обычные ощущения, которые образуют саму ткань нашего существа.

И если мы пойдем к самому дну этих ощущений, то обнаружим то, что Шри Ауробиндо и Мать назвали "физический разум".

Этот разум поистине подобен ПЕРВИЧНОМУ разуму материи. Можно сказать, что это некая неослабная память, нескончаемо воспроизводящая любую привычку, которую она обрела. Если этот разум сталкивается с чем-то, он будет помнить это и пятьдесят лет спустя. Если эта память говорит: "Это станет болезнью, которая будет длиться от 3 до 6 месяцев", то это сразу же как бы запечатлевается в клетках, и вы ДОЛЖНЫ болеть 3 месяца, вы ДОЛЖНЫ болеть 6 месяцев -- вы ДОЛЖНЫ. И если она говорит: "Прими такое и такое лекарство, и ты выздоровеешь", то клетки послушно отвечают: "О, очень хорошо, я приму это лекарство и выздоровлю". Это некий гипноз.

И именно здесь мы начинаем соприкасаться -- где начали соприкасаться Мать и Шри Ауробиндо -- с тайной. Тайна заключается в том, что эта первичная материя -- те клетки -- слишком благожелательны -- ГЛУПО БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНЫ, как обычно говорит Мать. Для них нет "законов", есть только гипноз и страх. Другими словами, все, что ни запечатлевается в этой первичной клетке, будет нескончаемо повторяться, с неизменной доброй волей.

И, конечно же, первыми впечатываются страх, агрессия. Есть тот внешний пожирающий мир, эта кишащая, угрожающая жизнь -- жизнь - это катаклизм для первой живой материи. Она попадает в катаклизм, который вызывает в ней страх. Следовательно, в клетке глубоко укоренилось страстное желание того, чтобы исчезли страх и страдание. Иными словами, где-то глубоко в материи существует зов смерти.

Товарищ: и аквариум сформирован.

Да, он сформирован.

В действительности, можно было бы сказать, что существует последовательность аквариумов. Флагеллант взрастил свои маленькие флагеллантские привычки; рыба взрастила свои маленькие рыбки привычки, потому что была в таком-то и таком-то окружении; и птица также взрастила свои птичьи привычки, потому что была в другом окружении. Каждый вид СПЛЕЛ определенные привычки.

И биолог очень хорошо это объясняет: "Происшедшее есть результат того, что аминокислоты закручены таким вот образом".

Но это НЕ ВЕРНО.

Фантастическое открытие состоит в том, что нет физических "законов". Есть физические ПРИВЫЧКИ, определенные некоторым окружением.

И эти привычки, эти "глупые благожелания" могут быть повернуты так, КАК МЫ ТОГО

ПОЖЕЛАЕМ. Хотя, конечно, не в нашей голове можем мы изменить привычки материи -- если мы хотим изменить привычки материи, то должны соприкоснуться с ней! На самом деле мы НИКОГДА не соприкасаемся с материей. Мы соприкасаемся лишь с нашим разумом, нашими чувствами, страстями и привычками.

Как могли бы мы соприкоснуться с клеткой?

Сначала нужно пройти через все те слои.

Но это и есть суть вопроса, фантастическое открытие: можно отпечатать ЛЮБУЮ привычку в клетке.

Вместо тех "катастрофических" привычек... Например, если происходит хоть маленькое несчастье, то клетка паникует и начинает сплетать один слой поверх другого, и затем еще один слой и еще, а в результате -- опухоль. Потому что поначалу была маленькая проблема, и клетка сказала: "Хорошо, как обычно, я должна нарастить один слой, затем другой, поверх него -- третий...". Она создала опухоль. Произошел маленький несчастный случай и, по глупости, он подпал под привычку: один слой за другим.

Это просто привычка.

Но пройдя через этот слой физического разума с его страхом, мрачными предчувствиями и... всеми мельчайшими привычками, постоянно вплетаемыми в нас -- "О, должно быть, это рак", "О, возможно, это смерть", "О, должно быть..." (все это микроскопическое, но, тем не менее, запечатлено) -- если мы сможем пройти через этот слой, то откроем то, что Мать и Шри Ауробиндо назвали "клеточный разум". То есть, это клеточное сознание, которое может подчиняться ДРУГОМУ ТИПУ стимула.

Товарищ: другой программе.

Да, другой программе.

Вместо смертной и катастрофической программы этот клеточный разум может подчиниться солнечной вибрации, вибрации радости, вибрации любви.

Вместо того, чтобы плести смерть, он может плести нечто иное. И без... какого-либо экстраординарного усилия силы с нашей стороны -просто избавившись ото всех этих слоев привычек, покрывающих его. Нет "законов"! Нет "смерти"! Только мы ХОТИМ законы, только мы ХОТИМ смерть. Но эта клетка сама по себе не хочет ничего. Она хочет то, чего мы хотим!

Таким образом, возможна невероятная свобода, если мы сможем, так сказать, установить сообщение с клеткой. Вместо того, чтобы вселять в нее те катастрофические привычки, мы вселим в нее привычку радости, пространства, широты.

Именно это Мать и Шри Ауробиндо назвали "разумом клетки". Это поистине подобно разуму ребенка. Мы можем привить клетке СОВЕРШЕННО ДРУГУЮ жизнь, совершенно... другой способ бытия.

В масштабах эволюции на это может потребоваться очень длительное время, но в тот момент, когда центральная воля клетки откроется нечто иному, человек может быть преобразован... по желанию.

(молчание)

В действительности, Шри Ауробиндо почти ничего не сказал об этой тайне. Потому что, очевидно, говорить о ней довольно бессмысленно; надо пережить это. Однако, есть отрывок, где раскрывается тайна, где она выносится на свет.

И это здесь. Я думаю, что он сказал это в письме:

"И есть также темный разум тела, самих клеток, молекул, корпускул. Гекель, немецкий материалист, говорит где-то о воле в атоме, и современная наука [здесь Шри Ауробиндо ссылается на Гейзенберга], имеющая дело с невычислимой индивидуальной вариацией в движении электронов, близко подходит к восприятию того, что это не образ, а тень,

наброшенная на тайную реальность. Этот телесный разум очень реально ощутим; вследствие его темноты и механической привязанности к прошлым движениям и легкого забвения и отвержения нового, мы обнаруживаем в нем одно из главных препятствий к допущению Силы сверхразума [т.е., следующей стадии, следующей энергии] и к трансформации функционирования тела. С другой стороны, будучи эффективно преобразованным, он станет одним из наиболее драгоценных инструментов для стабилизации супраментального Света и Силы в материальной Природе."

Вот что сказал Шри Ауробиндо.

Под "стабилизацией" он подразумевал установление новой мощи вибрации или бытия в материи.

Естественно, изрядное число ученых людей сочтут невозможной такую телесную трансформацию, такое изменение программы, заложенной в материи.

Но они забывают одну вещь, ту, что эволюция есть нечто ВЕЧНО еретичное. Нет ничего менее ортодоксального, чем эволюция! Она тратила свое время на то, чтобы РАЗБРАСЫВАТЬ невозможности -- то, что было невозможно для рыбы, стало возможным позднее, тем не менее.

И со своим чудесным юмором Шри Ауробиндо представляет логика, глядящего на вещи в начале эволюции, смотрящего на материю...

И вот что он говорит о том логике:

"Когда была одна лишь материя и не было жизни, если бы ему сказали, что вскоре на земле появится жизнь, воплощенная в материи, то он бы воскликнул 'Что?! Это невозможно, это не может быть сделано. Что? Эта масса электронов, газов, химических элементов, эта масса грязи и воды и камней и инертных металлов -- как может в этом возникнуть жизнь? Будет ли металл ходить?'

Откажутся ли клетки от своей старой программы?

Это вызов, брошенный Матерью и Шри Ауробиндо.

Это поистине вопрос нашего времени.

Это более не философский вопрос, не старая история одной цивилизации, сменяющей другую...

Это действительно революция, которая должна быть совершена В материи.

Мантра

Товарищ: А как насчет читателей, тех, кто читает эти строчки и кто никогда не был в Индии, не читал Шри Ауробиндо и не встречался с Матерью -- что могут они сделать, если их интересует этот путь?

Действительно, они МОГУТ сознательно что-то делать. Хотя мы также должны всегда осознавать, что процесс ИДЕТ САМ ПО СЕБЕ, хотим мы этого или нет.

Вот что также важно знать.

То есть, сознают ли это люди или нет, нравится им это или нет, но весь человеческий вид находится на стадии движения к другой эволюционной стадии. И это то, что бомбардирует каждое человеческое сознание, каждую нацию, каждую группу -- везде. Все рушится, рушится, рушится.

НО есть люди, которые не только хотят понять вещи, но и придать своей жизни настоящее значение, и которые могут позаботиться о том, чтобы "принять участие" в этой грандиозной революции, которая может происходить... которая ДОЛЖНА происходить ПОВСЮДУ.

Эволюция -- это не "индусское", вы знаете. Она должна идти своим чередом, этот процесс должен происходить ВЕЗДЕ, сознательно. Не только когда живешь в особых условиях, но и в повседневной жизни.

И именно здесь может быть сделана столь простая вещь, очень простая!

Что мы делаем, когда гуляем по улице? Что мы делаем, когда едем на эскалаторе? Когда мы спускаемся или поднимаемся по ступенькам? Что происходит тогда, в этой человеческой голове?

То, что происходит, это глупое, назойливое жужжание, все твердящее и повторяющее "Я должен сделать это", "Я не должен делать то" и "Может быть, случится это" и "Возможно, это не произойдет...". Это УЖАСНАЯ рутина, которой мы дышим совершенно естественно, но которая совершенно ужасна -- машина, взбалтывающая то одну вещь, то другую, десять тысяч вещей.

Да, именно здесь можно попытаться ПОЙМАТЬ тайну. Именно здесь мы можем начать работать. Потому что все так называемые бесполезные, суетливые моменты, когда мы ходим по улицам, едем на эскалаторе или взбираемся по лестнице, должны перестать быть такими и наполниться солнечной, светлой, радостной вибрацией.

И вот где Индия может помочь. Именно там Мать нашла практический способ: она использовала мантру.

Что такое мантра?

Это звук.

Все имеет звук. Я уверен, что ученые смогли бы обнаружить даже звучание скалы.

Все имеет вибрацию. Дерево имеет вибрацию. Всякая вещь имеет вибрацию, которая внутренне присуща ее природе. Огонь имеет вибрацию. Если мы взглянем в человеческую область, то увидим, что радость обладает определенным вибрационным качеством, а гнев -- другим. Каждый может почувствовать разницу в вибрации (даже без слов) между состоянием радости и состоянием боли или состоянием гнева. И можно даже почувствовать (даже без слов) разницу в вибрации между человеком, находящимся в состоянии искренности, и человеком, наполненным желанием. Их вибрационное "окружение" не одинаково.

И в Индии Мать и Шри Ауробиндо нашли науку об этих звуках или вибрациях.

Если вы знаете какой-то звук, то можете воспроизвести его.

Испустить какой-либо звук -- это некоторым образом создать или воспроизвести его.

Так, у индийцев есть целая наука, которая позволяет им, через звук, воспроизводить состояние радости или вибрации радости или вибрации любви. Они также использовали эту науку для ужасных, магических целей; чтобы нанести кому-то вред, вызвать несчастный случай, посылать всевозможные разрушительные или отрицательные вибрации.

Но... есть и звуки радости, света, истины, любви -- они также существуют.

И именно этим является мантра.

Так что ничего не может быть проще: мантра -- это один, два или три звука, которые поначалу можно повторять в разуме. Вместо того, чтобы позволять себе быть захваченным всей этой болезненной суетой -- она давит на виски, вы знаете; наша жизнь постоянно подвергается нападению, и мы не только "взбалтываем" все те малейшие катастрофические и пораженческие идеи, но и действительно "притягиваем" катастрофы и заболевания -- наши мысли притягивают их как магнит. А что если вместо того, чтобы притягивать все те катастрофы, мы всякий раз брали бы себя в руки и "притягивали" вибрацию радости, скажем, или доброго бытия?...

Так мы можем практиковаться в повторении мантры из нескольких звуков, когда мы поднимаемся по ступенькам или гуляем по улице -- ее можно повторять в любой момент. И поскольку материя в самом деле очень склонна повторять всегда одно и то же, то мы можем начать, поначалу в разуме, "ЗАМЕШИВАТЬ" другой заведенный порядок. Таким образом, наш интеллектуальный разум, совершенно глупый по своей субстанции, по своему основанию, начнет повторять мантру тем способом, которым он обычно повторяет свои "я не запер дверь", "я забыл свой галстук" и "я опаздываю на прием" -- вместо этого он будет повторять мантру.

Тогда мы осознаем, каким чудом является материя! В ней можно запечатлеть все, что

удобно; вместо того, чтобы повторять свои глупости, она с тем же успехом может повторять радость и красоту.

Затем этот звук, эта вибрация постепенно уходит все глубже и глубже в материю. Из интеллектуального разума эта вибрация идет в сердце, затем еще глубже.. и наконец она наполняет все тело. Это как если бы твоё существо -- твоё тело -- постепенно обретало бы другую плотность. Как если бы ты наполнялся другой вибрацией.

И все старые привычки... постепенно теряют свою опору. Мы не боремся с ними, потому что эта битва была бы бесконечной -- выкиньте скверную мысль или скверную идею, и через полминуты она вернется к вам назад. Тогда как, как только мы подхватили верную вибрацию -- которая подобна вибрации простора, радости, подобно пузырению моря, искристости волны, накатывающей на берег -- материя очень рада начать "крутить" эту вибрацию. И в конце концов она делает это автоматически. И... (по меньшей мере, это переживают некоторые люди) даже во время сна мы схватываем себя (я схватывал себя; это может случиться и с другими), мое тело схватывает себя, повторяя мантру.

Так мы понимаем, как так называемый закон смерти, закон несчастного случая -- все эти законы -- РАСТВОРЯЮТСЯ этой вибрацией. Ведь у них нет "сокровенного" существования в клетках. Клетка повторяет ВСЕ, ЧТО МЫ ХОТИМ. И именно мы притягиваем себе свои болезни, несчастные случаи, смерть, упадок, увядание, просто по привычке, через наше ощущение неизбежного, возможного, невозможного и т.д.

И, наконец, совершенной другой вид вибрации начинает (как бы выразиться?) "пульсировать" в этой материи. И это можно сделать, гуляя по улице -- лично я делал это при любых обстоятельствах, в наиболее банальных, как и в самых невозможных местах, казавшихся удушающими, в... я делал это ПОВСЮДУ.

Уход Матери

Товарищ: Но до сих пор, насколько нам известно, никто не превзошел смерть. Умерла и сама Мать, которая боролась со смертью тем же образом, что и Шри Ауробиндо. Так что же произошло?

Прежде всего, я не уверен, что единственное человеческое существо может, индивидуально, РАДИ СЕБЯ, превзойти закон смерти. Один особый индивид не играет никакой роли. Совсем никакой. Должно подключиться сознание всей земли в ее вечности.

Да, смерть не неизбежна: МОЖНО избежать закона смерти. Но... как раз здесь и начинается проблема -- не проблема, а основная трудность.

Что же происходит по мере того, как клетка все больше и больше очищается от всех ее катастрофических и смертных привычек?

Это трудно понять, но в ту минуту, когда материя освобождается от своих катастрофических привычек, она тут же становится ВСЕЙ материей. Нет больше стен, нет больше разделения. Маленькая индивидуальная энергия, заключенная в аквариум, больше не является индивидуальной энергией, вращающейся по прежним кругам; это гран-ди-оз-ная энергия -- та самая, что правит вселенной.

И все те, кто жили с Матерью, знают, что это значит, хотя бы немножко.

Она говорила мне.. Как часто они мне говорили: "Я должна прикрыть себя! Я должна прикрыть себя, иначе это становится невыносимым."

Эта энергия невыносима. Она столь грандиозно "чистая" и "солнечная", что на малейшие пораженческие поползновения в наших глубинах - все это составляет вещество нашего существа - она действует как луч света в крысиной норе. Все начинает метаться и визжать. Когда находишься рядом с Матерью, то все эти темные вещи в глубинах человеческой материи начинают задыхаться и метаться, чувствовать, что... их срок подходит к концу.

Так что недостаточно стать новым видом.

Вам нужно позаботиться о том, чтобы не быть убитым старым.

И здесь мы подходим к чему-то... очень болезненному, что действительно составляет суть человеческой убогости.

Дело в том, что земля (можно сказать, что ашрам был просто символическим представлением земли, типичных человеческих существ, некоторой человеческой субстанции, которая должна быть трансформирована) и вся эта материя чрезвычайно злобно отторгает радость. Она отторгает простор, необъятность. Она очень привязана к своим скрипучим маленьким привычкам. Она очень привязана к своим маленьким идеям, маленьким силам, маленьким способам бытия -- даже если они "йогические". Попробуйте изгнать из человеческого сознания то представление, что перед фотокамерой они не должны позировать со скрещенными ногами, окруженные благоухающими ароматами фимиама или жасмина.

Так что они все чаще говорили: "Она впадает в детство. Ей 92, затем 93, затем 94. И это происходит всегда. Это нескончаемо."

Печально об этом говорить... но так оно и было. Им было достаточно, они больше не могли выносить Мать.

Им было довольно.

Что касается меня, то только потому что я достиг КОНЦА всех возможных переживаний, с того дня, как я вскричал в концлагере... кричал везде -- кричал в лесу, кричал на дорогах Индии, кричал... действительно на крайних переделах моей собственной человечности, с таким жгучим зовом "нечто иного" -- той необъятности, того света, той красоты. Я так СИЛЬНО нуждался в этом, что как бы был способен "выдержать" эту мощь света. И даже когда я чувствовал, что мое тело начинает разрушаться -- потому что давление этой энергии было столь грандиозным, знаете ли -- даже тогда я говорил "ДА! ДА! БОЛЬШЕ! И еще БОЛЬШЕ! И даже если я должен умереть от этого!... Пусть я умру лучше так, чем на больничной койке!"

И тогда я смотрел на нее... я смотрел на нее. Ей было 92, 93, 94 года. И столь одинокая. Окруженная таким чудовищным непониманием. Они приходили увидеть ее и забрасывали ее таким пустяковыми, такими мелочными делами: "Стоит ли мне продать машину по такой-то цене?", "Следует ли мне жениться на такой-то женщине?", "Должен ли я делать это или следует сделать то?..." Они заваливали ее письмами, вопросами и даже проявляли дурную волю: "Довольно! Достаточно! (как я и говорил в начале) Достаточно! Избавьте меня от этого!"

Очень трудно вынести Истину -- ЖИВУЮ Истину. ЖИВУЮ Энергию.

Я смотрел на нее... эти клетки, это тело, столь ясное, столь прозрачное, было окружено и постоянно поглощало отрицание, отказ и даже бунт. Всякий раз это происходило так, как если бы клетки подхватывали некую человеческую болезнь, или, возможно, эту человеческую болезнь -ТОЧНО человеческую болезнь. И всякий раз она должна была очищать, в собственном теле, все эти внушения, всю эту дурную волю!...

А КТО верил?

КТО говорил: "Мать НАЙДЕТ путь. Мать ПРОЙДЕТ через это."

Кто верил?

Она обычно говорила мне: "Ни один здесь".

Ни один здесь.

Так вот и было: это существо, которое пыталось сделать столь многое для земли, которое столь много искало ради любви и красоты на земле -и... "Ни один." Было так... трогательно, мучительно, знаете ли, видеть, как на нее все больше давила, если можно так сказать, боль этого человеческого отказа, этого человеческого непонимания.

Я действительно любил Мать.

Она была величественной.

Она была героической.

Затем, однажды, они закрыли передо мною ее дверь.

Товарищ: Кто?

Ее ученики. Я не понимаю их мира; их способ бытия ускользает от меня. Я не мог понять их. Я не мог понять эту ревность или зависть. Я не мог ничего из этого понять.

Они захлопнули передо мною дверь.

Так что ничего не оставалось, вы видите.

Зачем становиться бессмертной?

Зачем светить?

Только ради себя?

Она, которая так любила землю, которая так сильно пыталась передать собственный секрет радости -- радости в материи, то есть. Этот секрет необъятности, связь со всем и каждым.

Она ушла.

Но она не ушла далеко.

Она здесь. Она здесь.

Я чувствую ее. Она улыбается мне. Она поддерживает меня.

Но это не ради меня одного. Это так очевидно, что каждый может позвать ее в своем сердце, на детский лад, где угодно, на любом языке... "То" готово помогать нам и.. вынуждает нас двигать горы.

Она здесь.

Если у нас есть отвага на Радость.

Товарищ: Что она сказала перед уходом?

Но они закрыли передо мной дверь за полгода до этого.

Товарищ: Но перед этим она сказала Вам нечто: "Другие поверят, что я умерла..."

О, да!

Товарищ: Можете сообщить нам поточнее?

"Они поверят, что я умерла. Но ты все знаешь и расскажешь им. Я бы и сама им сказала, но они не верят мне." Вот что она сказала.

"Но они не верят мне."

Во что они верили?

Что она стара.

Как бы там ни было...

Товарищ: А что это был за бунт? Почему они восставали против Матери в течение тех последних лет?

Бунт был неявным. Он был нескладным ропотом во многих людях, и особенно в ее ближайшем окружении.

Хорошо, это... довольно легко понять.

Для каждого из них Мать представляла препятствие для его маленького желания, его маленького эго, его маленькой силы или престижа... Каждый ощущал препятствие.

Действительно, достаточно только посмотреть вокруг: после ухода Матери все эти зажатости вырвались на свободу. Все те маленькие... существа, томимые жаждой власти, престижа -- все одетые в безупречно белое -кто даже пытался наложить свои руки на Адженду Матери, на все беседы, которые она вела со мной, так напуганы они были тем, что она могла бы сказать мне. Они перепробовали все.

Но нет смысла говорить об этих отрицательных вещах.

Они пройдут -- пусть они идут своей дорогой; это не имеет значения.

Не более чем древний орангутанг или примат протестовал против человека. Но это не помешало приходу человека.

Пусть они возвращаются к своим духовным медитациям, ко своему праху.

Но то, что Мать посеяла на земле, с таким большим страданием -- это необратимо.

И это то, что происходит... знаете ли, то же самое корчание мы наблюдали и видим в учениках вокруг нее, да, это то, что корчится сейчас повсюду на земле! Все эти маленькие крысы, вылезавшие из своих нор, все эти мечущиеся маленькие тараканы, все жестокости, все ужасные вещи... приходящие отовсюду, как если бы внезапно были открыты все канализационные люки.

Почему?... Потому что поистине ГРАНДИОЗНЫЙ луч света, сфокусированный здесь, разворошил всю грязь в глубинах, так чтобы можно было от нее избавиться. Так что нечто иное может возникнуть из ГЛУБИН этой материи, выйти из-за крысиных нор или святых нор -- может появиться новый воздух, новая возможность.

Именно это и происходит сейчас. И это происходит НЕЗАВИСИМО от того, хотим мы этого или нет.

Так почему бы не с нашим участием?

Единственный раз в эволюции человеческое существо могло бы принять участие в собственной трансформации.

Постоянно, постоянно, тело Матери повторяло одну и ту же вибрацию, ту же самую мантру.

Каждый может повторять ее

ОМ НАМО БХАГАВАТЭ

[OM NAMO BHAGAVATE]

Ом Намо Бхагаватэ

ом намо бхагаватэ

...

Перевод мантры Матери

Товарищ: Можно это перевести?

Действительно, к чему взывает вселенная или птица? Или растение? К чему они взывают?

К чему взывает вся земля? К чему взывает дерево?

К радости, любви, всевышней... всевышней "вещи" то есть.

Да, вот чем является мантра.

Это: "Я приветствую Всевышнего Господа... или Всевышнюю Радость или Всевышнюю Красоту. Вот что наполняет мои легкие. Вот что наполняет меня, что наполняет землю, что заставляет ее расти -- я приветствую Всевышнего Господа."

Товарищ: Таков перевод мантры?

Да. Но все это слова нашего интеллекта, тогда как... Это перевод нашего интеллекта. Но это та самая вибрация, тот самый звук, который нужно ВНЕДРИТЬ в тело.

Товарищ: Это буквально означает "Всевышний Господь"?

Всевышний Господь.

"Господь" это все еще... наш западный перевод.

Это "Бхагаватэ".

"Бхагаватэ" -- это.. (смеясь) -- что? Что можно сказать?

Это дыхание всего.

Но НАСТОЯЩЕЕ дыхание -- то, которое мы в действительности утратили.

Товарищ: Это не одна и та же вещь. С одной стороны, существует вершина иерархического порядка и понятие о Боге как о творце и дви

жителя.

О, да! Это все еще наш наивный способ смотреть на вещи!

Но что есть в мире?

Есть только ОДНА вещь. И это все сущее: это мы, это вы, это коврик, это кресло, эти атомы, эта галактика -- это... все сущее.

Товарниcki: Поэтому можно сказать "Всевышнее Бытие" или "Бытие"?

"Бытие". Так. Это так.

Да, "я приветствую Всевышнее Бытие".

Товарниcki: И даже "Всевышнее" это...

Действительно! Не Всевышнее (как говорит Мать), не Всевышнее вне пределов досягаемости! Он здесь! Он здесь!

Товарниcki: Точно.

Он бьется в нашей груди.

Он в каждой вещи, во всем сущем. Он в бедолаге, опустившемся на самое дно. Он во всем сущем.

Товарниcki: Но мы все еще не перевели мантру.

Да. Это способ дыхания.

О, все, что мы можем сделать, это навесить ментальный или интеллектуальный перевод.

В действительности, не нужен никакой перевод -- требуется лишь, чтобы мантра вибрировала!

И вся вибрация полна солнечного света.

Товарниcki: Еще со времен Платона разум пытался -- потому что это трудное дело для разума, и не подлежит сомнению добрая воля или способность западных мыслителей и других, кто пытался решать загадки -- иерархически организовать вселенную, в мистической форме Платона или в теологической форме Христианства. Повсюду мы видим вступление и установление всевышнего Движителя, по отношению к которому все другие творения находятся в сущности в состоянии зависимости...

Да, зависимости...

Товарниcki: ... и этим маленьким движителям остается только при ветствовать большой Движитель...

Да...

Товарниcki: ...и в этом заключается трюк. Мы прошли через всю историю ментальных конструкций этого рода, от схоластики до Платона и далее до научных представлений. Это очень трудная проблема, потому что ценность или сила этих подходов не подлежит сомнению, но они вскрыли, что определенный узкий и ограниченный тип представления извечно преследует нас. Как в древних религиях и их теологических построениях, так -

Да, но...

Товарниcki: -- и в нашей схоластике и нашей науке и технологии, которые все идут одним путем.

Послушай, лично я не слышал ничего проще слов риш Вед. Они говорят: "Кладезь меда закрыт скалой."

Товарниcki: Это все еще "уход", предвиденный Древними Греками, Гераклитом и Парменидами, о ком мы говорили ранее...

Это то, что не покрыто.

И тот кладезь там, в глубинах всякой вещи.

Действительно, он везде.

Но мы еще не там, где мы должны быть.

Мы думаем о себе как об ученом, обезьяне, рыбе. Мы считаем себя христианами, буддистами, индуистами. Мы считаем себя прорвой вещей: жирафом, маленькой собачкой... Мы считаем себя массой вещей.

Тогда как, на самом деле, мы -- это тот мед, тот кладезь меда, покрытый всевозможными привычками -- рыбы, человека, ученого, биолога или христианина.

Но под всеми этими привычками есть нечто, взрывающееся медом или солнечным светом, чем мы на самом деле являемся.

Мы можем назвать это "Всевышним" или просто "верховным", но это будет ментальный перевод. Так что когда Мать взывает... когда она приветствует то "Бхагаватэ", она, конечно же, не имеет в виду Бога!

Это само бытие мира.

Но это НАСТОЯЩЕЕ бытие. То, которое очень хорошо знает ребенок -без мистери и теологии.

Так что: "Я приветствую кладезь меда."

Товарнишки: Каков же перевод мантры? Прошу прощения, но я хотел бы иметь его.

Хорошо, я пытался дать перевод тысячью или пятью-шестью тысячью способами, но все они столь бедны! Но сущностью мантры Матери является как раз это: приветствовать то, чем мы ЯВЛЯЕМСЯ НА САМОМ ДЕЛЕ -- к чему мы устремляемся.

К чему мы стремимся? К тому, чем являемся! Если бы мы не были этим, то и не стремились бы к нему. Если бы ночь была ТОЛЬКО ночью, как могли бы мы устремиться к солнцу? Как что-то смогло бы устремиться к солнцу, если бы оно уже не знало этого солнца?

Товарнишки: Но у нас все еще нет перевода!

Первый перевод, который мы можем дать, это ментальный перевод. Вот он, буквально: "Я приветствую То, что верховно." (*)

Но это "верховное", очевидно, не небесный Всевышний -- в этом противоположность пути, по которому следовала Мать или риши Вед или Шри Ауробиндо.

Это то, чем на самом деле является материя.

Мы ищем это высоко вверху -- и мы называем это "Духом". Но цель открытия заключается в том, чтобы осознать, что то, что все время находится высоко вверху, находится также и ПРЯМО ЗДЕСЬ в материи -- это сама материя.

То есть Радость сущего.

Как все это вообще было бы возможно, если бы не было Радости в глубинах всего?

Так что это "Верховная Радость".

"Я приветствую Верховную Радость."

(*)

Буквально, Бхагаватэ означает то, что полно, что великолепно. Традиционно шестью качествами Бхаги считаются: богатство, героизм, величие, гармония, знание, беспристрастность.

* День Шестой. ВЫ НЕ МОЖЕТЕ УБИТЬ ТОНКИЙ ВОЗДУХ *

Я Гуляю

Товарнишки: Сатпрем, иногда создается такое впечатление, что неко торым вещам Вы придаете такую определенность, как если бы они были фактами. Уж не впадаете ли Вы, временами, просто в некую веру? В

самом деле, разве эти вещи, в основном, не гипотетичны, разве это не просто возможность? Где уверенность?

Сатпрем: О, да!... Уверенность -- это только другой способ горения.

Гипотетичны? Не знаю. Это особый способ дыхания.

Утверждаю? Но я не знаю. Я просто гуляю.

И... это все. Я гуляю и гуляю и... действительно, скорее я живой "вопрос". В действительности, я не интересуюсь ответом, на самом деле -особенно когда эти ответы ментальные. То, чем я интересуюсь, это... ЖИТЬ и ДЫШАТЬ или ГУЛЯТЬ определенным образом, который имеет широкий, гармоничный ритм. Тогда я чувствую непринужденность и говорю "это истина" (для меня!). Другими словами, я соприкоснулся с чем-то истинным (для меня!), потому что я свободно дышу, и вещи разворачиваются с неким ритмом.

Но, помимо этого, что еще утверждать? Не знаю.

Думаю, что никогда не был способен утверждать что-либо в моей жизни. Кроме того, что мне требуется нечто иное. И чем ближе подходишь к этому нечто иному, тем дальше оно отходит вперед. Иными словами, есть постоянный прогресс.

Это растущий огонь.

И где же здесь факт огня?

Все больше и больше огня, и это все.

Товарниcki: То, что Вы ищете, то, что искала Мать -- это нечто, что на самом деле находишь или же это нескончаемые поиски?

Никогда ничто не может быть определенным.

Конечно, есть первый шаг, когда переходишь из определенной полусферы существования в другую. В действительности, существует поистине коренной шаг, когда, внезапно, вступаешь в другое измерение. Но мы vstupаем в ионе измерение -- и это только начало! Это первый шаг к чему-то иному!

Я думаю, что идея "реализации", даже представление об "озарении" совершенно неверно. Я думаю, это совсем неправильно.

Я чувствую, что каждую секунду мы СТАНОВИМСЯ перед "дальнейшим" шагом, который нам предлагается сделать. Для меня это абсурд; только разум может сказать "я нашел истину".

Но что же говорит тело?

Каждую секунду ему нужно дышать. И прежняя секунда уже не принимается в расчет, ее более не достаточно. Если остановитесь на предыдущей секунде, то задохнетесь. Требуется дышать каждую секунду. И каждая секунда новая.

Дыхание в прежнюю минуту неуместно для дыхания завтра или для следующих 30 секунд.

Истина -- это нечто, что НИКОГДА не идентично. Это нечто, что... растет с собой. Это Движение; это не нечто статичное. Это Течение.

Где же конец всему этому?

С самой первой секунды зарождения вселенной все находится в постоянном движении. Тогда как человеческие существа, напротив, постоянно пытаются остановить вещи, заморозить их и определить их. Тогда как существует постоянное Движение.

Мать ПОСТОЯННО была в движении!

"Я мчусь как реактивный самолет", -- говорила Она обычно. И когда ей напоминали, что она говорила вчера или позавчера, она отвечала "ох, это устарело!". И она говорила: "Шри Ауробиндо противоречил самому себе великое множество раз, так почему же нам не следует противоречить самим себе!".

Это игра ума -- хотеть сотворить философию раз и навсегда, разбитую на аккуратные маленькие параграфы.

Так ничто не работает.

Гуляешь, открываешь. Вещи растут. И превыше всего... я не знаю, чем дальше идешь, тем больше НУЖДАЕШЬСЯ в нечто ином -- нечто более истинном или более подлинном или...

Это ВСЕГДА другое.

Товарники: Случай, или судьба, распорядился так, что этот опыт проходит в Индии. Не думаете ли Вы, что это было бы невозможно в русле Западного образа мышления?

Не только это возможно в Западном "образе мышления", но возможно и на Западных УЛИЦАХ, в Западной ПОДЗЕМКЕ -- это возможно в каждую Западную секунду!

Индия... Так уж произошло, что Мать была там, так что она "схватила" меня, так это и было -- она в самом деле схватила меня за шиворот и вытащила. Она помогла мне ускорить мой марш. Это случилось в Индии, но это могло быть и где угодно. Так уж получилось, что Шри Ауробиндо был в Индии. Но это так мало связано, в самом деле, с Индией как страной.

Это Земля, в действительности.

Это Судьба Земли.

Это могло происходить в Индии из-за того, что некий Свет пытался воплотиться в Индии. Так что, может быть, это место находится в чуть более привилегированном положении. Это возможно. Но это всего лишь деталь -- это обстоятельство не имеет решающего значения.

Товарники: Нет исключительности.

Конечно, нет! Как я уже говорил, эволюция -- это не Индуизм.

Единственный факт, имеющий значение, это УСТРЕМЛЕННОСТЬ человеческих существ. Стремление людей. Они могут быть желтыми, синими, зелеными, американцами, китайцами. Это не важно!

Основная вещь... единственная вещь -- это иметь НУЖДУ.

Роль Женщины

Товарники: Кажется, Мать была первой женщиной в мире, играющей такую роль. Обычно ищут мужчин, гуру, -

Да.

Товарники: посвященных, или так называемых посвященных. Видела ли Мать какую-то особенную роль женщины?

О, безусловно!

Прежде всего, женщина является основой.

Женщина -- это поистине реализатор. "Реализатор" означает, что она приносит вещи в материю. Именно женщина применяет свое сознание к материи.

Мужчина легко предается своим грезам, своей философии, своим... всем этим материалом. Но если у него нет женщины, которая ТЯНУЛА бы его вниз, помогала бы ему ВОПЛОТИТЬ его идеи, мужчина так и завязнет в своих грезах.

Женщина является базой.

Товарники: (обращаясь к Суджате): Как Ваше имя?

Суджата: Суджата.

Товарники: Су-джа-та, правильно?

Да.

Товарники: Хорошо. Долгое время Вы были спутницей Сатпрема. Вы следовали тем же путем, что и он. Вы часто встречались с Матерью.

Что Вы в действительности думаете об особенной роли женщины в такого рода стремлении? И какие различные типы женщины существуют в индийской традиции?

(Суджата смеется)

Товарнилки: Нехороший вопрос?

Нет, вопрос очень хороший! Но мне хочется прервать Вас, чтобы процитировать то, что Шри Ауробиндо сказал о Матери. (Обращаясь к Сатпрему): Ты помнишь? Шри Ауробиндо сказал ученикам, что не будь здесь Матери, его реализация так бы и осталась (как бы выразиться?) на нематериальном плане. Именно благодаря Матери стала возможной реализация этого на физическом плане.

Товарнилки: Говорила ли она об особенной роли женщины?

Шри Ауробиндо говорил о Матери. Это одно. Но что касается женщины вообще, ну, что я могу сказать? Не знаю.

Товарнилки: А что за предание о "женщине - хранительнице очага"

[root-woman] и "женщине для развлечений" [vine-woman]?

(Смеясь). Да.

Товарнилки: Я хотел бы, чтобы Вы пояснили это. В самом деле, как

Вам нравится это предание?

Хорошо, когда-то я читала нашего бенгальского поэта, которого вы все знаете, Рабиндраната [Тагора]. И он сказал (не помню, кому), что в своей жизни он встречал много женщин, и он обнаружил, что женщины делятся на два типа: "женщины для развлечений" и "женщины - хранительницы очага".

"Женщины для развлечений" всегда прекрасны, вы знаете! В этом нет ничего плохого. Но они не помогают мужчине укорениться. Совсем напротив, они истощают мужчину и удерживают его от того, чем он мог бы стать и является в истине своего существа, в своих глубинах или по своему духу.

Тогда как "женщины - хранительницы очага" всегда остаются очень близки к мужчине, что позволяет ему расти к солнцу, к свету, как дерево, выпускающее свои побеги.

Я только цитирую по памяти. (Смеясь). Это все.

Товарнилки: А что Мать говорит о специальной роли женщины?

Да, хорошо, он [Сатпрем] может рассказать.

Сатпрем: У женщины гораздо больше отваги, чем у мужчины. Особенно когда приступаешь к этой йоге тела, в которой мужчина склонен считать все это неважными пустяками -- все малейшие внушения или предложения, с которыми нужно постоянно сражаться...

Только женщина имеет терпение, в самом деле, и отвагу иметь дело с материей в мельчайших деталях, искать совершенство во всех материальных деталях.

Мужчина хочет парить и делать синтез.

Женщина дотошно проделывает любую и каждую вещь, и каждая вещь должна быть как раз такой, находиться на свое месте. Женщина расставляет вещи по своим местам.

Товарнилки: Очень скромная задача!

Да, нет ничего более смиренного, чем йога в материи! В самом деле, против чего же борешься? Целое болото убогих вещей, постоянно болтающихся в сознании.

И затем, есть некое "здоровье", глубоко заложенное в женщине, нечто чрезвычайно "здоровое" в самом теле женщины. Она гораздо сильнее в борьбе против всех нездоровых внушений распада: внушений болезни, внушений смерти, внушений... всех внушений, которые встречаешь, когда делаешь эту йогу в материи.

Она гораздо здоровее. В действительности, возможно, из-за того, что играет созидательную роль. Реализация никогда не будет полной, если мужчина не имеет возле себя того, что называется в Индии Шакти, иными словами, **НАСТОЯЩЕЙ** женщины.

Вещи могут завязнуть в сантиментах или даже ниже, в сексуальных отношениях -- это

уводит в сторону.

Но есть сущность женщины, не имеющая ничего общего с сантиментами или сексом. Это нечто из иного... измерения.

Корень жизни женский, вы знаете.

Созидательная энергия женская.

И в этом ее роль возле мужчины.

И как она может помочь ему, так она может и разрушить его. Это очевидно.

Если она не созидательна, то есть, если она не стремится к Свету, она разрушает мужчину.

Товарницы: А если мужчина не стремится к Свету?

Она топит его. Они оба тонут.

Товарницы: (обращаясь к Суджате): Это то, о чем Вы умолчали.

Суджата: Нет, я не совсем согласна с вами. Потому что я чувствую, что женщина обладает СПОСОБНОСТЬЮ тянуть мужчину -- даже когда он тонет.

Товарницы: А не может ли она его потопить?

Конечно, она может его потопить!

Она может потопить его; об этом он только что сказал. Она может либо потопить его, либо помочь ему. Но я вижу, что женщина способна -когда мужчина уже внизу -- она также способна вытянуть его.

Сатпрем: Это верно.

Воспоминание о Матери и Шри Ауробиндо

Товарницы: (Суджате) Вы жили в ашраме с двенадцати лет, не так ли?

Суджата: Да... на самом деле с девяти лет.

Товарницы: И сколько лет Вы знали Мать ?

До конца.

Товарницы: До конца?

Да, почти сорок лет моей жизни.

Товарницы: Значит, Вы видели Мать глазами женщины?

О, нет! Я видела Мать глазами ребенка. (Смеясь). Абсолютно. До конца я оставалась ребенком.

Товарницы: И какой представлялась Вам Мать?

Мать... хорошо, расскажу.

Традиционно считается, что вселенская Мать ускользает от всякого знания. Она обладает ГРАНДИОЗНОЙ мощью, Вы знаете. Но для меня все это принимает форму матери, Вы понимаете?

(короткое молчание)

Товарницы: Припоминаете ли Вы некие ее слова или то, что особенно задело Вас во время жизни в ашраме?

Это так трудно, вы знаете, потому что вся моя жизнь была сосредоточена на ней. Я пыталась скорее стать чем-то, чем пытаться запомнить что-то.

Товарницы: Чувствовали ли Вы великую Силу?

Были в основном мягкость, Любовь, и ОСОБЕННО понятливость. Мне никогда не нужно было идти к ней и говорить: "Мать, Мать, я нуждаюсь в том-то и том-то". Она принимала и действовала соответственно. И даже о том, что я чувствовала в своем сердце, о своих чувствах -- мне не нужно было рассказывать Матери что-либо. Она чувствовала это. Она понимала. Это некто, кто "понимает". Это в самом деле благо, Вы знаете, иметь кого-то, кто понимает тебя.

Товарницы: А что касается собственной эволюции Матери, того постепенинного переживания, которому она начала подвергаться и которое сбило с

толку или даже испугало людей в ашраме? Не ощущаете ли Вы, что она делала нечто экстраординарное?

Она говорила об этом в основном с Сатпремом. Я была там, потому что чувствовала, что мое присутствие не будет помехой. Но в основной это был взаимообмен между Матерью и Сатпремом. Он следовал тому, что она говорила. Иногда я понимала, иногда не понимала, но я и никогда не предполагала, что все люди ашрама были такими же, любящими Мать.

Своими устами они говорили, что любили Мать, что они ее ученики... (Смеясь) не знаю, что и сказать. Лишь ВПОСЛЕДСТВИИ мы обнаружили, что это были только слова, а не настоящая внутренняя истина.

Товарниcki: Да, я понимаю. А как насчет Вашей жизни? Как Вы пришли в ашрам? Прежде всего, из какой части Индии Вы прибыли?

Мы прибыли из Бенгалии. Когда мы были юными, мой отец взял нас к Рабиндранату, в Шантиникетан. Там мы росли.

Сатпрем: к Рабиндранату Тагору.

Ъ2Суджата:Ъ0 к Рабиндранату Тагору, да! (Смех).

А потом моя мать умерла. Мой отец любил ее, по-настоящему ее любил -- и ничего больше его не удерживало. Так что он отправился на поиски чего-то и прибыл в Пондишери, где был Шри Ауробиндо.

Там он нашел то, что искал.

Затем он привел и нас, детей, к Шри Ауробиндо и Матери, чтобы мы смогли увидеть их -- и, прежде всего, чтобы ОНИ взглянули на нас.

Товарниcki: И поэтому Вы могли слышать беседы Шри Ауробиндо?

Нет! Никто не слышал Шри Ауробиндо. Мы видели его три раза в год: в его день рожденья, в день рожденья Матери и в день, который он назвал "надментальной реализацией" -- слышали ли Вы о Шри Кришне? Он спустился и слился со Шри Ауробиндо. Другими словами, Аватар прошлого, со всеми его свершениями и реализациями, слился...

Товарниcki: Воплотился?

... слился

Сатпрем: не инкарнировал -- слился.

Ъ2Суджата:Ъ0 Да, слился со Шри Ауробиндо.

В эти три дня можно было видеть Шри Ауробиндо.

Шри Ауробиндо и Мать сидели в маленькой комнате, на диване, и мы проходили перед ними, делая то, что мы называли Пранам: мы преклоняли свои головы к их ногам. Потому что в Индии, встречая старших, мы обычно преклоняем свои головы к их ногам. Это индийский обычай.

Так что Мать сидела, держа свои ноги вместе, а Шри Ауробиндо скрещивал свои ноги -- каждый из них сидел на своем конце дивана, и между ними оставалось небольшое пространство.

И мы совершали свой Пранам, как я только что говорила. И, о, ноги Шри Ауробиндо!... буквально тонешь в них... физически! Они ощущались такими мягкими! Я никогда в своей жизни не прикасалась к таким мягким ногам (смеясь). Это на самом деле так! Я была просто ребенком -- Вы понимаете -- мне было девять лет. А потом было так трудно подняться! И затем мы клали наши головы на диван между ними, и они клали свои руки на голову.

Сатпрем: на твою голову.

Суджата: на мою голову.

Товарниcki: Это было что-то вроде благословения?

Да, благословение, точно. Они вместе благословляли нас, Это было чудесно!

Но вскоре это прекратилось, потому что Шри Ауробиндо сломал свою ногу, Вы знаете.

После этого у нас уже больше не было привилегии прикасаться к нему. Был некий барьер. Мы гуськом проходили в соседнюю комнату -- мы больше не заходили в эту маленькую комнату.

Товарнишки: Так что Вы также ощущали пристальный взгляд Шри Ауру биндо рядом со взглядом Матери?

О, да! Но по мне взгляд Матери не был таким, как он описал его, как Сатпрем описал его. В основном это была мягкость, Вы знаете.

По мне, это было... это была Мать.

Это была "моя" мать, другими словами!

Мать не смотрит на своих детей с силой! Она смотрит на них с мягкостью.

(Смеясь). В самом деле, это напомнило мне одну историю.

Однажды... Вы знаете, у нас есть период Пуджи, когда мы взываем к божествам -- Дурге, Кали, Лакшми, и ко всем богиням -- и мы поклоняемся им.

Да, некоторое время в ашраме, в те дни, Мать спускалась вниз, чтобы встретиться с людьми, и она давала свое благословение каждому.

В те дни, как раз перед празднованием Кали, я работала в комнате, не так далеко от Матери, делая Бог весть что, может быть, пудру для ашрамиток (смеясь). Это была моя работа.

И входит Мать. Она останавливается передо мной и говорит: "Вот я спускаюсь. Это день Кали". И она начала...

Товарнишки: Кто такая Кали?

(Смеясь). Кали -- это ужасная Мать, которая носит бусы из человеческих голов и голов демонов -- эти головы она сама отрубила. Она совершенно черная, ее волосы растрепаны, и под ее пятой Шива, можете себе представить!

Сатпрем: Шива -- это

Суджата: Он верховный Бог. Под ее пятой верховный Бог, можете себе вообразить! (Смех). Хорошо. Так что она в самом деле ужасна, эта Кали.

Так что Мать говорит мне: "О, ты знаешь, сегодня день Кали. Ты знаешь Кали? Я молча посмотрела на Мать, слегка улыбнувшись. И Мать начала принимать внешность Кали -- эту ужасную внешность, вы знаете. Мощь, которая... (Вы знаете Рамакришну, который поклонялся Кали?), да, любой будет сметен этой Силой, этой Мощью.

Но я не знаю, я просто дитя Матери, так что я просто стояла, взирая на нее. Спустя некоторое время Мать сказала: "Ба, да ты даже не вздрогнула. Ты не испугалась?" И я ответила: "Милая Мать, ведь ты моя Мать! Поэтому ты можешь быть чем угодно, принять любую внешность, я твое дитя! Ты моя Мать!" (Смеясь). Мать сама была изумлена моим ответом.

В самом деле, для меня она всегда была матерью.

Товарнишки: Сколько лет Вам тогда было?

В то время... мне было шестнадцать, семнадцать самое большее.

Суджата: Адженда Матери.

Товарнишки: Итак, Вы оставались в Ашраме до ухода Матери.

Суджата: Да.

Товарнишки: Что случилось после ухода Матери?

(короткое молчание)

Что же, мы находились несколько поодаль... Кто-то пришел к нам и сказал, что Мать... Они спустили тело Матери вниз -- взяли и перенесли его вниз -- и люди вереницей проходили перед ней.

Мы никогда не верили, что Мать оставит свое тело.

Как бы там ни было, мы пошли посмотреть. Мы с Сатпремом пошли и наблюдали (должно

быть, Сатпрем рассказывал Вам, как это было (*))...

Я опускаю массу вещей, Вы понимаете.

Затем... был тот документ Матери, который она назвала Адженда. То есть, это те беседы, которые она вела с Сатпремом долгие годы.

Люди хотели немедленно опубликовать Адженду по "фрагментам" -- маленькими кусочками. Но Сатпрем помнил, что Мать сказала: "Когда-нибудь

(*) На самом деле Сатпрем не рассказывал это. Спустя шесть с половиной часов после того, как сердце Матери остановилось, ученики вынесли ее тело из жилой комнаты и поместили его в холле, под металлическим потолком и палящими рефлекторами, и тысячи людей стали вереницей проходить перед ней -- тогда как она говорила: "Это тело должно быть оставлено в покое." мы опубликуем ее в целом -- интегрально". Именно это мы пытались делать. И постепенно служащие ашрама (то есть новые служащие) стали раскрывать, что у них было в голове.

Прежде всего, они решили "редактировать" Адженду. Они хотели править слова Матери.

Это в самом деле удивительно, ведь как они могли знать, как связать слова, которые Мать говорила Сатпрему в 1958 г., с теми, которые она ему говорила в 1968 г.? Только Сатпрем знал, что происходило. Только он знал, как связать весь этот материал.

Но они были непреклонны. Они сказали: "Нет. Только старшие садхаки (как они называли их) знают, что следует сделать".

И так мы начали думать, что "что-то здесь не так".

Поэтому мы попытались издать ее интегрально. Мы поместили в журнале ашрама объявление, анонсирующее публикацию Адженды. Но затем мы вынуждены были изъять это объявление, потому что попечители ашрама не хотели этого.

Так что же делать?

Затем постепенно начало вырисовываться их настоящее лицо.

Но поскольку после ухода Матери Сатпрем написал о ней трилогию, то его попросили приехать во Францию. И тогда мы узнали, что Сатпрем имеет право опубликовать слова Матери, потому что он был единственным, с кем беседовала Мать! До этого мы об этом не знали. Только во Франции мы узнали это.

И так мы начали издавать беседы матери с Сатпремом, которые известны как Адженда Матери.

Товарищ: Какой период она покрывает?

Она началась в 1957 -- даже раньше, в 1956.

Хотя в то время не было магнитофона...

Сатпрем: В то время я убежал из ашрама!

Суджата: Не только это, но еще и не было магнитофона.

Товарищ: Так какой же период она охватывает?

С 1955 по 1973.

Ауровиль: попытка убийства.

Товарищ: Сатпрем, какова Ваша связь с проектом Ауровиля, его строительством, его жизнью?

Сатпрем: О, Мать рассказывала мне множество вещей об Ауровиле! Но, сказать по правде, в самом начале я не был сколь-нибудь заинтересован в Ауровиле. То, что интересовало меня, был опыт Матери.

Но, конечно же, Ауровиль был попыткой воплотить этот опыт на человеческой шкале и, прежде всего, коллективно.

Может ли эта новая Сила воплотить себя? Может ли в самом деле новый вид расти и развиваться в группе человеческих существ, живущих вместе, в коллективном окружении?

Вот в чем состояла попытка основания Ауровиля.

Но в действительности я не был вовлечен в это дело, поскольку это вовсе не было моей заботой. Моим делом был опыт Матери.

Я начал вовлекаться в него... после ухода Матери.

В самом деле, что осталось после ухода Матери?

Что, практически и конкретно, осталось?

Оставались три вещи.

Во-первых, эта легендарная Адженда, те беседы об опыте Матери -- я был с ней в течении девятнадцати лет -- все беседы, в которых она объясняла курс, которым следовала. Это невероятный документ.

Вот что осталось, прежде всего -- Адженда.

Затем был Ауровиль, который явился попыткой ВОПЛОТИТЬ этот опыт.

Товарищ: Чем на самом деле является Ауровиль?

Ауровиль расположен в каньонах возле Пондишери. Это участок красной почвы -- там действительно нет ничего: несколько хижин и группа людей, почти из всех стран мира, ищущих "чего-то иного", даже не зная, чем является это "нечто иное", но эти люди НУЖДАЮТСЯ... да, в другом типе жизни, чем та, которую мы ведем, болезненно, повсюду на земле. И те, кто более или менее поняли, что Мать и Шри Ауробиндо пытались сделать нечто иное, появляются в этой человеческой материи.

Третьей вещью, которую оставила Мать, был ашрам.

И ашрам... означал, да, людей, закрепленных в истине. Они были "собственниками" -- в их "собственности" были Мать и Шри Ауробиндо. Они были в их распоряжении.

И, конечно же, они знали все. Им нечего было учиться чему-то от кого-то. Они делали свои медитации, они делали свои... -- они были собственниками.

Тогда как Ауровиль -- это совсем другая история! Это была группа немного эксцентричных людей, как казалось, которые не слишком то много заботились о медитации, но которые хотели ЖИТЬ более настоящей жизнью, более ЖИВОЙ жизнью, и были готовы пытаться экспериментировать.

Так что, естественно, консервативные силы, которые не хотели шевелиться -- которые были закреплены в истине -- немедленно попытались заявить о своей собственности КАК на Адженду Матери, ТАК И на Ауровиль.

И когда они попытались утвердить свою собственность на Адженду, что означает править ее -- поскольку они были очень напуганы тем, что Мать могла сказать -- я отказался.

Суджата: Он просто не мог.

Сатпрем: Для меня в самом деле было невозможно, Вы знаете, согласиться с тем, чтобы править Мать.

Так что же на самом деле поняли эти люди?

Мать постоянно говорила мне... как много раз она говорила "Они не поняли ничего!"

И, получается, что те люди, которые не поняли ничего, хотели быть "старшими учениками", чтобы оценить, какие слова Матери были "справедливыми".

Что они поняли из того, что было "справедливо" у Матери?

И что за претензия полагать: это справедливо, а это нет.

Они зашли даже так далеко, что заявили, что Адженда не достоверна! Потому что ее не редактировали и не смотрели служащие ашрама. Но все это в прошлом. Прошлая история, да, как бы там ни было... я много боролся.

И тем же образом они пытаются завладеть Ауровилем.

В Ауровиле было множество иностранцев -- множество людей почти всех национальностей. И Индия была одной из тех стран, которые вкладывали деньги в строительство Ауровиля -- ведь нужно уйму денег, чтобы начать грандиозный проект. Всякий человек, который во времена Матери вкладывал деньги -- пытался вложить деньги -- объявлял себя "собственником Ауровиля". И поскольку такой человек был очень ловким бизнесменом, то он пытался нажиться на "Великом Духовном Предприятии" -- большом Ауровильском Диснейлэнде, с друзьями из Америки, Германии, Франции, Италии и отовсюду. Но Ауровиль отказался играть в эту игру.

И вот тогда я вышел на сцену. Потому что я ВИДЕЛ, какая это подделка. Так что я пытался предупредить ауровильцев, поскольку поначалу они даже не подозревали об опасности.

Мы не хотели сооружать в Ауровиле другой Диснейлэнд.

Мы не хотели духовного цирка на угоду телевизионным сетям. Это было нечто... это была трудная попытка.

Так что, ауровильцы должны были сначала понять это.

Но тогда те "ауровильские собственники", да, использовали все возможные средства, чтобы... да, вот почти и все, что можно сказать.

Товарищ: Вы не обвиняете прямо кого-либо отсюда, но, возможно, мы могли бы поговорить об атаках...

Но обвинять...

Товарищ: ... и, в особенности, если Вы согласны, я хотел бы услышать историю о каньонах. Почему бы Вам не рассказать ее?

Хорошо, да, кто-то пытался убить меня -- это верно. Но очень трудно сказать, кто же.

Товарищ: Что же произошло?

Каждый день я гуляю в каньонах -- я привык гулять в каньонах -возле Пондишери. Затем я сажусь у края каньона и всматриваюсь... вдаль. Там летают чайки, возвращающиеся в каньоны. Я любил... я люблю их. Это очищало меня ото всего. И однажды, когда я, как обычно, сидел там, ко мне подошли три человека -- они вышли из ложбины, в которой скрывались, прямо передо мной -- и я сразу же понял и почувствовал "Они пришли убить меня".

Я не знаю, что затем произошло (я действительно ничего не делал), но я был таким, как если бы меня не существовало: во мне не было ни одной реакции. Я смотрел на тех людей, и во мне ничто не шевелилось. Не было ни одной эмоции, ни единой вибрации. Внезапно произошло так, как если бы я ФИЗИЧЕСКИ был лишен всех человеческих реакций. Я смотрел на все так, как смотришь на происходящее с кем-то другим.

Два человека подошли ко мне спереди, тогда как третий, убийца, оставался сзади (я сразу же заметил его, у него были большие золотые глаза). И я просто сидел там. Они начали говорить между собой (те двое впереди меня), делая жесты, означавшие, что они сбросят меня в каньон. Я слушал их и был как бы прозрачным -- как если бы все проходило через меня без... не вызывая ни одной реакции.

В определенный момент нечто во мне сказала "Теперь встань". Поэтому я поднялся. Я повернулся спиной к каньону. Теперь все трое были передо мной. Двое взяли меня за руки с каждой стороны. Один из них снял с меня часы, возможно, чтобы инсценировать ограбление, не знаю. Затем убийца стал передо мною.

И затем... не знаю, его кулак был внизу, и он начал его поднимать, чтобы толкнуть меня... Я следил за движением этого кулака, и наши глаза встретились... Все вещи были как... я не могу сказать, это было столь прозрачным, как если бы ничто не происходило. Затем... я увидел, что кулак его опускается, падая. Он выглядел так, как если бы был немного испуган. И сразу же они повернулись и побежали, как в панике.

И внезапно я осознал, что только что произошло, и мое сердце начало колотиться! Я вдруг осознал, что нечто произошло. Но все время, пока это происходило, я был как бы... как будто ничего не происходило!

Я думаю, что понял (впоследствии), что физически произошло... В действительности, это "другое состояние", другое состояние чисто клеточной материи, свободной от своих покрытий -- того вечно присутствующего слоя физического разума с его опасениями, страхами, его... привычкой реагировать -- всего того, что покрывает нас, что покрывает наше тело и наше существование, что притягивает смерть, притягивает каждый несчастный случай. Ведь мы постоянно живем в страхе того или этого, или с вопросом о том или этом... да, в течение пяти, шести или семи минут, пока все это длилось, я был абсолютным нулем. Иными словами, не было НИ ЕДИНОЙ ВИБРАЦИИ в моем теле. Мое сердце билось не чаще, чем обычно. Я смотрел на все это, как если бы оно не имело никакой реальности. Следовательно, это происходило так, как если бы их сила, я полагаю, проходила через меня, не встречая никакого сопротивления или препятствия. Она не могла зацепиться ни за что. Тогда как, если во мне была бы хоть малейшая реакция страха, некоторое опасение или даже движение САМО-ОБОРОНЫ, они бы мгновенно меня убили! Но все это проходило через меня беспрепятственно. Я был как тонкий воздух. Вы не можете убить тонкий воздух!

Товарники: Ничего не оставалось!

Ничего не оставалось! Я поистине был НУЛЕМ. Это было... совершенно необычно, должен сказать. И только впоследствии, когда они внезапно обратились в бегство, я САМ начал снова осознавать самого себя. И мое сердце заколотилось: "О, кто-то только что пытался убить тебя!".

Я сказал себе: "О, кто-то пытался убить тебя!".

Но все время, пока это длилось, не было абсолютно ничего!

И если я чувствовал бы нечто, то нечто БЫЛО БЫ!

Человек после человека: следующее состояние.

Я думаю, это... (как бы сказать?) "восприятие" нового состояния материи. Это состояние, в котором вещи не имеют более какой-либо реальности -- будь то смерть, несчастный случай, болезнь, атака, эта или та вещь не имеет больше никакой реальности! Для чистой, простой, по детски искренней материи -- все то не имеет реальности!

Мы знаем, как дети выходят невредимыми из любых невероятных перепетий, потому что для них те вещи не имеют никакой реальности! Их материя еще не слишком "покрыта" всеми теми привычками, в которых мы вязнем.

Так можно почувствовать, каким может быть следующее состояние материи: материи, которая утратила свой страх, свои опасения, свои привычки, свои несчастные случаи, свою смерть -- все те вещи, которые висели на ней в течение тысячелетий.

И какова же чистая материя?

Она по-детски искренняя: нет больше несчастных случаев, нет больше законов... она освободилась, она не вредит себе.

Товарники: Вы думаете, что именно таким будет "человек после чело века"?

Это просто ПРОБЛЕСК того, чем может быть человек после человека -только намек на это. И я думаю, что некоторые люди могут иметь этот тип переживания, в котором внезапно "груз" сброшен с нас и с наших реакций. И невозможны никакие несчастные случаи! Пули могут быть выпущены, но они не тронут нас!

Товарники: А что насчет состояния "сверх-сознания", о котором упоминал Шри Ауробиндо?

Он говорит "супра-ментал".

В точности, это состояние вне разума. Мы -- это... сплетение ментальных реакций -- очень рудиментарной природы, но мы, тем не менее, полностью покрыты разумом. Наша малейшая реакция наблюдается... откладывает свой отпечаток, оставляет свою память.

Так что супраментальное состояние является состоянием, свободным от этих отпечатков, свободным от тех воспоминаний.

И тогда мы свободны!

Материя в самом деле свободна! В мире нет ничего более пластичного и податливого, чем материя. Она способна на все. Она может приспособливаться к чему угодно, принимать любую форму. Но сначала мы, очевидно, должны избавиться от обусловленности. Мы должны прорваться через все эти ментальные слои, покрывающие наше природное состояние: к чистой клетке, без страха, без границ. Ведь материя также общается со всем, вы знаете. Материя не ограничена каким-то частным телом; она мгновенно связывается со всем остальным. Поскольку она В САМОМ ДЕЛЕ повсюду. Физик скажет Вам то же самое: "Вы не можете разбить материю на маленькие кусочки". То, что чувствуется здесь, мгновенно чувствуется там. Это ОДНА И ТА ЖЕ вещь. ОДНО И ТО ЖЕ бытие, ТА ЖЕ САМАЯ Вибрация, или ОДНА И ТА ЖЕ длина волны. Так что, очевидно, материя знает саму себя, будь то здесь или десять тысяч миль отсюда!

Поэтому появляется совершенно другая МОДА жизни. Вот чем является человек после человека: нет больше отделения, нет больше барьеров, нет больше непонимания. Нечто начинает быть светлым и... естественным.

Товарницки: Немецкий философ Хайдегер в своей философской системе обычно использует слово "gelassenheit", что, грубо говоря, означает "пусть будет".

Да.

Товарницки: состояние сдачи, открытости, пригодности к ответу.

Да, да, да! Это... точно так.

Но не просто в разуме или в сердце, или даже в ощущениях -- это должно быть В ТЕЛЕ.

Это состояние очень хорошо знает ребенок. Он полностью находится в состоянии сдачи.

Чего же он должен бояться?

Страх начинается с памяти.

Ограничения начинаются с памяти.

Это начало аквариума.

Товарницки: Но мы же... мы говорим о "теле", а затем говорим о "сознании".

Но это одно и то же!

В точности так!... Это в точности то, что мы непосредственно понимаем: что материя есть сознание, что сознание есть материя. Если взять уравнение Эйнштейна: Материя=Энергия, то в нем пропущен один член; должно быть: Материя=Энергия=Сознание.

Товарницки: Но тогда, из-за того, что наш язык, вероятно, слишком приблизителен, наш упор на "тело" может проистекать из того факта, что в прошлом мы слишком часто подчеркивали лишь разум или то, что мы называем "сознанием". Не следует ли нам использовать другое слово, которое не было бы ни "телом" (это слово ограничено), ни "сознанием" (это слово тоже ограничено), чтобы определить или выделить то измерение, где сливаются эти две различные реальности, два различных аспекта!

Но они не разные! Они не разные. Это ОДНА И ТА ЖЕ вещь.

Товарницки: в различных аспектах.

Это мы видим аспекты. Когда это не прекрyто, нет больше "аспектов" -- ЭТО ПРОСТО ЕСТЬ. Это просто одно переживание.

Вибрация сознания в материи -- это нечто, что можно воспринимать тем же образом, как воспринимаешь благоухание цветка. Сознание материи подобно этому благоуханию, если угодно.

Вы понимаете, мы постоянно ВИДИМ материю как "вещь" или "объект". Но в том чистом состоянии вы ПЕРЕЖИВАЕТЕ -- вы переживаете материю. Это не нечто, на что вы смотрите. Вы в этом.

Суджата: Можно мне сказать?

Вы понимаете, это как дерево. Это одна и та же энергия в дереве, которая выбрасывает побеги, распускает цветы, приносит плоды. Нам кажется, что это различные аспекты, но это одна и та же вещь!

Сатпрем: Да, точно так. Это одна и та же Энергия.

Товарнички: Вы должны принять, что даже сегодня трудно говорить об этих вещах. Как если бы наш язык был все еще...

Наш язык ментализирует все. Он видит все как "объекты". Он видит все как нечто "отличное" от себя. Это как непрерывный кинематограф. Он никогда не находится В вещи... в ментальной жизни, какой мы ее знаем, мы никогда не находимся в вещах. Мы всегда в наших представлениях о вещах или в нашем восприятии их.

Тогда как начало настоящей жизни -- поистине человеческой жизни -это нечто, на что больше не смотришь со стороны; просто ЧУВСТВУЕШЬ САМОГО СЕБЯ, ПЕРЕЖИВАЕШЬ САМОГО СЕБЯ -- живешь во всем. И не как нечто отличное, а как часть одного и того же тела.

Конечно же, очень трудно говорить о той другой жизни. Но, ясно, это другая жизнь В материи. Другая мощь бытия В материи.

В каньонах я имел проблеск того прозрачного состояния... тогда осознаешь, что смерть больше невозможна -- она попросту не существует. Невозможен несчастный случай. Невозможна болезнь. Это просто "обычная" ложь. Мы живем в ущербной привычке, которая ПОРОЖДАЕТ болезнь, несчастный случай, смерть и все остальное. И как раз на другой стороне этой "мембраны", да, существует невероятная свобода -- ТЕЛЕСНАЯ СВОБОДА!

(пауза)

Товарнички: Это настоящая тайна: что мы существуем. И не по манере животных, не по образу неживленных объектов, а на свой особый лад.

Как если бы в человеке был особый замысел -- который не берет что-либо из дерева, камня или животного -

Конечно же, есть замысел!

Товарнички: -- но который наделяет человека особой судьбой в целом.

Конечно, человек имеет совсем особенную судьбу. Из всех видов только он способен подняться над законом своего частного аквариума.

Каждый вид... материя рыбы и материя человека совершенно аналогичны, как Вы знаете. Между ними нет фундаментальной разницы, за исключением того факта, что рыбы являются пленниками своих привычек, и они вполне согласны со своими привычками. В действительности, каждый вид вполне доволен -- кроме нашего. Почему?

Да в точности потому что мы СПОСОБНЫ сделать то, что не может сделать ни один другой вид: дойти до дна нашего аквариума, чтобы увидеть, из чего он сделан, и РАЗБИТЬ привычку.

Рыба не может бросить привычку быть рыбой.

Но человеческое существо может выйти из своей привычки быть человеческим существом.

И это в точности путь Матери и Шри Ауробиндо: вместо того, чтобы идти все время вверх,

на вершину Духа, они погрузились на дно аквариума, чтобы увидеть, что было там. И они обнаружили, что аквариум был просто продуктом определенной привычки, и что можно пробиться через него в иное "бытие" или "моду бытия".

И вот, вероятно, почему мы задыхаемся, а наша человеческая жизнь столь болезненна -- чтобы ВЫНУДИТЬ нас найти настоящий КЛЮЧ.

Другим видам не нужен ключ -- они довольны.

И я думаю, что все страдания нашего времени, в котором все так задыхается и кажется находящимся на грани крушения, является доказательством того, что мы все ближе подходим к той точке, когда мы КОЛЛЕКТИВНО сможем разбить аквариум.

И где же появиться?

В человеческом бытии, в самом деле.

Мы еще вовсе не там.

Товарищ: Вы имеете в виду настоящий момент?

Мы являемся скопищем привычек, которые считаются человеческими, философскими, этими или теми. Но на самом деле это не человеческое бытие.

Мы еще не знаем настоящее человеческое бытие.

Мы только учимся быть людьми.

Товарищ: На этот вопрос можно посмотреть и под другим углом. Мы много говорим о человеке, конечно же, потому что, предположительно, он играет особую роль во вселенной. Но если человек выйдет из своего аквариума, то, возможно, это будет полезно не только ему одному -- создать гиперсознание для себя -- возможно, это поможет прийти в существование, проявиться, выразиться чему-то, что не его.

Что Вы подразумеваете под "не его"?

Товарищ: Хорошо, человек появился во вселенной самым последним. Да.

Товарищ: Так как насчет остального? Фокус всегда на человеке. К чему это гипер-сознание? Зачем выходить из аквариума? Чтобы человек стал чуть счастливее? Чуть более светлым? Существует также целостная взаимосвязь между между самим человеком и тем, чем он не является.

Но каждая взаимосвязь и взаимообмен становятся другими в то мгновение, когда Вы оказываетесь вне аквариума! Само представление об "истинном я" больше не является тем же самым! Я не был никогда столь свободным и столь неуязвимым, как когда я был полностью нулем в тех каньонах. При этом вовсе не было "меня". Если бы был "я", они убили бы меня мгновенно. Этот "я" ВСЕЦЕЛО смертный.

"Я" -- это ложь.

Но это не означает, что по другую сторону аквариума Вы теряете всякую индивидуальность! Там остается та "точка отсчета", которая усердно строилась в течение 30, 40 или 50 лет -- эта точка отсчета осталась. Но Вы больше не ощущаете себя как "Я" (с большой буквы).

Товарищ: Что же тогда происходит?

Можно говорить об этом только на основе собственного опыта. Мой опыт весьма "слабый". Я не могу...

Товарищ: Горы выглядят по-другому? Вода кажется другой? Небо другое?

Мать говорила множество вещей в связи с материальной видимостью. Она рассказывала о многих очень пленительных вещах. Но пусть она сама скажет об этом.

Что же касается моего опыта, то это в основном радикальное изменение в восприятии человеческих существ -- что движет ими, что побуждает их. Я ощущаю эти вещи совсем иным образом.

Товарниcki: Ведь человек не пришел первым. Перед ним было "То", из которого

- из которого он возник?

Товарниcki: До человека было "сущее". Когда человек открыл свои глаза, это уже было.

Конечно!

Товарниcki: Он не первый. Он не Господь и Мастер вселенной, как часто говорилось. Ребенок едва лишь открыл свои глаза (даже первый ребенок в мире), и нечто уже дается ему, нечто, что он не произвел и на чем он будет базироваться: "сущее". Возможно, это первичное слово, изначальная база: "сущее". "То". И человек уже в "Том".

Да.

Товарниcki: И тогда...

Но дело в том, что мы не можем выбраться из человеческого -- нашего аквариума -- пока мы не находимся в контакте с "Тем"!

И "То" есть нечто, чем можно ДЫШАТЬ в теле, вы знаете. Это не идея. Невозможно выбраться из человеческого аквариума, не установив сначала контакт с "Тем сущим".

Товарниcki: Но "То сущее"...

"То сущее" везде и во всем.

И вот почему существует мгновенная "связь" со всем, понимание всего, ПОМОЩЬ отовсюду.

Товарниcki: Всегда и повсюду только "человеческое понимание"! Позвольте мне сформулировать парадокс. Что, если однажды окажется, что вещи "понимают" нас лучше, чем мы их?

Но вещи уже очень хорошо нас понимают!

Дерево достаточно хорошо понимает те манипуляции, которые Вы делаете.

Я думаю, что весь мир хорошо понимает, кроме нас!

Действительно, ВСЕ хорошо понимает. Дерево достаточно хорошо понимает. Я прикасался ко множеству камней... я люблю камни, и в камнях есть нечто, что чувствует.

(короткое молчание)

Я думаю, что мы переворачиваем вещи с ног на голову: мы предположили, что человек имеет некоторую преогоративу сознания, а все остальное, да, немного отстало. Но на самом деле все не так!

Я даже думаю, что несознательными являемся только мы.

Мы сознаем "нас". Это наша большая проблема. Но это также и наш рычаг, потому что благодаря той лжи мы вынуждены искать ключ.

И ложью является думать о себе как о "я" -- отдельном сознании, способным в одиночку быть сознательным.

Вот в чем ложь.

На другой стороне аквариума все происходит иначе. Из того малого, что я пережил, могу сказать, что существует мгновенная "связь" со всем. Некое понимание, никак не связанное с отдельным объектом -- Вы понимаете нечто, потому что вы В нем.

И тогда появляется совсем иная мощь! Это совсем другая "мощь" бытия.

Очень показателен пример с каньоном: те люди не могли убить.

Мировая битва.

Товарники: Какова позиция Шри Ауробиндо и, возможно, Матери, по отношению к Дзену?

Этого я не знаю. Они не говорили что-нибудь конкретного об этом.

Но, понимаете ли, ВСЕ хорошо. ВСЕ является "гуру" -- винная лавка ниже по улице, и Мастер Дзена и птица или... абсолютно все -- и автобус, который Вы пропустили. Все является гуру. Все ПОМОГАЕТ. Все же, вместо того, чтобы осознать, что каждая вещь является указанием и помощью, мы обычно проходим мимо, смотрим на нее обычными глазами. Иными словами, мы не видим ничего.

Так что Дзен очень хорош, Христианство очень хорошо, винная лавка очень хороша -- при условии, что мы знаем, как открыть наши глаза и использовать то, что лежит перед нами, чтобы выучить тот урок, который на следовало бы выучить.

Так что не о чем судить; ни на что не следует смотреть как на высокое или низкое. Все является материалом, помогающим нам гулять по дороге.

Будет ошибкой сказать: "Дзен -- то, что надо" или Христианство. (В действительности, я даже не думаю, что Дзен говорит подобную вещь). Сказать "вот то, что надо" о чем-либо -- это один смертный грех. Мы уже мертвы.

Товарники: Вы не опасаетесь, что люди обвинят Вас в создании некоего ухода в себя? В отходе от мира, так или иначе?

Небеса! Моя борьба далека от того, чтобы быть уходом!

Я не знаю... всю свою жизнь я был вовлечен то в ту, то в другую борьбу. Дорога, которой я следовал, мало чего общего имела с уходом, уверяю Вас! Я сталкивался со всевозможными способами бытия, бывал во всевозможных странах и во всевозможных обстоятельствах. Я тащил мешки со слюдой, искал золото в болотах, рыл котлованы... сталкивался со всевозможными вещами. Где же здесь уход?

И теперь, потому что я нахожусь в горах... моя жизнь -- это НЕИСТОВАЯ битва.

Писать "чисто", пытаться правдиво говорить о вещах, с силой и искренностью -- это битва. Это битва -- позволить им пройти через себя "чисто" -- выражать "чисто" то, что должно быть выражено.

Товарники: Тогда как остальной мир бьется с трудностями, Несправедливостью...

Но как раз за это мы и сражаемся!

Мы точно сражаемся ради этого бедного мира. Пытаемся просочить в него НАДЕЖДУ и ИНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ.

Товарники: А как насчет борьбы на человеческом, социальном плане?

Да, да, да.

Товарники: Вы понимаете это?

Но борьба совершенно неизбежна, конечно же!

Однако решение не там, где его ищут.

Одна совершенно необходимая вещь -- это бороться. Будь то справа или слева, но важно вложить все свое сердце в это, все, что Вы имеете и всю свою искренность -- на какой бы стороне Вы ни были. Вот что важно. Потому что она заставляет нечто ИНОЕ расти и развиваться в существе.

Вот существенная часть.

Но полагать, что решение заложено в капитализме или в марксизме, маоизме или что оно религиозное или духовное -- верное доказательство тому, что наша старая человеческая глупость все еще пытается упаковать все в ящик. Это не решение.

Решение заключается в том, чтобы идти до дна аквариума, двигаться к настоящему человеческому дыханию -- к тому, чем мы на самом деле являемся.

Провал. Крик. Волшебная история.

В действительности, мы ВЕДОМЫ туда, через те непреклонные бомбардировки всех наций, всего человеческого сознания, всех церквей, всех групп... чувствуется, как если бы все было смешано в общую массу, гуща с пылью, чтобы достичь дна всего этого.

Нам было показано, сколь противоречивы и неэффективны все наши человеческие решения -- что они не ведут никуда.

К примеру, можно взять человека из Индии, который мне очень нравится, его зовут господин Тата, и он сделал очень много, чтобы помочь Ауровиллю вырваться из лап тех духовных торговцев. Этот человек возглавлял баснословные индустриальные предприятия Индии, он был первым человеком, который совершал перелеты на длительное расстояние -- он был отважным человеком. И вот в конце всех этих лет борьбы и видимого успеха он вдруг осознал грандиозный провал. Он надеялся, что его индустрия, его открытия и грандиозная организация помогут смягчить бедность Индии -- он сокрушен ее нищетой. И он осознал, что несмотря на всю свою индустрию и вклады он неспособен помочь своим индийским братьям. Он истощен... Он потерпел крах.

И я полагаю, что ВСЕ кончается крахом, чтобы открыть или показать нам единственно возможную дверь.

Можно взять к примеру и Андре Малраукса как западного представителя определенного блестящего успеха. Но Малраукс также потерпел крах -- он закончил падением. Каковы же практические результаты всего его чудесного ментального ловкачества?

Товарницы: Вы встречались с ним?

Я не встречался с ним, но Малраукс -- это тот человек, которого я по-настоящему понимал своим сердцем. Его отвага, его решительности ввести в действие то, что он чувствует -- все это имело значение для меня. Но он никогда не был способен (хотя, по-видимому, он боролся и сражался предостаточно), он никогда не был способен выйти за границы своего ментального жонглирования -- возможно, чудесного, но... Он был чудесен внутри аквариума, но он никогда не мог выйти на другую сторону.

И мне кажется, что это применимо к каждой кажущейся успешной жизни. Взять хотя бы великого предпринимателя Тату или великого интеллектуала Андре Малраукса, или любого "великого" человека -- я думаю, что даже Эйнштейн в конце своей жизни уперся в стену.

Мы все уперлись в стену. Будь то марксисты, христиане, индусы или китайцы, все мы уперлись в стену. Если Вы родились в Москве, что же, боритесь как москвич. Это совершенно прекрасно.

Но решение не лежит ни в одном из этих мест.

Вот что должны понять человеческие существа. Потому что понять... это звать.

Если бы рыба (возьмем ту же метафору) не начала задыхаться, она никогда не сделала бы необходимого "шага" к мутации -- стать амфибией.

Мир должен задыхаться до определенной степени, и тогда вдруг внезапно раздастся крик -- КРИК.

Тогда все становится возможным.

Тогда этот аквариум, кажущийся столь грандиозным, становится бумажным пакетиком, не имеющим никакой реальности. Он может внезапно взорваться или расплавиться.

Но должен быть КРИК. Должен быть ЗОВ.

Товарницы: И, в заключение, если бы Вы говорили с детьми...

Но это волшебная история! -- говорила Мать.

По другую сторону от этого грандиозного, ужасного, электронного, неумолимого и биологического аквариума нас ожидает волшебная история!

И можно понять, что это волшебная история, потому что больше нет "законов". Все законы были в нашем РАЗУМЕ.

На другой стороне начинает существовать другой вид просветленности. Это... человечество, непостижимое, действительно, для всех, кроме детей.

Товарники: Что Вы им скажете?

Детям?

Я не уверен, что следует много говорить ребенку, потому что он будет спонтанно это переживать. Он сольется с волной, потеряет себя с чайкой... Ребенок -- не испорченный -- ЖИВЕТ этим естественно.

(короткое молчание)

Возможно, ребенок -- это тот случай, когда чем меньше говоришь, тем лучше, за исключением сказок и волшебных историй.

А мы все свое время тратим на то, чтобы покрыть эту мощную простоту ребенка всевозможными "Этого нельзя делать", "Это невозможно", "Это устроено иначе". Слои за слоем мы накладываем запреты и невозможности. Тогда это безнадежно. Вот что должно разрушиться -- все наши слои невозможности.

* День Седьмой. ЧТО НЕ ЗА ДВАДЦАТЬ САНТИМОВ? *

Техническая цивилизация: ребенок разрушит ее

Товарники: Сатпрем, сегодня мир науки и технологии прочно обосо вался, укрепился в мире, с востока на запад, и с севера на юг. Это грандиозная сила. Как может...

Сатпрем: О, достаточно песчинки -- попала всего лишь песчинка, и машина заглохла. Абсолютно. Извини, я перебил тебя.

Товарники: ... Как же духовный опыт может ощутимо потрясти, демон тировать, трансформировать этот гигантский аппарат?

(короткое молчание)

Это чудовищный монстр, но он... хрупкий.

Еще в 1910 или 1912 году Шри Ауробиндо посмотрел на эту западную цивилизацию и произнес довольно устрашающие слова. Припоминаю, он сказал так (в одном из своих афоризмов):

"Европа гордится своей практической и научной организацией и производительностью. Я подожду, пока ее организация не станет совершенной; тогда ребенок разрушит ее."

Он видел это.

Все, что требуется -- это попасть маленькой песчинке в эту чудовищную машину.

Мы внезапно увидели это в 1973: просто перекройте нефтяной кран, и все начнет разваливаться.

Эта чудовищная машина напоминает космический корабль. Мы действительно находимся в нечто подобном чудовищной научной "капсулы", и достаточно отлететь одной маленькой гайке, чтобы вся капсула стала смертельной.

Достаточно отвернуться одной маленькой гаечке, и все остановится.

Как знать, не произойдут ли снова события 1973 года -- первое нефтяное эмбарго -- но уже в более радикальном масштабе? Или случится нечто неожиданное, о чем никто даже и не думает -- и внезапно эта чудовищная машина застопорится.

Посмотри, в тот момент, когда эту машину будет нечем подкармливать, замрет все -- от Луббока и Техаса до Гонконга и Вашингтона.

И человек внезапно обнаружит себя безо всей этой машинерии... точно как пять тысяч лет назад!

И поистине именно тогда, если такое случится, человек откроет свои глаза... на довольно болезненное представление о себе и о своих условиях. Он внезапно обнаружит себя как бы в начале цивилизации, но со внутренним осознанием полного цикла, который он претерпел. И он скажет себе: "Что... что это?"

Что он почувствует, что он совершил?

Возможно, именно тогда он подойдет к тому "моменту истины" глубоко внутри, когда человек должен БЫТЬ нечто. Не просто суммой машины+семья+ философия+религия, а поистине собственной НАСТОЯЩЕЙ человеческой пульсацией сердца.

Если одна такая секунда прочно укоренится в человечестве из-за того, что развалится вся машинерия, тогда, поистине, некое другое измерение сможет захватить человеческое сердце.

После Маркса и Мао, что?

Товарники: Можно встретить многих выдающихся людей и мудрецов, как в Индии, так и на Западе, кто обеспокоен условиями Индии, проблемой перенаселения. Как ты считаешь, это серьезная проблема?

О, конечно!

Товарники: Говоря о перенаселении, Дж.Р.Д. Тата заметил, что с 1946 по 1967 год население Индии возросло на триста миллионов человек.

Да.

Товарники: И если так пойдет дело, то с 1980 по 2000 или 2025 население Индии увеличится еще на триста миллионов.

Да. Это неразрешимая проблема. Неразрешимая, потому что НИКТО в Индии не имеет отваги делать то, что необходимо. Два-три года назад Индира Ганди пыталась контролировать уровень населения. Но ее усилия были бесстыдно извращены, ее обвинили в стерилизации женщин, в стерилизации мужчин -- целая политическая пропагандистская кампания была развернута против ее усилия побороть НАСТОЯЩУЮ опасность, угрожающую Индии. И она так сильно обожглась, что сомневаюсь, отважится ли она попытаться снова.

И все же это центральная проблема Индии. Нет других. Только эта проблема. Но НИКТО не хочет видеть это. НИКТО.

Так что это неразрешимо.

Это означает, что однажды, как обычно, Природа скажет: "Хватит так хватит". Она устроит маленькое землетрясение или нечто подобное и сметет эту кишачную массу раз и навсегда. Но, несомненно, нечто ДОЛЖНО произойти, чтобы остановить эту волну.

И, конечно, не только в Индии. Возьмем Китай: один миллиард человек.

Товарники: В чем же препятствие? С одной стороны, согласно Дж.Р.Д. Тате, пионеру индийской индустрии, экономическая политика социалистического (или псевдо-социалистического) толка со времен Неру ведет к чудовищной бюрократии, громадной администрации...

Да, это спрут!

Товарники: И теперь у нас есть двоякое опасение или мрачное предчувствие: во-первых, вздымающаяся волна перенаселенности. Он говорит, что любая попытка выправить ситуацию тут же поглощается -

Да, он прав.

Товарники: -- этим спрутом.

Он совершенно прав.

Товарницки: И этому нет конца.

Да.

Товарницки: И, во-вторых, он, по-видимому, опасается, что мировая ситуация -- как и ожидающие нас в будущем кризисы -- вынудит Советский Союз сделать стратегический ход и захватить индустриальные богатства Европы, среди прочих вещей. Не из-за того, что Советский Союз -- империя зла, а из-за того, что, как я упоминал раньше, для хорошего шахматиста Европа представляет лакомый кусочек, и это по может нейтрализовать Соединенные Штаты.

Я не верю в это.

Если они развяжут войну в Европе, то что же станет с "индустриальным богатством"? Все будет разрушено.

В этом я с ним не согласен.

Товарницки: Хорошо. Возможно, что Вы далеки от -

Это не так.

Это то, что говорила Мать. Это то, что видел Шри Ауробиндо. И то, что они видели, лежало за непосредственной видимостью -- силы, которые управляют нациями. Это не вопрос миллионов долларов или танков или... Все устроено не так. Существуют скрытые силы за внешней видимостью. И именно это видели Мать и Шри Ауробиндо.

Товарницки: Да.

И они видели опасность, связанную с Китаем.

Я тоже чувствую эту опасность.

Товарницки: Вы тоже чувствуете ее.

О, да!

Советский Союз подошел к КОНЦУ своего коммунистического эксперимента. И Мать говорила: "Они подошли к концу своего эксперимента и не знают, как из него выбраться." Они готовы к нечто иному (*).

Поэтому вместо того, чтобы прижимать их к стенке, вынуждать их на отчаянные действия; вместо того, чтобы окружать их как стаю волков -- все постоянно говорят "Советский Союз, Советский Союз", воющий волк, ты понимаешь, тогда как китайцы делают все возможное на своем уровне, чтобы... (как бы выразиться?) расшевелить это анти-советское настроение -потому что, если Советы будут чувствовать себя окруженными, обложенными со всех сторон, тогда они могут предпринять отчаянные действия. Тогда

(*) Разговор происходил в 1980 г. как, на самом деле, все, чего они хотят -- это найти выход из своего коммунистического тупика.

Они подошли к концу своей дороги.

Товарницки: Да, конечно, это весьма спорный вопрос.

Но, по сути, то, что я сказал -- это что они подошли к концу своей дороги.

Настоящий вопрос заключается в том, что же придет на смену Марксу и Мао? У Шри Ауробиндо был определенный ответ на это. И ответ заключается в материи. Истинный материализм. Возможно, "божественный материализм"?

Дж.Р.Д. Тата и Ауровиль, изменение человеческой природы.

Товарницки: А чем объяснить помощь Дж.Р.Д. Таты Ауровиллю?

А, здесь нечто другое.

Товарницки: Можно об этом поговорить?

Конечно, можно.

Товарницы: Знаете ли Вы точно, что он сделал?

Он очень помог Ауровиллю.

Ауровиль был блокирован продажной полицией, которую подкупили "собственники Ауровиля" (в кавычках).

Товарницы: Собственники земли?

Да...

Они не были "собственниками". Мать поставила во главе нескольких людей (нужно иметь средства, чтобы начать строить город); она попросила одного или двух учеников сконцентрироваться в особенности на привлечении капитала, чтобы помочь рождению или созданию Ауровиля.

И те люди, которым она поручила это дело, чтобы помочь развитию Ауровиля -- это те самые люди, которые объявили себя "собственниками Ауровиля"! Очень просто и без обиняков: "Мать ушла, поэтому мы собственники".

И так эти "собственники" (они были беспринципными людьми -- настоящие жулики) использовали все писанные и неписанные средства, чтобы попытаться удержать власть над Ауровилем. И, к сожалению, в условиях, когда коррупция заполонила все в Индии, они КУПИЛИ всех -- полицию, деревенских жителей, разных официальных представителей -- чтобы от имени правительства выгнать или задушить жизнь тех жителей Ауровиля, которые отказались участвовать в мошенничестве и большом духовном бизнесе. Они использовали абсолютно все. Некоторых из них они засадили за решетку, они... о, какие мерзости они только не вытворяли!

Товарницы: Включая агрессию?

Да, точно, включая агрессию!

И тут мистер Тата очень помог... вы видите, в самом деле нужно, чтобы Ауровиль был защищен ото всех этих торговцев. И он согласился -

Товарницы: Да, это нечто...

Он согласился, чтобы использовалось его имя, и он заявил: "Я гарантирую, что в Ауровиле будет порядок." Да, когда кто-то набодобие м-ра Тата гарантирует нечто, то это кладет конец множеству интриг; это удерживает многих гиен от того, чтобы они натворили бед.

Он очень помог таким образом.

И он не только дал свою личную гарантию, но и несколько человек объединились, чтобы основать... не институт, а некое общество, названное Ауромитри, что означает "Друзья Ауровиля", чтобы защитить Ауровиль от этих мошенников.

Товарницы: И почему он это сделал?

Конечно же, из любви! Просто потому что он верил; он верил в этих молодых людей... в группу из нескольких сотен молодых людей, живущих здесь: немцев, итальянцев, канадцев, американцев, французов. Он видел их. Он видел их энтузиазм и искренность. И даже если они выглядели эксцентрично или необычно, в них было нечто здоровое, нечто подлинное, настоящее.

Он увидел это.

Поэтому он сказал себе: "Я буду гарантировать неприкосновенность этих людей."

И, с другой стороны, он видел людей, называвших себя "собственниками" -- он ясно видел, что это мошенники.

Так что, поскольку Тата великодушный и очень простой человек (он в самом деле очень простой и прямой человек; Тата -- человек с сердцем, большим сердцем), то он сказал себе: "Я буду защищать этих молодых людей от интриг и коррупции тех людей" -- которые принесли в

полицию ложные обвинения, которые хотят их арестовать...

Он дал свою личную гарантию. Он имел мужество сказать: "Нет, нет, нет, так не пойдет."

Товарницы: Вы видели Дж.Р.Д. Тату несколько раз, не так ли?

Да.

Товарницы: Он знает, что вы пытались делать, что делала Мать. Он даже ходил туда...

Да.

Да, но он на самом деле не понимает, как то, что предприняли Мать и Шри Ауробиндо, может помочь теперешнему человечеству практическим и конкретным образом. Он этого не понимает.

Потому что, по его мнению, проблема, главным образом, экономическая.

Все же, как он сам допускает, то, что требуется, это изменение в человеческой природе.

Поистине, требуется не столько изменение в бумажнике Индии, сколько изменение в человеческой природе. Если вы не измените человеческую природу, то всегда будете терпеть крах.

Иными словами, это не экономическая проблема.

Товарницы: Или, возможно, здесь и то и другое. Он думает, не найдя экономического решения, что все попытки улучшить человеческую при-

роду -- "качество человечества", как сформулировал это основатель

Римского Клуба -- обречены на провал, потому что они будут пресе-

каться другими силами, которые мы не сможем учесть. Если мы оставим

без присмотра огонь в соседнем лесу, не борясь с ним, то в чем тог-

да смысл опыта, нацеленного на открытия пути будущим видам? Сможет

ли сила такого опыта контролировать огонь? Или же огонь будет бесп-

репятственно и неукротимо распространяться и положит конец всему...

Все, что Вы говорите, совершенно верно, но мы продолжаем говорить о будущем вида как... если бы это было целиком делом будущего! Но мы УЖЕ В НЕМ -- это происходит уже сейчас.

Мы облакаем явление в неправильные объяснения. Но настоящее явление имеет эволюционный порядок.

Товарницы: Точно.

Истина состоит в том, что старый вид ломается, так что новая возможность смогла бы появиться из него.

И это настоящий ключ ко всему.

Товарницы: Так что...

Новый вид не в следующей декаде; он как раз здесь и сейчас. Мы живем этим. Мы в ходе переживания этого.

Инстинкт

Товарницы: Затрагивает ли это погружение или спуск в клеточное сознание то, что мы называем инстинктом?

Инстинкт?

Что мы подразумеваем под инстинктом?

Это ментальное деление на категории. Мы наклеиваем на что-то ярлык, вместо того, чтобы смотреть в суть вопроса.

Что такое инстинкт?

Инстинкт человеческого существа? Инстинкт птицы?

Инстинкт чего? Инстинкт скалы?

Хорошо, инстинкт мира -- это... это БЫТЬ МИРОМ!

Инстинкт ядра захватывать электроны!

Инстинкт птицы -- это общаться со всем, с чем нужно, без какого-либо деления!

Мы не видим того, что мир есть единое целое, без какого-либо деления. Мы думаем, что можем воспринимать мир лишь через определенный инстинкт или врожденное представление о мире. Но все устроено не так! Имеет ли м-р Товарнилки "инстинкт" большого пальца ноги или же это большой палец является частью его?

Товарнилки: Может ли человек вывести нечто, научиться чему-то, наблюдая за животными, насекомыми?

Да, человек определенно учит то, что он позабыл.

Ты видишь, все сообщается друг с другом в этом мире; нет разделений. И только мы полностью отделены от мира.

Для птицы, мангуста, бобра мир непосредственен! Они общаются с тем, что им нужно.

Почему они общаются?

Конечно же, НЕ из-за того, что "смотрят" на нечто отдаленное и пытаются увидеть его лучше и... Они мгновенно ЯВЛЯЮТСЯ тем миром, какой им требуется. Мир не есть нечто вне мангуста! Мангуст ЧУВСТВУЕТ, ПЕРЕЖИВАЕТ мир. Он переживает кобру, переживает запах; это части его самого. Так что ему не нужно "предполагать"... Птице, летящей из Сибири, не нужно догадываться, где находится Цейлон! Цейлон не где-то там! В каждое мгновение мир разворачивается внутри животного. В тот момент, когда требуется чему-то быть, оно здесь. Оно не "где-то там". Оно не "завтра".

Товарнилки: Да, но человек не животное!

Да, он отрезал себя от всего на свете; он закрыл себя в аквариуме. Он больше ни с чем непосредственно не общается. Он должен изобретать телефоны, телексы, телевизоры или телескопы, чтобы общаться с чем-то "отдаленным".

Но в животном мире нет "чего-то отдаленного".

Вот что мы не понимаем.

Инстинкт птицы есть... ЕСТЬ мир. Он ЯВЛЯЕТСЯ географически. Он ЯВЛЯЕТСЯ Цейлоном. Он ЯВЛЯЕТСЯ каждую минуту, когда летит птица; и каждую минуту целый мир представлен внутри -- мир разворачивается внутри; это не так, что птица летит над миром.

Товарнилки: Но, ясно, что животное не может служить моделью для человека?

А почему бы и нет?

Как раз из-за этого мы страдаем больше всего: из-за нашей неспособности общаться с чем-либо, видеть что-нибудь ясно, знать что-то... Мы больше не знаем ничего! Кроме как через книги, комитеты, докторов, инженеров и т.д. Используя весь этот чудовищный аппарат, мы умудряемся знать очень немного. Но давайте попытаемся убрать... попытаемся избавиться от нашей машинерии, и тогда мы больше ничего не знаем о мире! У нас нет власти над миром, нет видения мира, кроме того, что у нас под самым носом.

Товарнилки: Ну, хорошо, но масштаб птицы или животного довольно ограничен. Человек занимает другое положение во вселенной. У него нет...

В тот день, когда человек вновь обретет дыхание животного, то тотальное сообщение животного, связанное с сознанием, которое он приобрел, тогда масштаб действия человека не будет столь ограничен как масштаб птицы или мангуста или собаки. Масштаб его действий будет значительно шире.

Реинкарнация (счетчик такси)

Товарнилки: Какое место вера в перевоплощение занимает в опыте Шри

Ауробиндо или Матери или в Вашем опыте?

Прежде всего, это не вера. Это факт.

Но в это намешано столько фантазий, что трудно об этом говорить.

Наша техническая и научная цивилизация толкует об атавизме, хромосомах, дедах и прадедах -- это другой способ говорить о "реинкарнации". Но, как всегда, мы схватываем лишь очень поверхностный аспект.

Несомненно, каждое рождение человеческого существа не является самым первым. Потому что, поистине, если бы человеческий опыт был ограничен тем, что человек являет собой в 40, 60 или 37 лет своей жизни, то это была бы ужасная абсурдность: открыть глаза на столь малое переживание и на столь короткое время. Если, в самом деле, жизнь кончается по истечении этого срока, и на этом все, то это было бы чудовищно.

Но у нас такое ограниченное и такое короткое видение вещей.

Хотя мы в самом деле чувствуем, в нашей собственной плоти, что определенные вещи в нашей жизни, столь жгучие, столь болезненные или противоречивые, должны приходить откуда-то.

Почему одни существа острее переживают их, чем другие? Почему некоторые существа переносят более тяжелую тьму? Почему некоторые существа остро нуждаются в Свете?

Из-за хромосом деда, матери или прабабушки? Или же это, скорее, продолжение вопроса, поставленного давным-давно? Или же это трудность, с которой они давно столкнулись, но не могут ее разрешить? Или же это зов, испущенный ими давным-давно, на который начинает приходить ответ?

Об этом очень трудно говорить, потому что люди немедленно обращают это в мыльную оперу и начинают судить о перевоплощении Александра Македонского или Карла Великого или... все это крайне наивно.

Мы перевоплощение нашей мечты.

Мы перевоплощение нашей молитвы.

Мы много стремились, много надеялись, молились на достижение чего-то -- да, это не прекращается из-за того, что вас кладут на погребальный костер или закапывают в землю. Эта молитва, этот зов следует за вами... следует за вами. Или же это крошечная тьма, которую вы переживаете, преследует вас.

Если мы могли бы видеть всю картину, то увидели бы одну и ту же историю, разворачивающуюся из столетия в столетие, под разными личинами, под разными видимыми обстоятельствами. Но за всеми этими видимостями (будь то в Египте, Греции, Риме, Европе или Индии), за всеми этими декорациями мы увидели бы все тот же самый постоянный поиск -- тот же самый зов нечто. И тогда, из эпохи в эпоху, в той декорации, в тех конкретных одеяниях, мы были бы внезапно охвачены и остановлены таким глубоким дыханием -- нечто, что заставляет слететь все одеяния, что выстраивает великую, великую родословную, на великой, великой дороге, которая была всегда, и затем... мы чувствуем: я буду существовать во веки веков.

Товарищ: Прекрасная, очаровательная история! Но все это лишено какой-либо уверенности.

Хорошо, взгляни, уверенность это... В течение тех нескольких секунд, когда отлетают прочь одеяния, декорации -- та пустыня, в которой все кажется валящимся как карточный домик -- в тот момент это так ясно, ты понимаешь, что нет места сомнению, нет места уверенности (смеясь): ты переживаешь факт.

Ты знаешь, что жил "этим" прежде, и ты снова будешь это переживать; это подобно самой сущности твоего существа в ходе всего путешествия, в римской, греческой, египетской или индийской одежде, и это одно и то же СУЩЕСТВО следует этим... курсом.

Товарищ: Поэтому это перевоплощение индивидуальности, личности, сознания? Вот что труднее всего ухватить. Потому что многие люди верят в некую реинкарнацию сил, даже в физическом, биологическом смысле. Но перевоплощение сознания, личности "я" -- это труднее всего понять, тем более, что большинство людей не имеет настоящих воспоминаний о прошлой жизни.

Естественно.

Но что на самом деле может "переноситься" из одной жизни в другую?

Все наши материальные занятия (будь то в Греции, Египте, Индии, Китае или Франции), все наши материальные пристрастия -- "Я собираюсь сделать столь много", "Я собираюсь занять такое вот положение", "Я собираюсь создать семью" -- все это полный ноль. Это не остается. Это меняется, разрушается, умирает.

Но что же в самом деле остается в жизни?

Возьмем нашу жизнь, вот эту -- что от нее остается?

Если мы посмотрим назад на двадцать или тридцать лет, если мы взглянем на это существование с высоты птичьего полета, то что на самом деле останется?

Приходят ли нам на ум все наши материальные пристрастия и тысячи пустяковых вещей? Нет. Но существуют особенные моменты, когда мы подобны... подобны чистому крику или широкому видению, открывающемуся, возможно, на ничто -- и все же существует только эта вещь.

Те моменты СИЯЮТ.

Это единственные вещи, которые остаются за 20, 30 или 40 лет нашего существования.

И внезапно мы останавливаемся на улице и смотрим на толпу -- эту бессмысленную толпу, эту толпу теней, спешащих по своим местам, на их подземку, их заботы -- мы стоим там как потерянные, как мельчайшая точка в толпе, и некий крик вырывается из глубины нашего сердца. Наши глаза открыты, и мы говорим себе "Но... но... кто? Кто же я? Что я такое? Кто эта личность посреди этой толпы теней?".

В тот момент в нас открывается новое видение. Все останавливается. Толпа исчезает. Вся суэта исчезает. И в сердце такая очень особенная вибрация. Как если бы та секунда всегда вибрировала.

И внезапно эта парковая скамейка в вечернем свете как будто бы впечатывается навсегда, эта магазинная витрина впечатывается навсегда - неважные детали запечатлеваются на целую вечность. И они связаны с той секундой, когда из нас внезапно вырывается крик, когда мы внезапно выпускаем наш настоящий человеческий крик.

Это остается. Те настоящие секунды входят в целую жизнь.

Те моменты, когда мы вырываемся из театра жизни, когда мы поднимаем наши "вопросы", когда открывается наше уникальное видение, когда теперешняя секунда становится полной.

Вот что остается.

Вот что переносится в другую жизнь.

И для многих людей это очень редкие мгновения в их жизни. Другие переживали чуть больше этих довольно жгучих и глубоких секунд.

Возможно, это объясняет разницу в глубине среди существ или же разницу их "качеств".

Тогда вы получаете слабый намек на то, чем может быть реинкарнация.

Это не перевоплощение великого воина или великого консула, ты понимаешь. Это реинкарнация маленького пламени истины, стремящегося все более и более наполнить эту жизнь, столь заполненную пустыми часами, столь пустыми, что кажется, что они никогда не должны были бы существовать.

И те существа стремятся все более и более заполнить, НАПОЛНИТЬ ту одну минуту существованием.

Я помню себя на дорогах Бразилии: я помню прогулку... И я взглянул на бульжники на дороге, говоря себе: "КАЖДУЮ СЕКУНДУ, КАЖДЫЙ БУЛЬЖНИК ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ." Каждая секунда должна иметь собственную прелесть. Это не должно быть нечто, на чем я гуляю и гуляю, и это все несуществующее."

В такси в Париже я наблюдал, как тикает счетчик: 60 сантимов, 80 сантимов, 1 франк -- и что происходило в течение ВСЕГО ТОГО ВРЕМЕНИ? Таксомотор накручивал очередные 20 сантимов, еще 40 сантимов. Я взглянул на этот счетчик и... оцепенел. Я сказал себе: "Но что ПРОИСХОДИТ все это время? Что же есть, что не 20 сантимов? Что же ЕСТЬ?"

Остались именно те секунды. И когда начинаешь переживать те секунды, они приобретают такую "чистоту", такую простую красоту. Это такой НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КРИК, ты знаешь, что ты хочешь, чтобы эти секунды повторялись вновь и вновь, чтобы каждая секунда БЫЛА, была ЖИВОЙ; чтобы вы были тем, кем на самом деле являетесь: быть человеческим существом каждую секунду. Не просто костюмом, переходящим от одной станции подземки к другой, из одного здания в другое, от одной женщины к другой... Что во всем этом? Это ужасно пусто.

Но те короткие секунды, когда мы внезапно останавливаемся, и из нас вырывается КРИК: Где я? Где я? Что я делаю? Что я ДЕЛАЮ во всем этом?

И когда этот "вопрос" становится достаточно сильным и жгучим, это как будто внезапно приходит сам ответ. Как если бы вы сразу стали нечто.

Так что те секунды живут вечно.

И из жизни в жизнь каждое человеческое существо становится все более "человеческим"... все более "наполненным" тем, чем оно на самом деле является.

Не декорация, не особенная одежда, не должностные обязанности, ты видишь, не обязанность заполнить паспорт или полицейское досье; но несколько жгучих коротких секунд, столь настоящих и чистых, когда, внезапно, бытие человека обретает смысл... которого не было в рыбе или аисте.

Товарницы: В Индии вера в реинкарнацию все еще очень распространена...

Но это не -

Товарницы: Как, по твоему мнению, является ли реинкарнация тем способом, которым люди живут этой верой? Я имею в виду то, что вера в реинкарнацию очень распространена в Индии; возможно, что она даже была создана, рождена там. Сегодня ею все еще живут миллионы и миллионы индийцев. Как, по твоему, является ли это тем, чем живут тем или иным образом?

То, что я пытаюсь объяснить, это вещь в ее сути, в ее более глубокой истине.

Но для индийцев реинкарнация не является верой. Я сказал бы, что для них это является верой ничуть не больше, чем для нас верой являются хромосомы и атавизм. Факт, что реинкарнация для них считается совершенно очевидной, потому что они чувствуют ее в собственной плоти. Они понимают, что когда наши бедствия преследуют нас, то тогда уж это должно быть продолжением нечто, что происходило раньше. И когда приходит несчастье, это для них не "несчастный случай": это проблема, которую они должны решить, которую они не решили в предыдущей жизни и которая теперь возвращается назад. Что же, тогда лучше устранить этот "случай" сейчас, чем допустить, чтобы он вернулся.

Действительный смысл реинкарнации заключается в прогрессе развития сознания.

Трудности приходят к нам не как несчастные случаи, а чтобы ВЫНУДИТЬ нас сделать еще один шаг вперед. Не подавить нас, а ЗАСТАВИТЬ нас идти.

Если бы мы только могли видеть, сколь позитивно ВСЕ. Что никогда не происходит несчастных случаев, никогда не происходит несчастья -- никогда, КОГДА БЫ ТО НИ БЫЛО -- даже в том, что кажется нам наиболее ужасным. Что ВСЕ имеет позитивный смысл и что ВСЕ является средством вынудить нас сделать еще один шаг вперед.

Ведь ты можешь увидеть реинкарнацию и в истории земли: от одной страны к другой, от одной нации к другой. И даже в истории какой-то одной нации.

Смехотворны лишь все те фантазии, которые смешаны с этим. Весь этот вздор: "Я был тем-то и тем-то". "Я был великим генералом", "я был...". Это не имеет значения -- не много, по крайней мере. Это не всегда полная чушь, но в 99.9% случаев это чистый вымысел и воображение.

Товарищ: Так что реинкарнация следует по направлению... перспективы эволюции?

Но все является эволюцией!

Нет ничего, кроме эволюции!

И что такое эволюция? Эволюция чего?

Что есть эволюция?

Это открытие Красоты, которая присутствует в ней, Любви, которая присутствует в ней -- ТОГО, чтоб всегда в ней, поистине, прямо перед нашими глазами, в материи, в нас самих, в нашем теле.

В самом деле это не открытие чего-то иного, кроме этого.

Это открытие уже присутствующего, чего мы не видим, что мы не понимаем -- что покрыто всевозможными привычками.

Это, в самом деле, постепенное раскрытие чуда.

Каждый вид подобен новому видению, открывающемуся на земле.

Очевидно, наше человеческое видение более открыто, чем видение мангуста. Но это все еще не "тотальное" видение того, что ПРИСУТСТВУЕТ на земле.

Эволюция -- это растущее видение.

И, наконец, она означает быть всем сущим.